

CONTENTS

ARTIFICIAL INTELLIGENCE AND VICTOR PELEVIN	
	Bugaeva Liubov Dmitrievna 11
DANIEL DEFO'S ROBINSON CRUSO TRILOGY: EXPERIENCE OF TRANSLATION AND ADAPTATION INTO RUSSIAN	
	Vysokova Veronika Vitalievna 29
M.Y. LERMONTOV'S CULTUROSOPHY: NORTH AND EAST IN THE POET'S ALLEGORICAL POEMS	Koshemchuk Tatiana Alexandrovna 47
YAKOV POLONSKY. "AFTER THE FEAST", 1849: TEXT AND OVERTEXT	
	Modebadze Irine Igorevna 67
CASE AND CASE-PREPOSITIONAL FORMS' DEVELOPMENT TRENDS IN THE HISTORY OF THE RUSSIAN LANGUAGE	Tabachenko Liudmila Vladimirovna 87
SEMANTIC TREASURES OF THE RUSSIAN WORD	
	Kharitonchik Zinaida Andreevna 107
COMMUNICATIVE PRACTICES OF REALIZATION PROCESSUAL SCENARIO IN RUSSIAN BUSINESS LETTER	Guryeva Natalya Yuryevna 127
«HISTORY WILL GAIN NOTHING NEW FROM THESE LETTERS»: TRANSLATIONS OF «LADY RONDEAU'S LETTERS» (1728–1739) IN 19TH- CENTURY RUSSIA	Sozinova Ksenia Andreevna 147
LANGUAGE PRACTICES AND SYSTEMATIZATION OF INFORMATION ABOUT THE RUSSIAN KINGDOM IN ENGLAND IN THE SECOND HALF OF THE 16th – BEGINNING OF THE 17th CENTURIES	Shpak Georgy Vladimirovich 165
ABOUT THE RATIO OF PREDICATIVE AND FULL PARTICIPIAL FORMS OF RUSSIAN VERBS AND THE METHOD OF THEIR TRANSMISSION INTO PERSIAN	Mehrabi Qaysar 183
REPRESENTATION OF EPISTEMIC VIRTUES IN MAGAZINE "RASTUSCHIY VINOGRAD" (1785–1787)	Shipitsyna Yulia Sergeevna 203
CANONIZATION OF THE VISUAL IMAGE OF RUSSIAN WRITERS IN PORTRAITURE OF THE 19TH-20TH CENTURIES	Morozova Praskovya Ilyinichna 221

Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka i Literatury

Scientific journal

Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka i Literatury

Iranian Association of Russian Language and Literature

The journal is published twice a year, supported by
Iranian Association of Russian Language and Literature

Managing Editor: Janolah Karimi-Motahhar

Editor-in-Chief: Marzieh Yahyapour

Executive Secretary: M. Mohammad Beygi

Scientific Editor: S.V. Shustova

Editorial Board:

Ahmadi Mireyla, Associate Professor of the Russian Language Department, Tarbiat Modarres University (Tehran, Iran)

Akhmetshin R.B., Associate Professor of the Department of the History of Russian Literature, Moscow State University (Moscow, Russia)

Gholami Hossein, Professor of the Department of Russian Language and Literature, University of Tehran (Tehran, Iran)

Golovin V.V., Doctor of Philology, Professor, Director of the Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russia)

Yerofeva T.I., Doctor of Philology, Professor of the Department of Theoretical and Applied Linguistics, Perm State National Research University (Perm, Russia)

Zavyalova E.E., Doctor of Philology, Professor of the Department of Literature, Faculty of Philology and Journalism, Astrakhan State University (Astrakhan, Russia)

Kazieva A.M., Doctor of Philology, Professor of the Department of Russian and Foreign Literature of the Pyatigorsk Linguistic University (Pyatigorsk, Russia)

Karimi-Motahhar Janolah, Professor of the Department of Russian Language and Literature, University of Tehran (Tehran, Iran)

Kotelnikov V.A., Doctor of Philology, Professor, Chief Researcher of the Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences, Department of New Russian Literature (St. Petersburg, Russia)

Mohammadi Mohammad-Reza, Associate Professor of the Russian Language Department, Tarbiat Modarres University (Tehran, Iran)

Shustova S.V., Doctor of Philology, Professor of the Department of Theoretical and Applied Linguistics, Perm State National Research University (Perm, Russia)

Yahyapour Marzieh, Professor of the Department of Russian Language and Literature, University of Tehran (Tehran, Iran)

It was founded in 2013.

ISSN 2345-2498

e-ISSN 2476-3500

Tehran - Iran

<http://www.journaliarll.ir>

International Editorial Board:

Aloe Stefano, Doctor of Philology, Professor of Russian literature and Slavic Studies, Department of Foreign Languages and Literatures, University of Verona (Verona, Italy)

Broda Marian, Doctor of Humanities sciences, Professor of European's explore, University of Lodz (Lodz, Poland)

Vidmarovich Natalia Petrovna, Doctor of Philology, Professor of the Department of Russian Language Division of the East Slavic Languages and Literatures Faculty of Philosophy, University of Zagreb (Zagreb, Croatia)

Koshemchuk Tatiana Alexandrovna, Doctor of Philology, Professor of the Department of Linguistics and Intercultural Communication, St. Petersburg Agrarian University (Saint-Petersburg, Russia)

Lepakhin Valery Vladimirovich, Doctor of Philology, Professor of the Department of Russian Philology of the University of Szeged (Szeged, Hungary)

Liutskanov Yordan Dimitrov, Doctor of Russian literature, associate professor of the Institute for Literature, Bulgarian Academy of Sciences (Sofia, Bulgaria)

Melville Firuza Abdullaeva, Doctor of Philology, Director of the research center of Iranian studies, Faculty of Asian and Middle Eastern Studies, University of Cambridge (Cambridge, UK)

Modebadze Irine Igorevna, Doctor of Philology, Senior Researcher, Department of Theory of Literature and Comparative Literature, Shota Rustaveli Institute Of Georgian Literature (Tbilisi, Georgia)

Molnar Angelika, Ph.D. in Philology, Associate Professor of the Department of Russian Language and Literature, University of West Hungary (Szombathely, Hungary)

Motorin Alexander Vasilievich, Doctor of Philological Sciences, Professor, The Yaroslav-the-Wise Novgorod State University (Veliky Novgorod, Russia).

Nazibekova Mehrinissa, Doctor of Philology, Professor of Faculty of Russian language and literature, Tajik National University (Dushanbe, Tajikistan)

Nike Michelle, Ph.D., Professor at the University of Caen-Normandy (Caen-Normandy, France)

Sawada Kazuhiko, Doctor of Philology, Professor of Faculty of Humanities, Saitama University (Saitama, Japan)

Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka i Literatury

"Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka i Literatury" is published in Iran with the aim of publishing original research on the Russian language and literature. The content of the article should correspond to the subject of the journal. Articles prepared in the following fields are accepted: general linguistics, comparative and comparative linguistics, socio- and psycholinguistics, functional grammar, literature, comparative literary criticism, linguodidactics, and translation studies.

Requirements for the article:

- The forwarded articles should be the results of research by the author(s) of the article.
- The language of the journal is Russian.
- The forwarded articles should not be sent for other journals simultaneously, or it should not be published in other journal.
- Materials forwarded to the editorial office can not be returned.
- Article structure: title, abstract (120-140 words), keywords (5-7 words), introduction, main text, conclusion and list of used literature (in Russian and English). The main text should not be less than 3000 and more than 4000 words.
- At the beginning of the article: full title of the article, name and surname, place of work, academic degree, rank, e-mail address, telephone of the author(s).
- Information about quoted sources in the text of the article have to given in parentheses, including the author's surname, year of publication of the source and page numbers (Ivanov 2013. 92).
- Bibliographic references contain the mandatory elements of the description in the strict sequence in alphabetical order of the author's surnames as follows:
- **Book:** surname, date of publication (in parentheses), *title of main and non-main work (italics are typed)*, place of publication, publishing house.
- **Article:** surname, name, date of publication (in parentheses), title of article, *title of journal or collection of articles (italics)*, year and magazine number, place of publication and publishing house for the first and last pages of the article.
- **Internet sources:** surname, name, title of the work, full address of the Internet (site), date of circulation.
- Materials are provided in the following form: in the Word editor 1997-2003; font "Times New Roman"; the main text is size 14; interval 1.5; upper and lower margins -2.5 cm; left field -3 cm, right field -1.5 cm; indent (paragraph) -1.25 cm.
- You can send the article to the email address of the editor in chief:
myahya@ut.ac.ir, journaliarll@gmail.com

Во имя Аллаха Милостивого, Милосердного!

СОДЕРЖАНИЕ

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ И ВИКТОР ЦЕЛЕВИН	
	Бугаева Любовь Дмитриевна 11
ТРИЛОГИЯ ДАНИЭЛЯ ДЕФО О РОБИНЗОНЕ КРУЗО: ОПЫТ ПЕРЕВОДА И АДАПТАЦИИ НА РУССКИЙ ЯЗЫК	Высокова Вероника Витальевна 29
КУЛЬТУРОСОФИЯ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА: СЕВЕР И ВОСТОК В АЛЛЕГОРИЧЕСКИХ СТИХОТВОРЕНИЯХ ПОЭТА	
	Кошемчук Татьяна Александровна 47
ЯКОВ ПОЛОНСКИЙ. «ПОСЛЕ ПРАЗДНИКА», 1849: ТЕКСТ И ЗАТЕКСТ	
	Модебадзе Иринэ Игоревна 67
ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ПАДЕЖНЫХ И ПРЕДЛОЖНО-ПАДЕЖНЫХ ФОРМ В ИСТОРИИ РУССКОГО ЯЗЫКА	Табаченко Людмила Владимировна 87
СЕМАНТИЧЕСКИЕ СОКРОВИЩА РУССКОГО СЛОВА	
	Харитончик Зинаида Андреевна 107
КОММУНИКАТИВНЫЕ ПРАКТИКИ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО СЦЕНАРИЯ В РУССКОМ ДЕЛОВОМ ПИСЬМЕ	Гурьева Наталья Юрьевна 127
«ИСТОРИИ НЕЧЕМ ПОЖИВИТЬСЯ ОТ ЭТИХ ПИСЕМ»: ПЕРЕВОДЫ «ПИСЕМ ЛЕДИ РОНДО» (1728–1739) В РОССИИ XIX В.	Созинова Ксения Андреевна 147
ЯЗЫКОВЫЕ ПРАКТИКИ И СИСТЕМАТИЗАЦИЯ СВЕДЕНИЙ О РУССКОМ ЦАРСТВЕ В АНГЛИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVI – НАЧ. XVII ВВ.	
	Шпак Георгий Владимирович 165
О СООТНОШЕНИИ ПРЕДИКАТИВНЫХ И ПОЛНЫХ ПРИЧАСТНЫХ ФОРМ РУССКИХ ГЛАГОЛОВ И СПОСОБА ИХ ПЕРЕДАЧИ НА ПЕРСИДСКИЙ ЯЗЫК	
	Мехраби Кесарь 183
РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЭПИСТЕМИЧЕСКИХ ДОБРОДЕТЕЛЕЙ В ЖУРНАЛЕ «РАСТУЩИЙ ВИНОГРАД» (1785–1787)	Шипицына Юлия Сергеевна 203
КАНОНИЗАЦИЯ ВИЗУАЛЬНОГО ОБРАЗА РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ В ПОРТРЕТНОЙ ЖИВОПИСИ XIX-XX ВВ.	Морозова Прасковья Ильинична 221

Исследовательский Журнал Русского Языка и Литературы

Научный журнал
Исследовательский журнал русского языка и литературы

Иранская ассоциация русского языка и литературы
Журнал выходит 2 раза в год при поддержке
Иранской ассоциации русского языка и литературы

Ответственный редактор:

Дж. Карими-Мотаххар

Главный редактор:

Марзие Яхьяпур

Ответственный секретарь:

М. Мухаммадбегии

Научный редактор:

С.В. Шустова

Редакционная коллегия:

Ахмади Мирейла, доцент кафедры русского языка, Университет тарбият модаррес (Тегеран, Иран)

Ахметшин Р.Б., доцент кафедры истории русской литературы, Московский государственный университет (Москва, Россия)

Голами Хосейн, профессор кафедры русского языка и литературы, Тегеранский университет (Тегеран, Иран)

Головин В.В., доктор филологических наук, профессор, директор Института русской литературы (Пушкинского Дома) Российской Академии наук (Санкт-Петербург, Россия)

Ерофеева Т.И., доктор филологических наук, профессор кафедры теоретического и прикладного языкознания, ФГБОУ ВПО «Пермский государственный национальный исследовательский университет» (Пермь, Россия)

Завьялова Е.Е., доктор филологических наук, профессор кафедры литературы факультета филологии и журналистики ФГБОУ ВПО «Астраханский государственный университет» (Астрахань, Россия)

Казиева А.М., доктор филологических наук, профессор кафедры отечественной и зарубежной литературы ФГБОУ ВПО «Пятигорский лингвистический университет» (Пятигорск, Россия)

Карими-Мотаххар Джанолах, профессор кафедры русского языка и литературы, Тегеранский университет (Тегеран, Иран)

Котельников В.А., доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинского Дома) Российской Академии наук, Отдел новой русской литературы (Санкт-Петербург, Россия)

Мохаммади Мохаммад-Реза, доцент кафедры русского языка, Университет тарбият модаррес (Тегеран, Иран)

Шустова С.В., доктор филологических наук, профессор кафедры теоретического и прикладного языкознания, ФГБОУ ВПО «Пермский государственный национальный исследовательский университет» (Пермь, Россия)

Яхьяпур Марзие, профессор кафедры русского языка и литературы, Тегеранский университет (Тегеран, Иран)

Основан в 2013 году.

ISSN печатной версии 2345-2498

ISSN электронной версии 2476-3500

Тегеран - Иран

<http://www.journaliarll.ir>

Международный редакционный совет:

Алоэ Стефано, доктор филологических наук, профессор русской литературы и славяноведения, департамент иностранных языков и литератур, Университет г. Вероны (Верона, Италия)

Брода Мариан, доктор гуманитарных наук, профессор кафедры европейских исследований, Лодзинский университет (Лодзь, Польша).

Видмарович Наталия Петровна, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Отделения восточнославянских языков и литератур Философского факультета Загребского университета (Загреб, Хорватия)

Кошемчук Татьяна Александровна, доктор филологических наук, профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации, Санкт-Петербургский аграрный университет (Санкт-Петербург, Россия).

Лепяхин Валерий Владимирович, доктор филологических наук, профессор кафедры русской филологии Сегедского университета (Сегед, Венгрия).

Люцканов Йордан Димитров, доктор русской литературы, доцент Института литературы Болгарской академии наук (София, Болгария).

Мелвилл Фируза Ибодуллаевна, доктор филологии, Директор Центра Иранистических исследований, Пемброк Колледж, Кембриджский университет (Кембридж, Великобритания).

Модебадзе Иринэ Игоревна, доктор филологии, старший научный сотрудник Отдела теории литературы и компаративистики, Институт грузинской литературы им. Шота Руставели (Тбилиси, Грузия)

Молнар Ангелика, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы, Западновенгерский Университет (Сомбатхей, Венгрия)

Моторин Александр Васильевич, доктор филологических наук, профессор, Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого (Великий Новгород, Россия).

Нагзибекова Мехриниссо – доктор филологических наук, профессор, Таджикский национальный университет (Душанбе, Таджикистан)

Никё Мишель, доктор филологических наук, профессор Университета Кана-Нормандии (Кан-Нормандия, Франция)

Савада Кадзухико, доктор филологических наук, профессор гуманитарного факультета, Государственный университет Сайтама (Сайтама, Япония)

Исследовательский Журнал Русского Языка и Литературы

"Исследовательский журнал русского языка и литературы" издается в Иране с целью публикации оригинальных исследований, посвященных русскому языку и литературе. Содержание статьи должно соответствовать тематике журнала. Принимаются статьи, подготовленные в следующих областях: общее языкознание, сравнительное и сопоставительное языкознание, социо- и психолингвистика, функциональная грамматика, литература, сравнительное литературоведение, лингводидактика, переводоведение.

Требования к оформлению статьи:

- Присланные статьи должны быть результатами исследований автора (авторов) статьи.
- Язык журнала – русский.
- К изданию принимаются статьи, ранее нигде не публиковавшиеся.
- Поступившие в редакцию материалы возврату не подлежат.
- Структура статьи: название, аннотация (120-140 слов), ключевые слова (5-7 слов), введение, основной текст, заключение и список использованной литературы (на русском и английском языках). Основной текст не должен быть менее 3000 и более 4000 слов.
- В начале статьи помещаются: полное название статьи, имя и фамилия, место работы, ученая степень, звание, адрес электронной почты, телефон автора (авторов).
- Сведения о цитируемых источниках в тексте статьи приводятся в скобках, включая фамилию автора, год издания источника и номера страниц (Иванов 2013. 92).
- В библиографических ссылках приводятся обязательные элементы описания в строгой последовательности по алфавитному порядку фамилий авторов нижеследующим образом:
Книга: фамилия, дата издания (в скобках), название основного и неглавного произведения (набираются курсивом), место издания, издательство.
Статья: фамилия, имя, дата издания (в скобках), название статьи, название журнала или сборника статей (набираются курсивом), год и номер журнала, место издания и издательства для сборника статей первая и последняя страницы статьи.
Интернет-источники: фамилия, имя, название произведения, полный адрес интернета (сайта), дата обращения.
- Материалы предоставляются в следующем виде: в редакторе Word 1997–2003; шрифт “Times New Roman”; основной текст – кегль 14; интервал 1,5; верхнее и нижнее поля –2,5 см; левое поле –3 см, правое поле –1,5 см; отступ (абзац) – 1,25 см.
- Вы направляете статью на электронный адрес главного редактора: myahya@ut.ac.ir, journaliarll@gmail.com

SID

"Лицензионный договор с ООО НАУЧНАЯ ЭЛЕКТРОННАЯ БИБЛИОТЕКА от 26 января 2016 г. № 18-01/2016 на размещение журнала в РИНЦ."

http://elibrary.ru/title_about.asp?id=56226

"License agreement with LLC SCIENTIFIC ELECTRONIC LIBRARY of January 26, 2016 No. 18-01 / 2016 for the publication of the journal in the RINC."

http://elibrary.ru/title_about.asp?id=56226

ARTIFICIAL INTELLIGENCE AND VICTOR PELEVIN

Bugaeva Liubov Dmitrievna^{1*}

Professor, St. Petersburg State University,

St. Petersburg, Russia.

(date of receiving: February, 2023; date of acceptance: July, 2023)

Abstract

Victor Pelevin in his later works, as well as in his early short stories and novels, often reflects on digital reality, the algorithms of the future, and the problems of the interaction between artificial intelligence and humans. He considers possible answers to the question whether artificial intelligence is capable of independent thinking or is just a simulation of human consciousness activity. This article focuses on artificial intelligence, the thought experiment the Chinese room, the Turing test, and the optical illusion called the Necker's cube. It also discusses how these experiments, ideas and hypotheses are treated in the works of Pelevin, in particular in his novel "S.N.U.F.F." (2011). It seems that Pelevin's prose, addressed to the problems of artificial intelligence, is characterized by an oscillation between two extremes, which connects the writer, especially his later works, with the tradition of metamodernism.

Keywords: Victor Pelevin, "S.N.U.F.F.", Artificial Intelligence, Thought Experiment, Optical Illusion, The Principle of Complementarity, Metamodernism.

1. E-mail: l.bugaeva@spbu.ru; <https://orcid.org/0000-0003-3984-8386>

* Corresponding author

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ И ВИКТОР ПЕЛЕВИН

Бугаева Любовь Дмитриевна^{1*}

профессор, Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия.

(дата получения: февраль 2023 г.; дата принятия: июль 2023 г.)

Аннотация

Виктор Пелевин, начиная с ранних рассказов и романов, размышляет о цифровой реальности, алгоритмах будущего, проблемах взаимодействия искусственного интеллекта и человека. Одна из основных проблем связана с ответом на вопрос, обладает ли искусственный интеллект независимым мышлением или он всего лишь симуляция деятельности человеческого сознания. В статье речь пойдет об искусственном интеллекте, о мысленном эксперименте «китайская комната», о тесте Тьюринга, об оптической иллюзии, получившей название «куб Неккера», и об обыгрывании этих экспериментов, идей и гипотез в произведениях Пелевина, в частности, в романе «S.N.U.F.F.» (2011). Представляется, что для прозы Пелевина, обращенной к проблемам искусственного интеллекта, характерна осцилляция, то есть колебание между двумя крайностями, что вписывает писателя, особенно его поздние произведения, в традицию метамодернизма, пришедшего на смену постмодернизму.

Ключевые слова: Виктор Пелевин, «S.N.U.F.F.», Искусственный Интеллект, Мысленный Эксперимент, Оптическая Иллюзия, Принцип Дополнительности, Метамодернизм.

Введение

Искусственный интеллект – это не робот «с лампочкой на голове», а «бестелесный и безличный дух, живущий в построенной человеком среде» (Пелевин 2017. 7), – заявляет герой одного из романов Виктора Пелевина (1962 г. р.), пожалуй, наиболее загадочного автора в современной русской литературе. Какие проблемы стоят за этими словами писателя? Что представляет собой искусственный интеллект, обладает ли он независимым мышлением или он есть всего лишь симуляция деятельности человеческого сознания?

В поисках ответа на вопрос о природе искусственного интеллекта Пелевин обращается к мысленным экспериментам, то есть к гипотетическим ситуациям, существующим в воображении, которые конструируются с тем, чтобы проверить какую-либо гипотезу, представив и проследив вероятные следствия ее реализации. Мысленные эксперименты встречаются в разных областях знания. Например, парадокс убитого дедушки есть результат мысленного эксперимента, поставленного при обсуждении возможности путешествия во времени. А проблема вагонетки – это мысленный эксперимент, поднимающий вопросы сразу в нескольких областях этики. В прозе Пелевина мысленные эксперименты, связанные с проблемами искусственного интеллекта, не только становятся предметом художественной рефлексии, но и в ряде случаев организуют отдельные эпизоды и/или композицию всего произведения. Тем самым, с одной стороны, философия входит в литературную ткань произведения, а с другой, литература отзывается на философию. Писатель как бы предлагает еще одну интерпретацию эксперимента, но не научную, а художественную, хотя и воспроизводит при этом аргументацию философских дискуссий, которые неизбежно возникают вокруг каждого мысленного эксперимента.

Литература, по словам И. П. Смирнова, «не только мимезис, но и поїезис – своеобразная греза, порождающая универсум, по каким-то параметрам альтернативный данному» (Смирнов 2010. 9). Мысленный эксперимент образует внутри данного альтернативного универсума еще один универсум, альтернативный. К нему приложимо понятие интерпретанты (или интерпретанта) в том смысле, которое вкладывал в него Чарльз Сандерс Пирс, так как эксперимент включается в семиозис на правах знака. Задача статьи состоит в том, чтобы проследить за тем, как логика философской аргументации преломляется в художественном тексте, и раскрыть смыслы, которые стоят за мысленными экспериментами в десятом романе Пелевина «S.N.U.F.F.» (2011).

Философский мысленный эксперимент в художественном тексте и, в частности мысленный эксперимент в произведениях Пелевина, еще не был объектом системного научного описания, и данная статья призвана заполнить эту лауну. Наша гипотеза состоит в следующем: обращаясь к проблемам искусственного интеллекта, Пелевин воспроизводит конкурирующие, зачастую взаимоисключающие, аргументации дискуссий вокруг философских мысленных экспериментов, проблематизируя тем самым возможность однозначного ответа на поставленный экспериментом вопрос. Данная авторская стратегия позволяет включить поздние произведения Пелевина в традицию метамодернизма, для которого характерна такая черта как колебание (осцилляция).

Основная часть

Роман Пелевина «S.N.U.F.F.», вышел с подзаголовком «утопія». В поле зрения авторов утопий, как правило, попадает политическая организация общества, экономический уклад, образование, женский вопрос, расовый вопрос, воспитание детей и т.п. При этом в утопиях нередко обсуждаются не

только проблемы технического прогресса, но и проблемы биологии, которая в периоды интенсивного построения моделей будущего предстает как «царица наук». Цель биологических экспериментов в утопической литературе – раскрытие механизмов, позволяющих управлять эволюцией человека и совершенствовать человека в физиологическом плане. Так, еще на рубеже XIX–XX вв. получает развитие тема евгеники, берущая начало в «Утопии» Т. Мора и «Республике» Платона и оформившаяся как учение в 1860-е гг. в работах Фрэнсиса Гальтона. В начале XXI в. роман Пелевина «S.N.U.F.F.» продолжит поиски «нового», более совершенного, человека в утопической литературе: через обращение к проблеме искусственного интеллекта роман актуализирует обсуждение эволюции человека.

Действие произведения происходит в отдаленном будущем: на территории, которая раньше была Сибирью, теперь находится отсталая в техническом плане Уркаина (Уркаинский Уркаганат), где живут «орки», а в небе над Уркаиной висит гигантский шар Биантиум, населенный «людьми». В высокотехнологичном мире Биантиума (Биг Биза) есть свои Париж и Лондон, вернее – проекции Парижа и Лондона, и в этом продвинутом мире, куда лишь изредка и за особые заслуги допускают отдельных избранных представителей орков, живет Демьян-Ландульф Дамилола Карпов, от имени которого ведется повествование. Дамилола Карпов – кинооператор, снимающий при помощи беспилотной кинокамеры особого рода новостные ролики – снафы, в которых все, что происходит, происходит в действительности, на физическом уровне, а не создается на экране компьютера, хотя кинооператор и может «срежиссировать» события, которые он снимает, например, поведение заранее выбранных для наблюдения орков во время воздушного налета в ходе боевых действий. Как говорит сам герой,

«снафы – не развлечение <...>. Это таинство. И это правда. Не просто правда, а самая ее суть... Хотя, конечно, вымысел в них тоже

есть <...>. Сюжет, костюмы, исторический период... Но это как обертка от конфеты. А сама конфета сделана из чистейшей истины. <...> это фундамент, на котором можно строить все остальное» (Пелевин 2012. 323).

Популярность снафов объясняется тягой к реальному в мире Бизантиума, где практически все, включая вид из окна, создается искусственно. Оппозиция *искусственное / естественное* реализуется как в публичном, так и в приватном пространстве. Так, например, отношения между мужчиной и женщиной, согласно установленному законом возрасту согласия, возможны лишь при достижении партнерами возраста 46 лет. В результате многие жители Бизантиума, в том числе Карпов, живут с андроидами. Андроид по имени Кая, принадлежащий Демьяну-Ландульфу Дамилоле Карпову, – это «самоподдерживающаяся биосинтетическая машина класса “премиум 1”» (Там же. 57), причем ее самая совершенная модель, практически неотличимая от человека:

Что у нее внутри, я не знаю. <...> Я не знаю, как работает эта атомная батарейка и вся синтетическая биология внутри ее тела. Я только знаю, что в телесном смысле она неотличима от юного, идеально здорового и свежевывымытого человеческого существа. У нее есть даже электронный симулятор биополя. Физически она почти нас не превосходит – она не может слишком быстро бегать или совершать разные акробатические трюки <...>. Это домашнее создание, рассчитанное главным образом на спокойные перемещения по жилищу. Зато ходить, жестикулировать и выполнять всякую мелкую домашнюю работу она может ничуть не хуже человека. Она дышит – вернее, делает вид. Но воздух все время выходит из ее тела, и говорит она в точности как мы. Она не нуждается практически ни в чем, даже в ремонте – если

повредить ее нежную кожу, рана вскоре затянется сама <...>

Самовосстанавливающаяся квазиорганическая модель (Там же. 58).

Более того, в романе Пелевина андроид Кая оказывается практически неотличимой от человека в плане коммуникации. Кая «не просто произносит слова, а вступает <...> в полноценное общение» (Там же. 62). Она может проявлять интерес к работе собеседника, говорить о жизни и смерти, о любви и революции, о религии и атеизме, о природном и социальном начале в человеке и т. п. Возникает вопрос, чем же тогда отличается Дамилола Карпов от своего андроида Каи. В чем разница между человеком и искусственным интеллектом? Дамилола спрашивает себя: «Способна ли Кая переживать и чувствовать как я? Есть ли обитатель у китайской комнаты в ее голове? Или внутри у нее лишь черная пустота?» (Там же. 392).

Пелевин явно опирается на мысленный эксперимент «китайская комната», поставленный философом Джоном Серлем в 1980 г. Суть данного эксперимента заключается в следующем. Представьте себе запертую комнату, в которой находится англоговорящий человек, например, сам Джон Серль, который не говорит и не читает по-китайски, не знает ни одного китайского иероглифа и не способен распознать китайскую письменность или, к примеру, отличить ее от японской или корейской, но имеет под рукой различные инструкции, позволяющие составлять из иероглифов осмысленные фразы. На записанные иероглифами вопросы он дает связные ответы, хотя совершенно не понимает смысла ни вопросов, ни ответов. Тем не менее, с точки зрения наблюдателей, находящихся за пределами комнаты, он в совершенстве владеет китайским языком, так как ответы соответствуют заданным вопросам и кажется, что отвечающий вполне понимает, о чем его спрашивают. Можно сказать, что тест на знание китайского языка пройден. Закрытая комната предстает здесь аналогом компьютера, человек в комнате – аналогом

компьютерного процессора, а инструкции, которыми пользуется оператор, – аналогом компьютерного алгоритма. Серль таким образом проблематизировал наличие сознания у искусственного интеллекта.

Серля волновал вопрос, можно ли считать, что тот, кто находится внутри комнаты, знает китайский язык, то есть способен ли компьютер, или искусственный интеллект, мыслить самостоятельно и разумно? Другими словами, пройден ли тест на наличие сознания? Основные положения данного теста, известного как «тест Тьюринга», сформулированы в статье английского логика и математика Алана Тьюринга «Вычислительные машины и разум» (Turing 1950. 433–460). Тьюринг предлагал искать ответ не на вопрос, могут ли машины думать, а на вопрос, могут ли машины выиграть в игре-имитации. В этой гипотетической игре принимают участие три игрока: машина, человек и находящийся в другом помещении экзаменатор, в задачу которого входит определить, кто из экзаменуемых является человеком, а кто машиной, то есть может ли машина максимально точно воспроизвести когнитивную деятельность человека. Тьюринг, по словам героя пелевинского романа, считал, что, когда программы смогут обмануть тридцать процентов экспертов после пятиминутной беседы, это и будет признанием способности машины мыслить (Пелевин 2012. 396).

Статья Тьюринга подвергла критике аргументы против искусственного интеллекта, но дискуссия вокруг возможностей и перспектив развития искусственного интеллекта на этом не закончилась. И мысленный эксперимент Серля, и тест Тьюринга положили начало многочисленным бурным дискуссиям о возможностях искусственного интеллекта. Эксперимент Серля «китайская комната» в действительности критикует тест Тьюринга. Система, состоящая из комнаты (компьютера), оператора (компьютерного процессора) и набора правил (компьютерного алгоритма), может пройти тест Тьюринга, но это вовсе не означает наличия у системы сознания. Теория «сильного»

искусственного интеллекта, допускающая способность компьютера мыслить, с точки зрения Серля, абсолютно несостоятельна.

Эксперимент Серля расколол участников философской дискуссии на несколько групп. Философский мысленный эксперимент и аргументация сторонников и противников «сильного» искусственного интеллекта легли в основу пелевинского романа. Не случайно Дамилола Карпов постоянно ищет ответ на вопрос, есть ли обитатель у китайской комнаты в голове Каи. То есть обладает ли самообучающийся андроид независимым мышлением и сознанием или же работа «мозга» андроида не более чем симуляция деятельности человеческого сознания. Пелевин привлекает к дискуссии о статусе искусственного интеллекта «аргумент зомби». Этот аргумент получил развитие в работах австралийского философа Дэвида Чалмерса и американского философа Дэниела Деннета. По Чалмерсу, проблема сознания связана с невозможностью объяснить связь между переработкой информации и возникновением опыта. Австралийский философ считает, что если вообразить существо в физическом плане неотличимое от человека – так называемого философского зомби, то главным качеством, которое все же должно разграничить зомби и человека, будет отсутствие внутреннего опыта: «Зомби – это просто нечто физически идентичное мне, но лишенное сознательного опыта, где все темно внутри» (Чалмерс 2019 / 2017. 128). Дамилола Карпов, размышляя о том, не является ли его андроид зомби, замечает:

«Философский зомби – вовсе не мертвец, поднятый из могилы чтением «Критики Чистого Разума» или «Les Feuilles Mortes». Это существо, которое выглядит, говорит и вообще во всех возможных проявлениях ведет себя в точности как люди. Единственное его отличие – у него нет человеческой души. Нет сознания, света Маниту, неважно, как это называть. Можно смотреть на такого зомби и слушать его – но нельзя быть им изнутри» (Пелевин 2012. 392).

Отсутствие «света Маниту» переключается с чалмеровским заявлением о темноте внутри зомби. Пелевин вступает в прямой диалог с философом:

«Для кого, спрашивается, темно? Для Чалмерса или для самого зомби? Если для Чалмерса, то как для него вообще может быть светло внутри у кого-то другого? А если темно для зомби, то где тогда для него светло? У Чалмерса?» (Там же. 393).

Пелевин, однако, вкладывает в уста Дамилолы Карпова критику не только позиции Чалмерса, но и вступившего в полемику с Чалмерсом Деннета (Dennett 1991). Критическая позиция Дамилолы снимает противоречия между двумя, казалось бы, противоположными философскими позициями:

«Сомелье по имени Деннет вообще ввел понятие “зимбо”. Это был “зомби, который может отслеживать свою собственную деятельность по бесконечно восходящей рефлексивной спирали” и “обладает внутренними (но бессознательными) информационными состояниями высокого порядка о своих информационных состояниях более низкого порядка”. Во как. Этот “зимбо”, утверждал Деннет, смог бы верить (тоже бессознательно), будто ему свойственны различные умственные состояния, о которых он может отчитаться. Он думал бы, что он сознателен, даже если бы не обладал сознанием... Тут мне стало окончательно непонятно, как это зимбо мог бы во что-то верить и думать, если он по своей природе способен был только “иметь информационные состояния”» (Пелевин 2012. 394).

Самостоятельность мышления и поведения Каи постоянно подвергается сомнению, но в диалогах между андроидом и Дамилолой Карповым также ставится под сомнение исключительное право человека на сознание:

«– Вот ты говоришь про Свет Маниту <...> Что у тебя внутри он есть, а у меня нет. Ты правда веришь, что Маниту у тебя внутри?»

– Да, – ответил я.

– А ему там не тесно? Не противно?

– Это только способ говорить. На самом деле <...> у Маниту нет ни внутри, ни снаружи. Можно сказать, что мы существуем в Свете Маниту. И сами есть этот Свет. А в тебе, милая, есть только информационные процессы.

– Правильно. Но почему ты считаешь, что Свет Маниту способен освещать эти информационные процессы только через посредство твоих шести чувств?» (Там же. 399).

Между человеком и андроидом в романе Пелевина то есть разница, то нет. Кая видит в действиях и поступках Дамилолы Карпова детерминированность, хотя и несколько иного плана, чем в действиях и поступках андроида. Рассуждая о структуре человеческого восприятия, Кая утверждает, что управляем не только андроид, но и человек, тем самым она прочерчивает параллель между человеком и компьютерной программой:

«Сначала твои органы чувств доносят до твоего мозга сигнал о каком-то событии. Затем мозг начинает классифицировать это событие при помощи своих лекал и схем, пытаясь соотнести его с уже имеющимся опытом. В результате событие признается либо приятным, либо неприятным, либо нейтральным. И мозг в дальнейшем имеет дело уже не с событием, а только с бирками «приятный», «неприятный» и «никакой». <...>

Мой маршрут нарисован внутри меня программно, <...> а твой маршрут нарисован внутри тебя химически. И когда тебе кажется, что ты идешь к свету и счастью, ты просто идешь к своему внутреннему

дрессировщику за очередным куском сахара. Причем нельзя даже сказать, что это идешь ты. Просто химический компьютер выполняет оператор “take sugar”, чтобы перейти к оператору “rejoice 5 seconds» (Там же. 400, 402–403).

Пелевин актуализирует как мысленный эксперимент Серля, так и его разнообразные интерпретации, заставляя читателя искать ответ на заданную когнитивную загадку. Понятие о сильном или слабом искусственном интеллекте, то есть выбор в пользу наличия или отсутствия самостоятельного мышления и самосознания, не задан писателем изначально, равно как не задана та или иная оценка метафорического переноса. Важную роль играет интерпретация «китайской комнаты», от которой, собственно, и зависит эта оценка. Интерпретация же допускает наличие различных вариантов противопоставления и сопоставления разума человека и машины. Метафора «китайской комнаты» оказывается приложимой не только к искусственному интеллекту, но и к человеку.

Разворачивая в повествовании данную метафору, Пелевин во многом ориентируется на научно-фантастический роман канадского писателя-фантаста Питера Уоттса «Ложная слепота» (“Blindsight”, 2006), где также обыгрывается мысленный эксперимент Серля. В «Ложной слепоте» команда исследователей на корабле «Тезей» отправляется к Плутону для первого контакта с инопланетянами, но оказывается в удаленной части Солнечной системы, где вступает в переговоры с инопланетным кораблем под названием «Роршах». Однако вскоре выясняется, что «Роршах» – это аналог «китайской комнаты»: инопланетный корабль отвечает на вопросы радиозаписью человеческой речи, смысла которой он не понимает. Впрочем, аналогом «китайской комнаты» предстает и один из членов команды землян, от лица которого ведется повествование. Он так называемый «синтет», то есть

человек, который из-за операции на мозге, проведенной еще в детском возрасте, воспринимает мир опосредованно – как наблюдатель, а потому синтезирует все реакции на окружающую действительность, в том числе эмоциональные. Таким образом, в «Ложной слепоте» различие имеющего сознание человека и лишенной сознания машины осложняется наличием или отсутствием эмпатии у объекта сравнения, в частности, можно ли считать человеком лишенного эмоций «синтета». Пелевин в романе «S.N.U.F.F.», как и Уоттс, связывает вопрос о наличии или отсутствии сознания и у андроида, и у человека с механизмом эмоциональной реакции.

Разворачивая метафору «китайской комнаты», Уоттс ориентируется на известный эффект восприятия куба Неккера. Под этим названием скрывается оптическая иллюзия, на которую в 1832 г. обратил внимание швейцарский исследователь Луис Неккер. Уоттс не только описывает зрительную иллюзию, но и воспроизводит графически куб Неккера на страницах книги. Ориентация куба меняется в зависимости от выбранной фокусировки: на переднем плане оказывается то одна грань, то другая. Считается, что данная оптическая иллюзия свидетельствует о сходстве между работой человеческого мозга и искусственной нейронной сети. Перенос точки наблюдения переключает ракурс и меняет восприятие куба Неккера. Аналогичным образом – в зависимости от точки зрения – и в «Ложной слепоте» Уоттса, и в интертекстуально связанном с «Ложной слепотой» романе Пелевина – меняется, образуя различные конфигурации, интерпретация «китайской комнаты». Куб Неккера, таким образом, поддерживает ключевую метафору в романе Пелевина и является ключом к ее прочтению. Этим ключом оказывается постоянное скольжение, или колебание, между взаимоисключающими интерпретациями.

Колебание (осцилляция) – одна из черт метамодернизма, который, как известно, характеризуется – наряду с осцилляцией – такими чертами как

«мета» (наряду, между, бытие между), гибридность, историчность, аффект, структура чувства, глубина, новая искренность, постирония, постправда. Колебание в метамодернизме понимается как «промежуточность», состояние «в-между»; присущая метамодернизму структура чувства характеризуется «колебаниями между двумя крайностями или скорее диалектическим движением, неразрывно связанным с противоречивыми позициями, которые оно отрицает – в этом качестве расшатывая и преодолевая их, – но никогда с ними не совпадает (удерживая их под своим контролем, находясь *наряду* или *среди* них)» (Аккер 2019 / 2017. 60). Пелевин, создавая двойственные образы и двойственную аргументацию, выступает как писатель-метамодернист. При этом эта двойственность отнюдь не связана с неуверенностью в выборе интерпретации.

Заключение

В романе «S.N.U.F.F.» происходит постоянное колебание между взаимоисключающими подходами: искусственный интеллект обладает независимым сознанием и искусственный интеллект не обладает независимым сознанием. Это постоянное колебание вписывает Виктора Пелевина в парадигму метамодернистской литературы. Можно также сказать, что здесь работает принцип дополнительности Нильса Бора. Кая балансирует между порядком людей и порядком машин. Ее статус, равно как и статус Дамилолы Карпова, балансирует между статусом агенса и манипулируемого объекта. В результате неоднозначность встраивается в повествование, становится неотъемлемым атрибутом персонажей и ситуаций.

Виктор Пелевин, герои произведений которого складывают «кубики слов» и «кубики текста», постоянно балансирует на грани реального и виртуального, естественного и искусственного, телесного и бестелесного, напоминая о зависимости интерпретации от выбранной точки наблюдения, о возможности

изменения фокусировки и о том, что любой рассматриваемый феномен может быть неоднозначным и обладать двойственной природой, более того, может даже оказаться невозможным.

Литература

- 1- Аккер Р. ван ден; Вермюлен Т. (2019 / 2017). *Метамодернизм: историчность, аффект и глубина после постмодернизма*. М. : Группа компаний «РИПОЛ Классик».
- 2- Пелевин В. О. (2012). *S.N.U.F.F.*, М. : Эксмо.
- 3- Пелевин В. О. (2017). *iPhuck 10*. М. : Издательство «Э».
- 4- Смирнов И. П. (2010). *Текстомахия: как литература отзывается на философию*. СПб. : Издательским дом «Петрополис».
- 5- Чалмерс Д. (2019 / 1996). *Сознающий ум: В поисках фундаментальной теории*. М. : УРСС: Книжный дом «ЛИБРОКОМ».
- 6- Dennett D. (1991). *Consciousness Explained*. The Penguin Press.
- 7- Searle J. (1980). Minds, Brains and Programs // *Behavioral and Brain Sciences*. Vol. 3. P. 417–57.
- 8- Turing A. M. (1950). Computing Machinery and Intelligence // *Mind*, Vol. LIX, Issue 236. P. 433–460, <https://doi.org/10.1093/mind/LIX.236.433>
- 9- Watts P. (2006). *Blindsight*, New York : Tor Book.

Bibliography

- 1- Akker R. van den; Vermjulen T. (2019 / 2017). *Metamodernizm: istorichnost', affekt i glubina posle postmodernizma*. М. : Gruppy kompanii «RIPOL Klassik».
- 2- Pelevin V. O. (2012). *S.N.U.F.F.*, М. : Jeksmo.
- 3- Pelevin V. O. (2017). *iPhuck 10*. М. : Izdatel'stvo «Je».
- 4- Smirnov I. P. (2010). *Tekstomahija: kak literatura otzyvaetsja na filosofiju*. SPb. : Izdatel'skim dom «Petropolis».
- 5- Chalmers D. (2019 / 1996). *Soznajushhij um: V poiskah fundamental'noj teorii*. М. : URSS: Knizhnyj dom «LIBROKOM».
- 6- Dennett D. (1991). *Consciousness Explained*. The Penguin Press.
- 7- Searle J. (1980). Minds, Brains and Programs // *Behavioral and Brain Sciences*. Vol. 3. P. 417–57.

- 8- Turing A. M. (1950). Computing Machinery and Intelligence // *Mind*, Vol. LIX, Issue 236. P. 433–460, <https://doi.org/10.1093/mind/LIX.236.433>
- 9- Watts P. (2006). *Blindsight*, New York : Tor Book.

HOW TO CITE THIS ARTICLE

Bugaeva Liubov Dmitrievna (2023). ARTIFICIAL INTELLIGENCE AND VICTOR PELEVIN. *Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka I Literatury*, 11(2), 11-27.

DOI: 10.52547/iarll.22.1

URL: <https://www.journaliarll.ir/index.php/iarll/article/view/287>

هوش مصنوعی و ویکتور پلوین

لوبوف دمیتری یونا بوگایوا^{*۱}

استاد، دانشگاه دولتی سن پیتربورگ،
سن پیتربورگ، روسیه.

(تاریخ دریافت: فوریه ۲۰۲۳؛ تاریخ پذیرش: ژوئیه ۲۰۲۳)

چکیده

ویکتور پلوین با شروع داستان‌ها و رمان‌های نخستین خود همواره به واقعیت دیجیتال، الگوریتم‌های آینده، مسائل تقابل هوش مصنوعی و انسان می‌اندیشید. یکی از مسائل اصلی مورد توجه وی به این موضوع معطوف می‌شود که آیا آینده هوش مصنوعی دارای تفکر مستقل است یا تنها شبیه‌سازی فعالیت ذهن انسان را انجام می‌دهد؟ در این مقاله موضوعاتی مانند هوش مصنوعی، آزمایش ذهنی «اتاق چینی»، آزمون تیورینگ، خطای دید موسوم به «مکعب نکر» و بازی با این آزمایش‌ها، ایده‌ها و نظریه‌ها در آثار پلوین، به‌ویژه در رمان «S.N.U.F.F.» (۲۰۱۱)، بررسی می‌شوند. پیش‌فرض این است که ویژگی آثار پلوین که به هوش مصنوعی اختصاص دارند، نوسانی بودن آنها، یعنی حرکت در بین دو لبه یک محدوده است. این ویژگی، نویسنده را به‌ویژه در آثار جدیدتر، به سمت سنت تمام‌درنیزم که به عنوان جایگزین پست‌مدرنیزم در حال بروز است، سوق می‌دهد.

واژگان کلیدی: ویکتور پلوین، «S.N.U.F.F.»، هوش مصنوعی، آزمایش ذهنی، خطای دید، اصل تکامل، تمام‌درنیزم.

1. E-mail: l.bugaeva@spbu.ru; <https://orcid.org/0000-0003-3984-83861>

* نویسنده مسئول
نوع مقاله: علمی - پژوهشی

DANIEL DEFO'S ROBINSON CRUSO TRILOGY: EXPERIENCE OF TRANSLATION AND ADAPTATION INTO RUSSIAN

Vysokova Veronika Vitalievna^{1*}

Professor, The Ural Federal University named
after the first President of Russia B. N. Yeltsin,
Yekaterinburg, Russian.

(date of receiving: January, 2023; date of acceptance: July, 2023)

Abstract

The article is devoted to the history of the adaptation of the novel by the English writer of the early 18th century Daniel Defoe about Robinson Crusoe in Russian, whose 300th anniversary was celebrated in 2019–2020. Each of the three parts of the novel has its own history of translation into Russian. The first part, *The Life and Amazing Adventures of Robinson Crusoe*, has received many translations into Russian since the 1760s. The author of the article identifies among them four independent original versions. The second part of the trilogy, *The Further Adventures of Robinson Crusoe*, was first translated at the end of the 19th century. And is essentially the only original adaptation into Russian. The third part of the novel, *Serious Reflections on the Life and Amazing Adventures of Robinson Crusoe*, was translated into Russian only on the 300th anniversary of the novel and published in 2022. The author of the article shares her experience in interpreting the text of this part of the trilogy and shows that it is a collection of moral essays, which reflected the era of crisis in English society at the turn of the 17th–18th centuries.

Keywords: Defoe Daniel, Robinson Crusoe, Translation Studies, Intercultural Communication, 18th Century English Novel.

1. E-mail: vyssokova@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-5689-7166> * Corresponding author

* The article was prepared with funding from the Russian Science Foundation. Project No. 22-18-00488 "A Crisis of Values and Coping Strategies: The Idea of the 'Common Good' in the Intellectual Discourse of Britain and Russia (1650-1750)".

ТРИЛОГИЯ ДАНИЭЛЯ ДЕФО О РОБИНЗОНЕ КРУЗО: ОПЫТ ПЕРЕВОДА И АДАПТАЦИИ НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Высокова Вероника Витальевна^{1*}

Профессор, Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б. Н. Ельцина,
Екатеринбург, Россия.

(дата получения: январь 2023 г.; дата принятия: июль 2023 г.)

Аннотация

Статья посвящена истории переводов романа английского писателя начала XVIII в. Даниэля Дефо о Робинзоне Крузо на русский язык, 300-летие которого отмечалось в 2019–2020 гг. У каждой из трех частей романа сложилась своя история перевода на русский язык. Первая часть «Жизнь и удивительные приключения Робинзона Крузо» неоднократно переводилась на русский язык, начиная с 60-х гг. XVIII в. Автор статьи выделяет четыре самостоятельные оригинальные версии. Вторая часть трилогии «Дальнейшие приключения Робинзона Крузо» впервые была переведена в конце XIX в. и по существу является единственным оригинальным переводом на русский язык. Третья часть романа «Серьезные размышления о жизни и удивительных приключениях Робинзона Крузо» была переведена на русский язык только к 300-летию юбилею романа и издана в 2022 г. Автор статьи делится опытом перевода последней части трилогии и показывает, что она является собранием назидательных эссе и отражает эпоху кризиса в английском обществе рубежа XVII–XVIII вв.

Ключевые слова: Дефо Даниэль, Робинзон Крузо, Переводоведение, Межкультурная Коммуникация, Английский Роман XVIII Века.

1. E-mail: vyssokova@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-5689-7166> * Ответственный автор

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда. Проект № 22-18-00488 «Кризис ценностей и стратегии преодоления: Идея «Общего блага» в интеллектуальном дискурсе Британии и России (1650–1750)».

Введение

Знаменитый роман Д. Дефо «Робинзон Крузо» отметил в 2019–2020 гг. свой трехсотлетний юбилей. Первые две части трилогии увидели свет в 1719 г., третья вышла в 1720 г. Первую часть – «Жизнь и удивительные приключения Робинзона Крузо» – ждал беспрецедентный успех. Ни одно литературное произведение в мире не может сравниться с ней по популярности, тиражам и переводам на другие языки (Defoe 1719. The Life...). Второй части – «Дальнейшие приключения Робинзона Крузо» (Defoe 1719. The Farther...) – повезло меньше: ее фактически перестали издавать уже в XIX в. А третья часть – «Серьезные размышления» – была встречена современниками прохладно и не переиздавалась до 1790 г., когда все три части впервые были опубликованы вместе (Furbank, Owens 1998. 32). Сразу надо оговориться, что трилогия была опубликована Дефо анонимно, и читающая публика того времени воспринимала Робинзона Крузо как настоящего автора, представившего ее вниманию дневник своих приключений. Сам же «автор», Робинзон Крузо, во введении к третьей части принципиально настаивает на том, что первые две части задумывались как иллюстрация и введение к третьей и главной его части – «Серьезным размышлениям» (Defoe 1720). Трехсотлетний юбилей трилогии о моряке из Йорка Робинзоне в России был отмечен переводом впервые на русский язык третьей части трилогии и ее изданием (Дефо 2022).

Поразительно, что спустя 300 лет главный герой этого романа Робинзон, проживший на необитаемом острове 28 лет, хорошо знаком рядовому читателю, хотя для большинства единственная встреча с ним происходит в юном возрасте при чтении сокращенной адаптации для детей. Трилогия пользуется популярностью у любителей художественной литературы, в России особенно привлекает внимание ее вторая часть – «Дальнейшие приключения Робинзона Крузо», где главный герой путешествует по бескрайним просторам

Сибири. Книга также является предметом пристального внимания специалистов в области английской литературы и истории Британии рубежа XVII–XVIII вв. Более того, главные герои этого романа – Робинзон и Пятница – давно уже живут самостоятельной жизнью как в литературе, так и в кинематографе, а сам литературный жанр приключенческого романа получил название «робинзонада». Все эти обстоятельства определяют наше внимание к этому произведению, в котором автору удалось создать привлекательный и вдохновляющий образ человека, который, опираясь на здравый смысл, опыт и достижения цивилизации, оказывается способным преодолеть все испытания и невзгоды и на закате своей жизни поделиться со своим читателем «серьезными размышлениями» об увиденном, услышанном и пережитом. В данной статье нас будут интересовать опыт адаптации этого романа на русский язык.

Основная часть

Огромный корпус переводов «Жизни и удивительных приключений Робинзона Крузо» практически на все языки мира указывает на способность этой книги выйти за пределы конкретного времени и места. Будучи глубоко укорененной в интеллектуальном контексте английской истории начала XVIII в., она оказалась созвучна вечным мечтам человека о счастье, повествует об универсальных трудностях и жизненных вопросах людей: кто я вне общества? Что такое правильный путь в жизни? Где найти силы и утешение в трудную минуту? Чем человек «культурный» отличается от человека «естественного»? и т.п. Особенности композиции, лаконичность языка и нарочитая заурядность главного героя – простого человека, выживающего на безлюдном острове, сделали сочинение Дефо классикой мировой литературы. Жанровый синкретизм, который характерен для этого романа, дает благодатную почву для его интерпретаций отечественными и зарубежными авторами (Атарова 1990; Громова 2005; Елистратова 1966; Миримский 1936;

Backscheider P. 1989 и мн. др.). Смешение таких жанров, как жизнеописание, мемуары, дневник, хроника, авантюрный роман (Романчук) и, что важно, «серьезные размышления» (философские эссе) определяет как трудности перевода, так и демонстрирует разнообразие творческих приемов писателя Даниэля Дефо.

На русский язык первая часть трилогии о Робинзоне Крузо переводилась начиная с конца XVIII в. (Алексеев 1963. 86) Только в Российской государственной библиотеке (РГБ) на сегодняшний день насчитывается 227 изданий на русском языке. При первом знакомстве с этим длинным перечнем становится ясно, что он далеко не полный. Впервые на русский язык первая часть, как и многие другие англоязычные сочинения в XVIII в., была переведена с французского языка Яковом Трусовым в начале 1760-х гг. (Де-Фое 1762–1764). Перевод Трусова вышел еще трижды – в 1775, 1787 и 1811 гг. Это издание является библиографической редкостью и доступно только в Российской научной библиотеке в Санкт-Петербурге. Другой перевод с французского был издан в двух томах, соответственно, в 1869 и 1870 гг., в типографии С. А. Манухина и А. И. Стрельцова (Робинзон Крузо 1869–1870), его библиографическое описание в РГБ не дает отсылки к авторству этого «нового» перевода. Интересно, что существует и несколько переводов романа с немецкого языка – 1853, 1873 гг. и др. (Сокращенный Робинсон 1873)

Первый перевод с языка оригинала был сделан в 1842 г. талантливым писателем и переводчиком, одним из редакторов издания «Библиотека для чтения» Петром Корсаковым (1790–1844) (Жизнь и приключения Робинсона Крузо 1842–1843). Как представляется, это один из удачных литературных переводов первой части трилогии, воссоздавших напряжение приключенческого романа. Именно он стал основой дальнейшей истории переводов «Робинзона Крузо» на русский язык. Пользуясь по аналогии оценкой К. Чуковский переводов романов Ч. Диккенса, осуществленных в

середине XIX в. Ириархом Введенским, можно сказать, что Корсакову удалось схватить дух произведения Дефо (Чуковский 1936. С. 96–108).

Библиографической редкостью является другой перевод с языка оригинала, увидевший свет в 1888 и 1889 гг. (соответственно двум частям трилогии). Автором его стал близкий к народническим кругам Петр Кончаловский (1839–1904), основатель знаменитой в России династии писателей, художников и переводчиков (Де Фо 1888; Де Фо 1889). Здесь берет начало традиция интерпретации «Робинзона» как романа воспитания, точнее, самовоспитания. Так, Д. Урнов указывает на влияние «Робинзона» на личность и творчество Л. Н. Толстого: «Толстой прямо сказал, чем его так привлек Робинзон. Это, по Толстому, “нормальный человек”, прежде всего в том отношении, что он живет в напряженной борьбе с условиями, которые даны ему: Робинзону, как выразился Толстой, “не приходилось придумывать себе занятий”. Вот эта значительность и в то же время естественность всех усилий Робинзона и были своего рода идеалом для Толстого» (Урнов 1978. С. 231). Собственно, два главных мотива произведения Дефо – формирование «нового» человека и освоение «новых» территорий – были уже адаптированы и востребованы в русском интеллектуальном пространстве ко времени Первой русской революции 1905–1907 гг.

Интересно, что дальнейшая история перевода первой части трилогии о Робинзоне Крузо в XX в. связана с именами женщин-переводчиц. Шесть изданий выдержал перевод оригинального мыслителя и переводчицы начала века Любови Мурахиной-Аксеновой, урожденной Цеппелин (1859–1919). За двадцатитрехлетний период ее сотрудничества в изданиях товарищества И. П. Сытина она перевела более 200 произведений с различных европейских языков, в том числе первую часть «Робинзона Крузо» (Робинзон Крузо 1913). Успех изданию обеспечил образный язык романа в ее переводе. Преемственность между дореволюционной и советской переводческой

традициями романа Дефо «Робинзон Крузо» была определена двумя русскими переводчицами – Зинаидой Николаевной Журавской (1867–1937), еще до революции получившей статус «королевы русских переводчиков», и Марией Андреевной Шишмаревой (1852–1939), прославившейся переводами Ч. Диккенса. Приверженность левым убеждениям и идеям эмансипации женщин обеспечила их совместному труду тенденцию к демократизации перевода или упрощению текста романа для обеспечения понимания и ясности смысла (Робинзон Крузо 1914).

Именно этот перевод, сделанный еще в дореволюционной России, выдержал несколько десятков изданий в советское время. Особую роль в адаптации романа к новой советской действительности сыграл Адриан Франковский (1888–1942) (Дефо 1934). Надо заметить, что на протяжении второй половины XX в. наблюдается ряд «опытов» улучшения перевода М. А. Шишмаревой различными переводчиками. (Фамилия Журавской «уходит» из библиографического описания изданий романа в 1940-е гг., как и не печатается вторая часть трилогии с 1935 по 1992 г.). Самой заметной здесь, пожалуй, стала работа Ксении Николаевны Атаровой (Дефо 1991). Однако роман Д. Дефо в переводе на русский язык к концу XX в. утратил всякую литературную привлекательность, сделавшись «дневником» в жанре реализма, лишенным, по К. Чуковскому, «неточных точностей». Последние два десятилетия ознаменовались перепечаткой дореволюционных переводов, а также знакомством российского читателя с постмодернистскими литературными опытами на тему «Робинзона». Это роман лауреата Нобелевской премии по литературе 2003 г. Джона Кутзее «Мистер Фо, или Любовь и смерть Робинзона Крузо» (Кутзее 2012) и роман лауреата Гонкуровской премии Мишеля Турнье «Пятница, или Тихоокеанский лимб» (Турнье 2003).

Далее хотелось бы поделиться опытом перевода третьей части трилогии о Робинзоне на русский язык в рамках исследовательского проекта 2019–2021

гг., поддержанного Российским научным фондом (№ 19-18-00186). Структура переводимого текста задается его делением на шесть глав: 1. Об одиночестве; 2. Эссе о честности; 3. О сквернословии и неподобающем поведении; 4. Эссе о современном состоянии религии в мире; 5. О том, как внимать голосу Провидения; 6. О соотношении христианского и языческого мира. Венчает текст достаточно пространный эпилог «Видение ангельского мира». Уже из названий глав хорошо виден наставительно-морализаторский тон автора, озабоченного ухудшением нравов и недостаточностью христианской веры в мире. Решающим аспектом в процессе адаптации английского текста начала XVIII в. – на современный русский язык была работа по выявлению современного состояния дефоведения, т.е. освоение всего историографического комплекса по изучению интеллектуального наследия Д. Дефо и, в частности, соответственно третьей части романа о Робинзоне.

В отношении истории изучения творчества Дефо со всей уверенностью можно сказать, что только к концу 1960-х – началу 1970-х гг. писатель стал восприниматься как ключевая фигура английского Просвещения (до этого преобладала точка зрения о нем как о «бумагомарателе» с Граб-стрит). За последние 50 лет определяющий вклад в реконструкцию «контекстов» «текстов» Дефо внесли прежде всего американские исследователи. Отметим здесь лишь наиболее значимые проекты. Прежде всего, это впечатляющий проект начала 2000-х гг. издания полного собрания сочинений писателя под руководством двух специалистов в области английской литературы Филиппа Н. Фарбенка и Роберта Оуэнса. Оно составило 63 тома и позволило сделать вывод о том, что Дефо, будучи плодовитым политическим памфлетистом, не оставил в стороне ни одного значимого вопроса своего времени, и его обширное эпистолярное наследие является неисчерпаемым источником для изучения культуры Британии начала XVIII в. «Серьезные размышления» в

этом издании вошли в отдельный том, а введение и комментарии к нему были подготовлены еще одним заметным американским дефоведом – Дж. Старром (Defoe 2008). Наряду с этим надо отметить другой проект одного из самых проникательных и результативных интерпретаторов творчества Дефо – Максимилиана Новака. Именно он обратил внимание исследователей на принципиальное значение третьей части «Серьезные размышления» в трилогии о Робинзоне (Novak). Еще в 1968 г., в начале своей академической карьеры, М. Новак задумал подготовку критического издания всех трех частей трилогии. Проект получил именование *Stoke Newington Daniel Defoe Edition* по названию района Сток-Ньюингтон, где на Черч-стрит в Саттон-Хаусе Дефо провел последние 20 лет своей жизни (1709–1729). В 2021–2022 гг. проект был реализован. Последний том нового академического издания трилогии о Робинзоне увидел свет в апреле 2022 г. (Defoe 2022)

В отечественном дефоведении на протяжении долгого времени лидирующие позиции занимали исследователи английской литературы, что и понятно. Первая биография Дефо была написана в начале 90-х гг. XIX в. литератором и переводчиком с английского языка Андреем Каменским (Каменский 1892). Выдающиеся советские литературоведы Александр Аникст, Юлий Кагарлицкий, Дмитрий Урнов и другие отдали дань творчеству Дефо (Аникст 1957; Кагарлицкий 1964; Урнов 1978; Нерсесова 1960). Однако при знакомстве с имеющимися исследованиями биографического характера, а также с историей переводов сочинений этого английского автора на русский язык становится очевидным, что подавляющая часть эпистолярного наследия Дефо остается неизвестной русскому читателю. Если оставить в стороне его беллетристику, то несомненной вехой в осмыслении публицистического наследия Дефо в России стал издательский проект «Англия в памфлете» 1987 г. под редакцией Игоря Шайтанова – на сегодняшний день самая удачная презентация памфлетной войны эпохи королевы Анны (Англия в

памфлете 1987). Из проведенного анализа можно сделать вывод, что Дефопублицист в России практически неизвестен. И все же российские исследователи внесли свою лепту в изучение литературного наследия Даниэля Дефо. В отличие от западных коллег, советские и российские ученые изначально были сосредоточены на его романах. В работах А. А. Елистратовой, М. Г. Соколянского, К. Н. Атаровой в ряду других вопросов рассматриваются жанровая специфика и внутренняя проблематика романа «Робинзона Крузо» (Елистратова 1974; Елистратова 1966). В целом можно констатировать, что творчество Даниэля Дефо не только не оставляет равнодушными ни западных, ни российских историков и литературоведов, но и получило глубокое переосмысление за последние 50 лет. Из «жалкого бумагомарателя» он превратился в одного из самых пронизательных и самобытных авторов своей эпохи. Титул «отец английского романа», присвоенный ему литературоведами уже во второй половине XIX в., далеко не исчерпывает значения и вклада Д. Дефо в мировую сокровищницу интеллектуального наследия человечества.

Работа над переводом третьей части трилогии Д. Дефо со всей остротой выявила давно осознанный лингвистами антагонизм между «буквальным» и «вольным» переводом на другой язык. Суть его раскрыта в не так давно вышедшей статье сотрудницы Пушкинского Дома М. Э. Маликовой, посвященной упоминавшемуся здесь выдающемуся переводчику Адриану Франковскому (Маликова 2017. 10–45). В выполненном переводе «Серьезных размышлений» его авторы стремились примирить эти две конфликтующие тенденции – стремление точно воспроизвести исходный текст, с одной стороны, и, с другой, «привязать» его к культуре современного русского языка. Осознавая, что каждый конкретный перевод – это специфический компромисс между указанными двумя противоречивыми тенденциями, заметим, что этот текст написан 300 лет назад.

Заключение

Итак, история и практика адаптации романа Даниэля Дефо о моряке из Йорка на русский язык показала глубокую традицию перевода первой части трилогии «Жизнь и удивительные приключения Робинзона Крузо» на русский язык. Однако только ситуация кризиса западных либеральных ценностей в начале XXI в. определила внимание к третьей части трилогии «Серьезные размышления», которую «Робинзон Крузо» пишет на склоне лет. Рубеж XVII–XVIII вв. как показывает работа с текстом стал «моментом» перехода к новому историческому времени и новому человеческому сознанию, медиатором которого для нас стал Даниэль Дефо. В третьей части трилогии о Робинзоне он предстает как религиозный полемист, моралист, литератор, обсуждающий вопросы экзистенции человека и в этом смысле первопроходец в литературе. Можно сказать, что общая сюжетная линия «Робинзона Крузо» в виде аллегории рассказывает нам историю реальной жизни Даниэля Дефо, изрядно при этом напоминающую библейскую историю о блудном сыне. Дефо позволяет читателю не только пережить борьбу Крузо за выживание, но и заглянуть в третьей части романа в его душу. Таким образом, он доверяет читателю свой внутренний мир и пишет жизнеутверждающий роман, пропитанный духом благочестия и доброжелательности. Он воссоздает образ человека, который обеспечивает себе независимость и возможность открывать для себя множество новых миров и источников человеческого счастья. Поэтому книга о Робинзоне остается одной из лучших книг для каждого нового поколения людей на земле.

Литература

- 1- Англия в памфлете. (1987). *Английская публицистическая проза XVIII в.* М. : Прогресс, 529 с.
- 2- Аникст А.А. (1957). *Даниель Дефо: очерк жизни и творчества.* М. : Детская литература, 136 с.

- 3- Алексеев М.П. (1963). *«Робинзон Крузо» в русских переводах*, Международные связи русской литературы. М.; Л. : Изд-во АН СССР, С. 86–100.
- 4- Атарова К. Н. (1990). *Секреты простоты // Дефо Д. Робинзон Крузо*. М. : Книга, С. 5–27.
- 5- Громова И. А. (2005). *Среда и личность в романах Даниеля Дефо*: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Н. Новгород, 28 с.
- 6- Де Фо Д. (1889). *Жизнь и удивительныя приключения Робинсона Крузо, иоркского моряка, рассказанныя им самимъ*. Ч. 2. Кругосветное путешествие (роман, пер. П. Канчаловского). М., 248 с.
- 7- Де Фо Д. (1888). *Жизнь и удивительныя приключения Робинсона Крузо, иоркского моряка, рассказанныя им самим* (роман, пер. П. Канчаловского). М., 244 с.
- 8- Де-Фое. (1762–1764). *Жизнь и приключения Робинзона Круза, природного англичанина*. СПб., 264 с.
- 9- Дефо Д. (1934). *Робинзон Крузо*: [в. 2 т.] / пер. с англ. М. А. Шишмаревой, З. Н. Журавской; под ред. А. Франковского; с предисл. Д. Мирского. Л.; М., 774 с.
- 10- Дефо Д. (1991). *Робинзон Крузо* / пер. М. А. Шишмарева, К. Атаровой. М., 302 с.
- 11- Дефо Д. (2022). *Серьезные размышления о жизни и удивительных приключениях Робинзона Крузо = Serious Reflections During the Life and Surprising Adventures of Robinson Crusoe* / пер. с англ. В. Ю. Григорьева, А. А. Дергачевой, В. В. Высоковой; [науч. ред. В. В. Высокова]. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 508 с.
- 12- Елистратова А. А. (1966). *Английский роман эпохи Просвещения*. М., 476 с.
- 13- Елистратова А.А. (1974). *Последний роман Дефо // Дефо Д. Счастливая куртизанка, или Роксана*. М., С. 267–281.
- 14- *Жизнь и приключения Робинзона Крузо* (1873). Соч. Даниеля де Фоз; пер. с нем. И.А. Петрова. Одесса, 361 с.
- 15- *Жизнь и приключения Робинсона Крузо, описанная им самим (1842–1843)*. В 2 ч. / соч. Д. Дефо ; новый пер. с англ. П. А. Корсакова. СПб., 502 с.
- 16- Кагарлицкий Ю.И. (1964). *Дефо // Крат. лит. энцикл.*: в 9 т. / гл. ред. А. А. Суркова. М., 1962–1978. Т. 2. С. 622–625.
- 17- Каменский А.В. (1892). *Даниэль Дефо, автор «Робинзона Крузо»: его жизнь и литературная деятельность*. СПб., 74 с.
- 18- Кутзее Д. М. (2012). *Мистер Фо, или Любовь и смерть Робинзона Крузо*. М., 205 с.

- 19- Маликова М.Э. (2017). *К описанию «филологического перевода» в 1930-е гг.: А. А. Франковский – переводчик английского романа XVIII в.*, *Studia Litterarum.* Т. 2, № 3. С. 10–45.
- 20- Миримский И. (1936). *Реализм Дефо* // Реализм XVIII в. на Западе. М., С. 27–60.
- 21- Нерсесова М. (1960). *Даниель Дефо*. М., 40 с.
- 22- Робинзон Крузо (1914). *Его жизнь и удивительные приключения*. В 2 ч. / пер. с англ. М. А. Шишмаревой, З. Н. Журавской. 3-е изд. (без перемен). СПб., 511 с.
- 23- *Робинзон Крузо (1869–1870) и его интересные приключения, описанные им самим*. В 2 т.: с 200-ми рисунков Гранвиля, гравированных на камне и отпечатанных в два тона: новый перевод с французского. М., 1 т. 270 с.; 2 т. 239 с.
- 24- *Робинзон Крузо (1913) Удивит. приключения, рассказ. им самим*. Полн. пер. Л. А. Мурахиной; под ред. Н. В. Тулупова. 5-е изд. М., 565 с.
- 25- Романчук Л. *Особенности повествовательной структуры в «Робинзоне Крузо» Дефо*, Литература эпохи просвещения, <http://lit-prosv.niv.ru/lit-prosv/articles-eng/romanchuk-osobennosti-kruzo.htm> (дата обращения: 15.07.2021)
- 26- Свифт Дж. (1955). *Полное и правдивое известие о разразившейся в прошлую пятницу битве древних и новых книг в Сент-джеймской библиотеке* // Свифт Дж. Памфлеты / пер. с англ. под ред. М. П. Алексеева и Е. И. Клименко; прим. Ю. Д. Левина и М. А. Шерешевской. М., С. 57–111.
- 27- *Сокращенный Робинсон Крузо (1853)*. [По Даниэлю Дефо] / пер. с нем. СПб., 47 с.
- 28- Турнье М. (2003). *Пятница, или Дикая жизнь*. М., 144 с.
- 29- Урнов Д. М. (1978). *Дефо*. М., 256 с.
- 30- Чуковский К.И. (1936). *Текстуальная точность* / Чуковский К. И. Искусство перевода. М.; Л., С. 96–109.
- 31- Backscheider P. (1989). *Daniel Defoe: His Life*. Baltimore, 688 pp.
- 32- Defoe D. (2022). *The Complete Adventures of Robinson Crusoe*. 3 vols. Bucknell Univ. Press.
- 33- Defoe D. (1719). *The Life and Strange Suprizing Adventures of Robinson Crusoe*. L., 224 pp.
- 34- Defoe D. (1719). *The Farther Adventures of Robinson Crusoe*. L., 364 pp.
- 35- Defoe D. (1720). *Serious Reflections during the Life and Surprising Adventures of Robinson Crusoe*. L., 378 p.

- 36- Defoe D. (2008). *Serious Reflections During the Life and Surprising Adventures of Robinson Crusoe: With his Vision of the Angelick World (1720)* // The Novels of Daniel Defoe : 10 vols. / eds. W. R. Owens, P. N. Furbank. L., Vol. 3.
- 37- Furbank P.N., Owens W.R. (1998). *A Critical Bibliography of Daniel Defoe*. L., 319 pp.
- 38- Novak M. *Imaginary Voyages in Serious Reflections and A Vision of the Angelick World* // Illinois State University: [website]. URL: <https://english.illinoisstate.edu/digitaldefoe/features/novak13.pdf> (accessed: 15.08.2021)/

Bibliography

- 1- Angliya v pamflete. (1987). *Angliiskaya publitsisticheskaya proza XVIII v.* M. : Progress, 529 s.
- 2- Anikst A.A. (1957). *Daniel' Defo: ocherk zhizni i tvorchestva*. M. : Detskaja literatura, 136 s.
- 3- Alekseev M.P. (1963). «Robinzon Kruzo» v russkikh perevodakh, *Mezhdunarodnye svyazi russkoi literatury*. M.; L. : Izd-vo AN SSSR, S. 86–100.
- 4- Atarova K. N. (1990). *Sekrety prostoty* // Defo D. *Robinzon Kruzo*. M., S. 5–27.
- 5- Gromova I. A. (2005). *Sreda i lichnost' v romanakh Danielya Defo: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk*. N. Novgorod, 28 s.
- 6- De Fo D. (1889). *Zhizn' i udivitel'nyya priklyucheniya Robinsona Kruzo, iorskogo moryaka, razskazannyya im samim*". Ch. 2. *Krugosvetnoe puteshestvie (roman, per. P. Kanchalovskogo)*. M., 248 s.
- 7- De Fo D. (1888). *Zhizn' i udivitel'nyya priklyucheniya Robinsona Kruzo, iorskogo moryaka, razskazannyya im samim (roman, per. P. Kanchalovskogo)*. M., 244 s.
- 8- De-Foe. (1762–1764). *Zhizn' i priklyucheniya Robinzona Kruza, prirodnogo anglichanina*. SPb., 264 s.
- 9- Defo D. (1934). *Robinzon Kruzo: [v. 2 t.] / per. s angl.* M. A. Shishmarevoi, Z. N. Zhuravskoi; pod red. A. Frankovskogo; s predisl. D. Mirskogo. L.; M., 774 s.
- 10- Defo D. (1991). *Robinzon Kruzo / per. M. A. Shishmareva, K. Atarovoi*. M., 302 s.
- 11- Defo D. (2022). *Ser'eznye razmyshleniya o zhizni i udivitel'nykh priklyuchenyakh Robinzona Kruzo = Serious Reflections During the Life and Surprising Adventures of Robinson Crusoe / per. s angl.* V. Yu. Grigor'eva, A. A. Dergachevoi, V. V. Vysokovoi; [nauch. red. V. V. Vysokova]. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 508 s.
- 12- Elistratova A. A. (1966). *Angliiskii roman epokhi Prosveshcheniya*. M., 476 s.
- 13- Elistratova A.A. (1974). *Poslednii roman Defo // Defo D. Schastlivaya kurtizanka, ili Roksana*. M, S. 267–281.

- 14- *Zhizn' i priklyucheniya Robinzona Kruzo (1873)*. Soch. Danielya de Foe; per. s nem. I.A. Petrova. Odessa, 361 s.
- 15- *Zhizn' i priklyucheniya Robinzona Kruzo, opisannaya im samim (1842–1843)*. V 2 ch. / soch. D. Defo ; novyi per. s angl. P. A. Korsakova. SPb., 502 s.
- 16- Kagarlitskii Yu.I. (1964). *Defo // Krat. lit. entsikl.: v 9 t. / gl. red. A. A. Surkova*. M., 1962–1978. T. 2. S. 622–625.
- 17- Kamenskii A.V. (1892). *Daniel' Defo, avtor «Robinzona Kruzo»: ego zhizn' i literaturnaya deyatelnost'*. SPb., 74 s.
- 18- Kutzee D. M. (2012). *Mister Fo, ili Lyubov' i smert' Robinzona Kruzo*. M., 205 s.
- 19- Malikova M.E. (2017). *K opisaniyu «filologicheskogo perevoda» v 1930-e gg.: A. A. Frankovskii – perevodchik angliiskogo romana XVIII v., Studia Litterarum.. T. 2, № 3. S. 10–45.*
- 20- Mirimskii I. (1936). *Realizm Defo // Realizm XVIII v. na Zapade*. M., S. 27–60.
- 21- Nersesova M. (1960). *Daniel' Defo*. M., 40 s.
- 22- *Robinzon Kruzo (1914). Ego zhizn' i udivitel'nye priklyucheniya*. V 2 ch. / per. s angl. M. A. Shishmarevoi, Z. N. Zhuravskoi. 3-e izd. (bez peremen). SPb., 511 s.
- 23- *Robinzon Kruzo (1869–1870) i ego interesnyia priklyucheniya, opisannyya im samim*. V 2 t.: s 200-mi risunkov Granvilya, gravirovannykh na kamne i otpechatannykh v dva tona : novyi perevod s frantsuzskago. M., 1 t. 270 s.; 2 t. 239 s.
- 24- *Robinzon Kruzo (1913) Udivit. priklyucheniya, rasskaz. im samim*. Poln. per. L. A. Murakhinoy ; pod red. N. V. Tulupova. 5-e izd. M., 565 s.
- 25- Romanchuk L. *Osobennosti povestvovatel'noi struktury v «Robinzone Kruzo» Defo, Literatura epokhi prosveshcheniya*, <http://lit-prosv.niv.ru/lit-prosv/articles-eng/romanchuk-osobennosti-kruzo.htm> (data obrashcheniya: 15.07.2021)
- 26- Swift Dzh. (1955). *Polnoe i pravdivoe izvestie o razrazivsheisya v proshluyu pyatnitsu bitve drevnikh i novykh knig v Sent-dzheimsskoi biblioteke // Sviŧt Dzh. Pamflety / per. s angl. pod red. M. P. Alekseeva i E. I. Klimenko; prim. Yu. D. Levina i M. A. Shereshevskoi*. M., S. 57–111.
- 27- *Sokrashchennyi Robinzon Kruzo (1853)*. [Po Danielyu Defo] / per. s nem. SPb., 47 s.
- 28- Turn'e M. (2003). *Pyatnitsa, ili Dikaya zhizn'*. M., 144 s.
- 29- Urnov D. M. (1978). *Defo*. M., 256 s.
- 30- Chukovskii K.I. (1936). *Tekstual'naya tochnost' / Chukovskii K. I. Iskusstvo perevoda*. M.; L., S. 96–109.
- 31- Backscheider P. (1989). *Daniel Defoe: His Life*. Baltimore, 688 pp.
- 32- Defoe D. (2022). *The Complete Adventures of Robinson Crusoe*. 3 vols. Bucknell Univ. Press.

- 33- Defoe D. (1719). *The Life and Strange Suprizing Adventures of Robinson Crusoe*. L., 224 pp.
- 34- Defoe D. (1719). *The Farther Adventures of Robinson Crusoe*. L., 364 pp.
- 35- Defoe D. (1720). *Serious Reflections during the Life and Surprising Adventures of Robinson Crusoe*. L., 378 p.
- 36- Defoe D. (2008). *Serious Reflections During the Life and Surprising Adventures of Robinson Crusoe: With his Vision of the Angelick World (1720) // The Novels of Daniel Defoe : 10 vols. / eds. W. R. Owens, P. N. Furbank. L., Vol. 3.*
- 37- Furbank P.N., Owens W.R. (1998). *A Critical Bibliography of Daniel Defoe*. L., 319 pp.
- 38- Novak M. *Imaginary Voyages in Serious Reflections and A Vision of the Angelick World // Illinois State University: [website]. URL: <https://english.illinoisstate.edu/digitaldefoe/features/novak13.pdf> (accessed: 15.08.2021).*

HOW TO CITE THIS ARTICLE

Vysokova Veronika Vitalievna (2023). DANIEL DEFO'S ROBINSON CRUSO TRILOGY: EXPERIENCE OF TRANSLATION AND ADAPTATION INTO RUSSIAN. *Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka I Literatury*, 11(2), 29-45.

DOI: 10.52547/iarll.22.2

URL: <https://www.journaliarll.ir/index.php/iarll/article/view/291>

سه‌گانه (تریلوژی) دانیل دفو درباره‌ی رایینسون کروزو:

تجربه‌ی ترجمه و تطابق با زبان روسی

ورائیکا ویتالوونا وسوکووا^{۱*}

استاد، دانشگاه فدرال ب.ن. یلتسین اورال،

یکاترینبورگ، روسیه.

(تاریخ دریافت: ژانویه ۲۰۲۳؛ تاریخ پذیرش: اوت ۲۰۲۳)

چکیده

این مقاله به بررسی تاریخچه‌ی ترجمه‌های رمان دانیل دفو، نویسنده انگلیسی ابتدای سده‌ی هجده درباره‌ی رایینسون کروزو به زبان روسی می‌پردازد؛ زمانی که ۳۰۰ سالگی آن در سال ۲۰۱۹-۲۰۲۰ جشن گرفته شد. هر یک از سه بخش این رمان، تاریخچه‌ی ترجمه خاص خود را دارد. بخش نخست «زندگی و ماجراجویی‌های رایینسون کروزو» از دهه‌ی شصت سده‌ی هجده میلادی چندین بار به زبان روسی ترجمه شد. نگارنده مقاله چهار نمونه اصلی مستقل را از هم جدا کرده است. بخش دوم این سه‌گانه «ادامه ماجراجویی‌های رایینسون کروزو» برای نخستین بار در اواخر سده‌ی نوزده ترجمه شد و از نظر ماهیتی تنها ترجمه اصلی به زبان روسی به شمار می‌رود. بخش سوم رمان «تفکرات جدی درباره‌ی زندگی و ماجراجویی‌های اعجاب‌آور رایینسون کروزو» در سالگرد ۳۰۰ سالگی رمان بود که به روسی ترجمه شد و در سال ۲۰۲۲ به چاپ رسید. نگارنده، تجربه‌ی ترجمه بخش آخر این سه‌گانه را به اشتراک گذاشته و نشان می‌دهد که این بخش عمدتاً مجموعه‌ای از نوشته‌های آموزنده است و دوران بحران در جامعه انگلستان در بین سده‌های هفده و هجده را به تصویر می‌کشد.

واژگان کلیدی: دانیل دفو، رایینسون کروزو، ترجمه‌شناسی، ارتباط بین فرهنگی، رمان انگلیسی سده‌ی هجده.

1. E-mail: vyssokova@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-5689-7166>

* نویسنده مسئول

نوع مقاله: علمی- پژوهشی

* مقاله با پشتیبانی مالی بنیاد علمی روسیه نگاشته شده است. طرح ۰۰۴۸۸-۱۷-۲۲ «بحران ارزش‌ها و استراتژی‌های غلبه: ایده «خیر عمومی» در گفتمان ذهنی بریتانیا و روسیه (۱۷۵۰-۱۶۵۰)».

M.Y. LERMONTOV'S CULTUROSOPHY: NORTH AND EAST IN THE POET'S ALLEGORICAL POEMS

Koshemchuk Tatiana Alexandrovna^{1*}

Professor of Saint-Petersburg Agrarian University

St. Petersburg, Russia.

(date of receiving: July, 2023; date of acceptance: August, 2023)

Abstract

The article analyzes Lermontov's allegorical poems in connection with culturosophical problems. These are North, West and East (South) as the main forces of history. Usually interpreted as reflections of a romantic complex, they are read on the paths of historical and religious synthesis. The theme of the West was closed by the poet ("The Dying Gladiator"). The North–East axis became dominant as a desire to learn the spiritual foundations of the East and as an appeal to the "dear North" with its Christian values. The dramatic complexity of their interaction is analyzed in the allegorical plots of two meetings – of an oak Leaf with the South ("Leaf") and of a palm branch with the North ("Palestine Branch") – harmony of the traditional world and personal consciousness. As a result, the poems show the poet's creative possibilities in combining philosophy, religion and art.

Keywords: M.Y. Lermontov's Poetry, Allegory, Symbolic Images, Culturosophy, West, East.

1. E-mail: koshemchukt@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-4606-2525> * Corresponding author

КУЛЬТУРОСОФИЯ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА: СЕВЕР И ВОСТОК В АЛЛЕГОРИЧЕСКИХ СТИХОТВОРЕНИЯХ ПОЭТА

Кошемчук Татьяна Александровна^{1*}

Профессор, Санкт-Петербургский аграрный университет,
Санкт-Петербург, Россия.

(дата получения: июль 2023 г.; дата принятия: август 2023 г.)

Аннотация

В статье анализируются аллегорические стихотворения Лермонтова в связи с культурософской проблематикой. Это Север, Запад и Восток (Юг) как основные силы и смыслы истории. Обычно интерпретируемые как отражения романтического комплекса, они прочитываются как вехи на путях историко-религиозного синтеза. Тема Запада была поэтом закрыта («Умирающий гладиатор»). Ось Север – Восток стала главенствующей как стремление к познанию духовных основ Востока и как обращение к «милому Северу» с его христианскими ценностями. Анализируется драматическая сложность их взаимодействия в аллегорических сюжетах двух встреч – дубового Листка с Югом («Листок») и пальмовой Ветки с Севером («Ветка Палестины») – мудрости и гармонии традиционного мира и отъединенного личностного сознания, утратившего общие основания. В итоге, культурософские стихи Лермонтова показывают огромные творческие возможности поэта на пути создания синтетической концепции, соединяющей философию, религию и искусство. Ранняя смерть поэта, по словам Гроссмана, отняла у мировой мысли мудрость поэта, которая явственно проступает в ранних стихах.

Ключевые слова: Поэзия М.Ю. Лермонтова, Иносказание, Символические Образы, Культурософия, Запад, Восток.

1. E-mail: koshemchukt@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-4606-2525> * Ответственный автор

Введение

М.Ю. Лермонтов в своем творчестве не раз в прямом исповедании говорил о своей любви к России – к «милому Северу» и о глубоком пристрастии к «златому Востоку», в иносказательные же стихотворения последних лет жизни (их около десятка) поэт вкладывал свои историософские размышления. Предметом мыслительных и творческих постижений в этих стихах стали основные силы истории, которые можно обозначить четырьмя концептами: Север (Россия), Запад (Европа, и прежде всего Италия и Шотландия), а также Восток (это Ближний Восток – Святая Земля, Аравия и Персия), данный им в неразрывности с концептом Юг (Кавказ как ближняя часть мусульманского мира), так что можно говорить об оси Северо-Запад – Юго-Восток. Речь пойдет о ключевых стихотворениях «На севере диком стоит одиноко...», «Листок», «Ветка Палестины», – в этой статье, являющейся второй частью в цикле об историософии Лермонтова. В первой части рассматривались стихотворения «Умиравший гладиатор», «Спор» и «Три пальмы» (См.: Кошемчук 2022) и было показано, что в лермонтовском освещении северная душа, живущая между полярностями Запада и Востока, обращена к ним обеим. Предначертанные интенции этой души определены географией, срединным положением России (география и есть судьба народа). Движение мысли поэта по оси Север – Восток является основной проблемой второй статьи.

Основная часть

Проблема Запада, укорененная в судьбе поэта, в истории его предков, была разрешена им и оставлена. Мир Европы, бывший для поэта объектом стремления прочь от немилого (в ранних стихах) Севера и «отчизной» его души («На запад, на запад помчался бы я...»), – осмыслен как обманная ценность в иносказании стихотворения «Умиравший гладиатор»: миссия Запада – пройти как самосознающее «Я» через отрыв от общего начала, через

сомнения в духовной сфере и *страсти* в сфере души и в итоге обрести прочное духовное самосознание – оказывается не исполненной, причем как обманные воспринимаются поэтом даже ее лучшие мечты, «рыцарских времен волшебные преданья»: они оценены поэтом как **«насмешливых льстецов несбыточные сны»**.

Обращение к Востоку – вторая задача, предопределенная судьбой поэта: Кавказ как ближний мусульманский восточный мир занимал в его жизни важное место. В последние годы перед Лермонтовым вместе с темой России встает ось Север – Восток как значительная историософская проблема, а сам мир Востока – как новая путеводная звезда. Важнейшие идеи поэта, высказанные впрямую, говорят о его намерении познать саму сущность восточной жизни, о стремлении «к корням мусульманской религии и культуры» (Кошемчук 2022. 63): **«Я уже составлял планы ехать в Мекку, в Персию...»**, – писал Лермонтов С.А. Раевскому (Лермонтов 1959. 598). Столь же определенно говорят об этом приведенные А.А. Краевским слова Лермонтова: **«...мне бы хотелось проникнуть в таинство азиатского мирозерцания <...>. ...поверь мне, там, на Востоке, тайник богатых откровений»** (Попов 1954. 156).

Если для А.С. Хомякова страна *«святых чудес»* – это Запад («Ложится тьма густая / На дальнем Западе, стране *святых чудес...*»), то Лермонтов в письме к С.А. Раевскому тем же словом характеризует Восток: «Прощай, мой друг. **Я буду к тебе писать про страну чудес – Восток**». Оба поэта усматривали в западной культуре угасание, а в восточной – глубокий сон, оба обращали свой взор к России – Северу, молодой становящейся культуре в попытке Западно-Восточного синтеза. В стремлении на Восток, как подчеркнул Сергей Дурьлин, Лермонтов стремился «затупить больно резавший острый западный угол», а потому ему нужен был сам Восток — «некий новый мир, окончательно отличный от Запада» (Дурьлин 1916. 115), в чем Дурьлин

увидел «опережение» своего века, «преданного кумиру европоцентризма и европоклонства» (Дурылин 1916. 117–118).

В ранних стихах Лермонтова легко обнаружить образы севера и востока как поначалу не имеющие геопоэтического и историософского смысла. Так, Россия была обозначена как *северный* край («Блистая, пробегают облака...»): поэт созерцает свою жизнь «в однообразном *северном* краю». Север становится образом родины, «*полуночной* страны» в стихотворении «Жена Севера», этот образ развернут в «Монолог»: «Мы, дети *севера*, как здешние растенья, / Цветем недолго, быстро увядаем...» – пейзаж севера обретает символические смыслы. В стихотворении «Для чего я не родился...» родина, «дальний *северный* край», созерцается с позиции юга. Ярко означена эта же ось движения мысли и в «Романсе к И...» – о бегстве, в духе романтизма, в мир иной культуры: «Когда я унесу в чужбину / Под небо *южной* стороны / Мою жестокою кручину...». В те же ранние годы север и восток соединяются в душе поэта как ценностно насыщенные сферы в трактате поэта о своем духовном мире – в стихотворении «1831-го июня 11 дня», в нем поэт пишет о воздействии пейзажей севера и востока на свою душу: «Как нравились всегда пустыни мне...», где ветер, табуны лошадей, коршун, облака – все рождает «мысль о вечности», раскрывает смысл судьбы и учит постигать «гармонию вселенной».

Не противопоставлены, а сопоставлены со степью – горы, «пирамиды природы», влекущие в мир вечности. В стихотворении «Спеша на север из далека...» (1837) названные доминантные образы обретают символическую многосмысленность и глубину историософских концептов, отнюдь не исчерпываясь романтическим акцентированием одиночества. Так что можно говорить о духовной оси Юго-Восток – Север: «Спеша на *север* издалека, / Из *теплых* и чужих сторон, / Тебе, Казбек, о страж *востока*, / Принес я, странник, свой поклон». Юго-Восток означен как мусульманский мир: тучи,

покрывающие Казбек, сопоставлены с белой чалмой, а прощальная поэтическая просьба к Казбеку – отнести моление сердца «к престолу вечному Аллы». Оба полюса, между которыми протекает жизнь и мыслительная работа поэта, и Север, и Юго-Восток, оценены безусловно положительно. Север дается без характеризующего минорного, темного эпитета – как родное и предназначенное, с чем соединено светлое, подаренное Востоком переживание высокой духовности мира в ее «надзвездной сфере», в сфере чистого Божества. Здесь выверен характерный для поэта символизм в восприятии Казбека: гордость человека (человека Запада) неуместна перед Казбеком, не замечается им, но этой духовной вершине созвучно «сердца тихое моление». Высшие просторы Бога есть и личное пространство поэта, и также владение «царя Кавказа», Казбека.

Культурософская ось Север – Юго-Восток выявляется и иными стихотворениями. Так, в крымском стихотворении по мотивам Мицкевича «Вид гор из степей Козлова» (1838) поэт вопрошает о Чатырдаге: духи ли нагромоздили горы, «чтоб путь на *север* заградить / Звездам, кочующим с *востока?*» В начале стихотворения «Валерик» (1840) речь идет о «небесах *востока*», которые поэт «с ученьем их пророка / Невольно сблизил», мусульманский Кавказ впрямую означен как Восток («небеса *востока*»), и далее он же – как Юг при описании войска: «Штыки горяд под солнцем *юга*». Так Юг и Восток в системе образов поэта есть уже прочно обретенное единство. Наконец, в стихотворении «Тучи» (1840) уподобленные изгнаннику-поэту тучи мчатся – с точностью выверенной формулы – «с милого *севера* в сторону *южную*».

В ранних произведениях Лермонтов мог предпочесть Запад Северу и назвать его отчиной души, мог и Восток также предпочесть Северу в прямом высказывании поэмы «Ангел смерти», где он, обращаясь к Востоку, говорит: «Кто знал тебя, тот забывал / Свою отчину...», подобно тому как предпочтет

восточных красавиц тот, кто их видел, и «не забудет надменный пламень их очей». Но в последние годы жизни трогательно любимая оставленная родина в движении по оси Север – Юго-Восток, биографическом и мыслительном, означена как главная ценность изгнанника. При этом если Запад оставлен навсегда, то верность Востоку поэт сохраняет в своем сердце. Лично пережитый Восток в кавказском лике – так говорит стихотворение «Тебе, Кавказ, суровый царь земли...» – остается страной мечты, которой поэт благодарен:

От юных лет к тебе мечты мои

Прикованы судьбою неизбежной,

На севере, в стране тебе чуждой,

Я сердцем твой – всегда и всюду твой.

Мир Востока благоприятен для мысли поэта-философа: «...мысль моя, свободна и легка, / Бродила по утесам», а сами горы воспринимаются как значимый символ духовных вершин и как личное духовное пространство: горы – «...вечные ступени / С земли на небо, в край моих владений...». Если и Север, и Восток близки и дороги поэту, то друг другу они чужды, христианский Север *чужд* Кавказу. Но для поэта-изгнанника мир Кавказа «был радостен и светел», и поэт платит его гостеприимству верностью: «дружно я на дружный зов ответил». Так поэт в себе связывает те миры, которые далеки друг от друга.

Обратимся к иносказанию стихотворения «На севере диком стоит одиноко...» (1841), к его историософскому противопоставлению Севера и Юго-Востока (восходящему к Г. Гейне). Мы читаем здесь не об одиночестве, не о мечте романтического героя. А любовная тема, как это было давно замечено, самим подбором героев: пальма и сосна, не пальма и кедр (как в некоторых переводах) и не пальма и дуб (как в переводе

Фета) – снята Лермонтовым. Сосна – образ северной души, сознания «дремлющего», пребывающего в суровых, «диких», условиях бытия, на «голой» вершине; это одинокое стояние на вершине – ситуация самосознающей личности, не обычного человека, не героя народного типа, но именно «вершинное» проявление человеческого бытия. Это одинокое сознание в холодном мире погружено в дрему, в мечтание. И это «стояние» в красоте холодного мира: сосна одета в «ризу» холодных «сыпучих» снегов. И эта личность культуры Севера у Лермонтова грезит извечно – о чем же? В ее снах она устремлена к идеальному Юго-Востоку, видит жаркую «пустыню далекую», где «солнца восход». Символ его – «прекрасная пальма», тоже на вершине – «на утесе *горючем*», то есть жгучем, раскаленном – таков *горючий* камень в народно-поэтическом языке, и он же – пронизанный горем, *горючими* слезами. Последний оттенок поддерживается и эпитетами «одна и *грустна*» – эта прекрасная и горькая пламенность идеальной восточной души является глубинной интенцией души холодной и северной. Так показал Лермонтов в имагинативной картине устремленность Севера к Юго-Востоку.

Прочитаем теперь в историософском ключе лермонтовский «Листок» (1841), центральный символ которого принадлежит общему арсеналу аллегорических образов: листок, оторванный от родной ветки, в типологически единой в разных культурах художественной ситуации, есть образ личности, оторванной от древа своей культуры. Это не непременно романтический одинокий скиталец и изгнанник, как сообщается в «Лермонтовской энциклопедии», он – странник, отвергший порождающую почву, предпочитающий свою отдельность, самостояние и самосознание, но тоскующий по сверхличному единству.

В стихотворении «Листок» означены две праситуации гармонии личности со сверхличным началом бытия. Это западная культурная модель – дуб как

целое, как западное мужественное древо жизни и крепости, и в нем единство листов, восходящих к общему родовому духовному началу, и чинара – древо восточного гармоничного мира, соединяющее своих детей в единое и прекрасное целое.

Дубовый листок оторвался от ветки родимой
И в степь укатился, жестокою бурей гонимый;
Засох и увял он от холода, зноя и горя
И вот, наконец, докатился до Черного моря.

Само древо (дуб) не входит в пространство стихотворения – как давно утраченное и утратившее актуальность для сознания европейского типа. Оно лишь упомянуто в беглой идентификации – «дубовый листок», у которого была «ветка родимая», и он «оторвался» от нее – сам отделился, как и европейский человек, еще помнящий «ветку», но уже не «древо». И в этой ситуации мы не обнаружим различия европейского и русского. Внимание поэта устремлено к новой и горькой судьбе отъединенной индивидуальности в ее свободе и самостоянии. Чинара же показана в полноте своего облика – это платан, столь же могучее и вечное древо в символике смыслов, как северный дуб. Пара дуб и чинара восполняет пару сосна – пальма в противостоянии Северо-Запада и Юго-Востока, но сюжет этих противостояний различен. Здесь не идеальная греза, но ВСТРЕЧА отдельной личности Севера и культуры Востока.

«Жестокая буря», «холод, зной и горе» – обстоятельства грозной судьбы северного человека в мире, все трагические перипетии истории становятся уделом индивидуальности вне родного древа, и эти мучительные и контрастные стихии (и холод, и зной) гонят измученного скитальца («засохший» и «увядший» лист) на Юг – по степным просторам вплоть, естественно, по законам географии, – до Черного моря. Отметим в этом

движении характерный для лермонтовской мысли нюанс: «До срока созрел я и вырос в отчизне суровой». В описанном движении по миру дан один из сюжетов отъединенного сознания, созревшего самосознающего «Я» (словом Андрея Белого) – ранее срока, опережающе созревшего и потому одинокого. Это «Я» чувствует себя особенным в обычном контексте эпохи. По закону опережающего развития, как это разработано у Андрея Белого, именно опережающий опыт отдельных индивидуальностей движет историю, и этот опыт позднее становится достоянием многих. Невыразимое одиночество является уделом тех, кто «созревает» «до срока», они напрасно пытаются, не зная покоя и чуждаясь его, как лермонтовский Печорин, *угадать* свое предназначение и чувствуют, что предназначение это *высокое*, но мир к ним суров и безжалостен, и порой жалоба срывается с их уст: «Я бедный листочек дубовый, / До срока созрел я и вырос в отчизне суровой...».

Удел такого листка – одиночество в холодном мире и бесцельность бытия, скитания по воле рока, отсутствие покоя и сна:

Один и без цели по свету ношуся давно я,
Засох я без тени, увял я без сна и покоя.

Этот образ раннего плода и драматизм его ситуации в бытии (раннего засыхания) не раз воплощен в стихах Лермонтова¹. В стихотворении «Листок» он дан с характерным для Лермонтова оттенком жалобы на описанную духовную ситуацию. Листок обращается к чинаре – в новой надежде, и в образе чинары описан созерцаемый прекрасный гармоничный мир Востока, в котором странник тщетно понадеялся обрести новую судьбу:

1. В «Думе»: «Так тощий плод, до времени созрелый, / Ни вкуса нашего не радуя, ни глаз, / Висит между цветов, пришлец осиротелый...»; в стихотворении «Гляжу на будущность с боязнью...» о душе поэта: «Как ранний плод, лишенный сока, / Она увяла в бурях рока / Под знойным солнцем бытия».

«...Прими же пришельца меж листьев своих изумрудных.

Немало я знаю рассказов мудреных и чудных».

Весь опыт отъединенного сознания, богатство обретенного опыта на драматических путях странник готов передать чинаре и ее прекрасным листьям («Прими же пришельца...») – традиционной цельности, им встреченной на своем бесцельно несомом ветром пути. В этом восточном мире поэт улавливает ту гармонию древнего, прочного мира, к мудрости которого его влечет – к которому его, оторвавшийся листок, и приносит судьба, волей степных ветров. Но его «рассказы» не интересны этому восточному миру, его «изумрудным листьям», у которых тоскующий странник ищет временной благосклонности. Здесь в глубоком подтексте судьба самого Лермонтова и его приобщение к миру Кавказа, стремление проникнуть в сущность этого мира – так листок прижимается к «корням» чинары

В ситуации этого стихотворения совершилось то, о чем даже не мечтала сосна Севера, созерцающая образ Юга в своей душе, – встреча. Но «рассказы», мудреные и чудные, не интересны этой самодостаточной южной гармонии. Характерно, что в образной логике стихотворения чинара предстает как единство цветущего мира, и ни один ее лист сам по себе не является субъектом высказывания: для чинары значимо лишь единство, но не пришелец иной культуры и не свой собственный отдельный лист (но лишь все вместе «свежие» «сыны»). Зато доминирующая гармония целого (в котором отдельные «Я» не обособлены) дана в ряде сказочных, широкоохватных и прекрасных подробностей: «...с ней шепчется ветер, зеленые листья лаская; / На ветвях зеленых качаются райские птицы...»; «Я солнцем любима, цвету для него и блистаю; / По небу я ветви раскинула здесь на просторе, / И корни мои умывает холодное море».

Здесь стихии света, воздуха, воды: свет Солнца, солнечная цветущая жизнь, ласковый ветер, холодная морская влага, питающая корни, не

упомянута лишь стихия земли, древо без земной тверди в этой картине, парящее в прозрачных стихиях мира – всё это рисует нам облик молодой (дважды повторен этот эпитет) высокой чинары с райскими птицами на ветвях. Мир Юга дан здесь в его молодой силе и цветущей безындивидуальной и безгрешной, догрешной жизни. Его мудрость дана как пение райских птиц – тогда как опыт индивидуальности для этого мира есть нежелательные «небылицы». И, увы, странник не принят прекрасной гармонией – в ряде отрицаний: самосознающее драматическое сознание отъединенного типа, его обширный опыт, то, что «видел» листок, чужеродно этому миру: «На что мне тебя?», «К чему мне твои небылицы?»; «Иди себе дальше; о странник! тебя я не знаю!» Эта невозможность единения с первозаданным миром и есть результат встречи с ним для северного утомленного бурями скитальца. Говоря на культурософском языке, в этой ситуации отказа сказывается самозамкнутость мира Юго-Востока и равнодушие к опыту индивидуальности, выношенному культурой Северо-Запада. Это неприятие поддерживается и историсофской мыслью стихотворения «Три пальмы» (1839), в котором описан горестный для мира Востока опыт зараженности подобным опытом: когда пальмы возжелали земного труда на пользу земного бытия – то есть обретения жизненного смысла как земного блага для других, в западном духе, то совершается нечто вроде грехопадения и наступает возмездие – гибель: гибнут и пальмы, пожелавшие индивидуального смысла жизни, вышедшие из вечного и данного Богом природного строя и получившие искомый смысл, и вместе с тем высыхает ручей, погибнув вместе с ними. Так видится поэту воздействие западного индивидуального духа, проникновение его идеалов в прочный и цельный мир Востока – он оценивает это воздействие как гибельное в иносказании восточной легенды

Райские птицы, дважды упомянутые в стихотворении «Листок», выражают характерную для Лермонтова мысль о причастности восточного мира к

райской сфере, ибо этот мир молодости души, при всей его древности, при его долгом сне пребывает в стадии как бы до грехопадения (то есть до отделения индивидуальных «Я» от общего древа). Так и в тексте «Ангела смерти» поэт связывает «всю прелесть» Востока с теми днями, «...когда печатью зла / Душа людей по воле рока, / Не обесславлена была...» – после чего и следует признание поэта: «Люблю тебя, страна Востока!» Для поэта «солнце юга» всегда источник «песнопений», как для «птички рая» («Измаил-бей»). Отпечаток райского бытия усматривает поэт в восточной жизни, и оттого она дорога ему и он любит ее – цельностью и первозданностью душ, их крепостью в войне и в быту, силой чувств – и любви, и ненависти. И, увы «западный» странник не принят «восточной» прекрасной гармонией, он безнадежно чужой в ней среди цельных и свежих душ – с его «больной душой». Таков историософский подтекст «Листка».

Отмечу, что всю эту «западно-восточную» интригу в историю оторвавшегося от древа листка привносит в сюжет из французского стихотворения именно Лермонтов, его культурософская мысль широко и свободно растекается по поэтическим пространствам вдоль оси Северо-Запад – Юго-Восток, используя и это русло – историю листка из первоисточника – стихотворения французского поэта Антуан-Венсана Арно «Листок». Русские поэты, обращавшиеся к переводу этого текста, В. Жуковский и Д. Давыдов, писали об «отлученном» от ветки «одиноким» листке (дубовом также), который на вопрос о том, куда и как он движется, говорит: он носится по воле случая, или же судьбы, по воле Борея, в чужом мире, стремясь туда, куда и всё стремится, – к смерти (неназванной в реплике листка). В этой ситуации «гроза» и падение «родимого дуба» была причиной печальной судьбы. Тема итоговой смерти в созвучии с оригиналом завершает оба названных перевода – смерти, не разбирающей различий, будь то лист лавра или лепесток розы. Так в варианте Жуковского, написанном двадцатилетием ранее лермонтовского стихотворения:

...Стремлюсь, куда велит мне рок,
Куда на свете все стремится,
Куда и лист лавровый мчится,
И легкий розовый листок.¹

В стихотворных переводах из Арно до Лермонтова не звучали вовсе историософские смыслы – они есть проявление отзывчивой на всемирные проблемы лермонтовской мысли.

Этим устремлением продиктовано стихотворение поэта «Ветка Палестины» (1837). В его центре еще одна ВСТРЕЧА. На сей раз ветвь пальмы, о которой грезил северная душа, привезена с юга на север и бережно хранится перед иконами. В стихотворении отразилась реальная ситуация – подаренная Лермонтову палестинская пальмовая ветвь, живой символ Востока. Речь идет о восприятии северным сознанием главной весты Востока, рожденной в том же мире гармоничного и цельного, почти райского бытия и сознания. В этом стихотворении Лермонтова можно усмотреть историософское воплощение христианской темы и наметившийся в творчестве поэта, словами Л. Гроссмана, «"гётевский" путь художника — путь знания и мудрости» (Гроссман 1941. 740). Ближний Восток воспринят Лермонтовым как порождающая почва для христианского откровения. Вопросы поэта, обращенные к стоящей перед ним пальмовой ветке, нацелены на воссоздание изначальной картины – где росла и цвела пальма: при Иордане или в горах Ливана, возможно, она связана с древней иудейской землей. И жива ли та пальма поныне... а если жива, то

Все так же ль манит в летний зной
Она прохожего в пустыне
Широколиственной главой?

1. В варианте Д.Давыдова: «Несусь, куда несёт суровый, / Всему неизбежный рок, / Куда летит и лист лавровый, / И лёгкий розовый листок!»

Так всецелое древо пальмы, бывшее духовное единство, влечет мысль автора стихотворения – вся питающая почва культуры. И он наделяет ее тем, чего не было у высокой чинары предыдущего стихотворения – заботой о страннике, «прохожем». Ведь именно этим – в стихотворении «Три пальмы» – в своем ропоте вдохновились пальмы – порадовать чей-то взор, не быть бесполезными, что и обрекло их на гибель в результате исполненного желания. Палестинская пальма в мечтании поэта несет в себе тот же отдых для путников среди пустыни и зноя, а один из благодарных паломников срезает на добрую память ее ветвь. И ветка оказалась в северном краю – благодаря ли паломнику, грустящему, или – вопрошает поэт – светлому, подобному самой пальме, тому, который «всегда небес достоин» по своей душе. Таким паломником в предыстории стихотворения был А.Н. Муравьев, написавший книгу «Путешествие ко святым местам в 1830 г.» (СПб., 1832). В итоге и в знак свершившейся плодотворной встречи ветвь обрела «перед иконой золотой» свое пристанище («Кивот и крест, символ святой»), войдя в мир христианской культуры Севера и обрета «мир и отраду», даже более – став охранителем христианской иконы:

Перед иконой золотой,
Стоишь ты, ветвь Ерусалима,
Святыни *верный часовой!*

Заключение

Итак, север, юг, запад, восток – эти образы звучат в стихотворениях Лермонтова с начала 1830-х годов как географические метки в лирических высказываниях поэта. Начиная с 1837 года в целом ряде стихотворений, таких как «Умиравший гладиатор», «Спор» и «Три пальмы», «На севере диком стоит одиноко...», «Спеша на север из далека...», «Тебе, Кавказ, суровый царь

земли...», «Листок», «Ветка Палестины», эти же образы становятся символически многосмысленными, их можно назвать ключевыми концептами и означить прописными буквами как Северо-Запад и Юго-Восток – двумя историософскими полюсами зрелых лермонтовских размышлений. Названные стихотворения последнего пятилетия жизни поэта образуют вместе не что иное, как своего рода Западно-Восточный диван поэта, но, в отличие от гетевского, проникнутый всецело историософской мыслью с приглушенной лирической составляющей. В центре внимания поэта отношения между полярными мирами и отношение самого поэта к ним. Духовная индивидуальность Севера волей географии (или же судьбы) поставлена между Западом и Востоком и тем самым призвана познать их, Запад – по факту рождения в России, части Европы, по строю воспитания и образования, а в случае Лермонтова еще и по причине семейных корней, уходящих в глубины европейской истории. Лермонтовское решение этой первой задачи очевидно: на фоне прекрасного знания европейской культуры, языков и литературы, пристрастие к Западу им оставлено. Обращение к Востоку также глубоко укоренено в судьбе поэта, широта его культурных интересов и глубина его мыслительного охвата мирового целого влекли его неотвратимо к Востоку, который стал ключевой темой его иносказательных стихотворений. Отношение поэта к Востоку выразилось в стихах с полной очевидностью как непреходящая симпатия, углубленная постижением ее духовного смысла и драматизированная познанным глубоким различием и неизбежной разделенностью двух миров. Сами эти полярные миры – Восток и Север – в лермонтовских постижениях обрели форму многосмысленных образных иносказаний, и вряд ли можно говорить о завершенной выраженности складывающейся концепции поэта.

Ряду исследователей, начиная с С.Н. Дурылина, хотелось бы видеть финальную точку – Россию, Север как синтетический образ поэта после

обольщения Западом и увлечения Востоком, о том же говорил А.С. Панарин как об исходе этих противопоставлений: примирить и завершить тему Востока могла бы христианская идея. Последнее можно усмотреть в стихотворении «Ветка Палестины» как первый набросок подобного исхода. Завершить рассмотрение незавершенной лермонтовской темы можно мыслью Л. Гроссмана о трагизме ранней смерти поэта: зрелые стихотворения Лермонтова раскрывают в нем поэта-пророка, на путь которого он только начинал вступать.

Литература

- 1- Гроссман Л. (1941). *Лермонтов и культуры Востока* // Литературное наследство. 1941. Т. 43. С. 673-744.
- 2- Дурьлин С.Н. (1916). *Россия и Лермонтов. (К изучению религиозных истоков русской поэзии)* // Христианская мысль. Киев. Кн. 2 (февр.). С. 137-150.
- 3- Кошемчук Т.А. (2022). *Иносказательные образы М. Ю. Лермонтова: к теме Запада и Востока в стихах поэта* // Исследовательский журнал русского языка и литературы. 2022. Т. 10. № 2. С. 57-75.
- 4- Лермонтов М.Ю. (1959). *Сочинения в 4 томах. Т. 4.*, М., Л. : Издательство АН СССР. 826 с.
- 5- Попов А.В. (1954). *Лермонтов на Кавказе*. Ставрополь, Ставропольское книжное изд-во. 222 с.

Bibliography

- 1- Grossman (1941). *L. Lermontov i kul'tury Vostoka* // Literaturnoe nasledstvo. 1941. T. 43. S. 673-744.
- 2- Durylin S.N. (1916). *Rossiya i Lermontov. (K izucheniyu religioznyh istokov russkoj poezii)* // Hristianskaya mysl'. Kiev. Kn. 2 (fevr.). S. 137-150.
- 3- Koshemchuk T.A. (2022). *Inoskazatel'nye obrazy M. YU. Lermontova: k teme Zapada i Vostoka v stihah poeta* // Issledovatel'skij zhurnal russkogo yazyka i literatury. 2022. T. 10. № 2. S. 57-75.
- 4- Lermontov M.YU. (1959). *Sochineniya v 4 tomah. T. 4.*, M., L. : Izdatel'stvo AN SSSR. 826 s.

- 5- Popov A.V. (1954). *Lermontov na Kavkaze*. Stavropol', Stavropol'skoe knizhnoe izd-vo. 222 s.

HOW TO CITE THIS ARTICLE

Koshemchuk Tatiana Alexandrovna (2023). M.Y. LERMONTOV'S CULTUROSOPHY: NORTH AND EAST IN THE POET'S ALLEGORICAL POEMS. *Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka I Literatury*, 11(2), 47-65.

DOI: 10.52547/iarll.22.3

URL: <https://www.journaliarll.ir/index.php/iarll/article/view/297>

فلسفه فرهنگی م. یو. لرمانتف: شرق و غرب در اشعار تمثیلی شاعر

تاتیانا الکساندراونا کاشمچوک^{*1}

استاد دانشگاه کشاورزی سن پیتربورگ،

سن پیتربورگ، روسیه.

(تاریخ دریافت: ژوئیه ۲۰۲۳؛ تاریخ پذیرش: اوت ۲۰۲۳)

چکیده

در این مقاله اشعار تمثیلی لرمانتف از منظر مسائل فلسفه فرهنگی تجزیه و تحلیل شده است. این شمال، غرب و شرق (جنوب) به عنوان قدرت‌ها و تفکرات اصلی تاریخ بررسی می‌شوند. آنها که معمولاً به عنوان انعکاس مجموعه رمانتیک تفسیر می‌شوند به عنوان نقطه عطفی در مسیرهای تحلیل تاریخی-مذهبی به‌شمار می‌آیند. موضوع غرب توسط شعر کاملاً خاتمه یافته است (گلادیاتور رو به موت). محور شمال-شرق با تلاش برای شناخت پایه‌های معنوی و گرایش به «شمال مهربان» با ارزش‌های مسیحیت جاری در آن در رأس توجه قرار دارد. در مقاله، پیچیدگی دراماتیک تقابل آنها در سوژه‌های تمثیلی دو تقابل تحلیل می‌شود: برگ بلوط یا جنوب («برگ») و شاخه درخت پالم با شمال («شاخه فلسطین») - نظم و حکمت دنیای سنتی و ذهن فردی جدا افتاده که اصول مشترک خود را از دست داده است. در نتیجه، اشعار فلسفه فرهنگی لرمانتف قابلیت‌های خلاقانه بسیار زیاد شاعر را در مسیر ایجاد یک مفهوم مصنوعی که فلسفه، مذهب و هنر را با هم ترکیب می‌کند، به نمایش در می‌آورند. مرگ زود هنگام شاعر، به گفته گراسمن، حکمت این شاعر را که در اشعار ابتدایی وی نمود مشخصی دارد، از اندیشه جهانی گرفت.

واژگان کلیدی: اشعار م. یو. لرمانتف، دگرگویی، نمادهای سمبلیک، فلسفه فرهنگی، غرب، شرق.

1. E-mail: koshemchukt@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-4606-2525>

* نویسنده مسئول

نوع مقاله: علمی- پژوهشی

YAKOV POLONSKY. "AFTER THE FEAST", 1849: TEXT AND OVERTEXT

Modebadze Irine Igorevna^{1*}

Senior Scientific Researcher of Shota Rustaveli Institute of Georgian Literature,
Ivane Javakhishvili Tbilisi State University.

Tbilisi, Georgia

(date of receiving: November, 2022; date of acceptance: May, 2023)

Abstract

Georgia left a bright trace in the life of the outstanding Russian writer, poet, novelist and playwright Yakov Polonsky (1819-1898). His five years in Tbilisi became crucial in his creative fate: published in Tbilisi collections of poems created in the Caucasus ("Sazandari" 1849, "Several Poems", 1851) were appreciated and made him famous. The aim of our study was to reveal the connection between the Georgian reality and specifics of its comprehension and refraction in the romantic discourse of the poet. The study material was the discourse of the text of the poem "After the Feast" (1849), Polonsky's realistic essay and excerpts from the poet's letters to friends. Such a study was carried out for the first time. The results of the analysis allow us to analyze the poet's personal relations with representatives of Georgian intelligentsia and the accepted at the time socio-cultural behavior of Georgian aristocracy at the time.

Keywords: Yakov Polonsky, Russian Literature of the 19th Century, Caucasian Text, "After the Feast", Romantic Discourse, Off-Text.

1. E-mail: irinamodeb@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0001-5432-0243> * Corresponding author

ЯКОВ ПОЛОНСКИЙ. «ПОСЛЕ ПРАЗДНИКА», 1849: ТЕКСТ И ЗАТЕКСТ

Модебадзе Иринэ Игоревна^{1*}

Старший научный сотрудник Института грузинской литературы
им. Шота Руставели ТСУ им. Ив. Джавахишвили,
Тбилиси, Грузия.

(дата получения: ноябрь 2022 г.; дата принятия: май 2023г.)

Аннотация

Грузия оставила яркий след в жизни и творчестве выдающегося русского поэта, прозаика и драматурга, Якова Петровича Полонского (1819–1898). Пять лет, проведенных в Тбилиси, оказались поворотными в его творческой судьбе: опубликованные в Тбилиси сборники стихов («Сазандар», 1849, «Несколько стихотворений», 1851) получили высокую оценку критики и принесли ему признание современников. Целью нашего исследования было выявить связь между увиденной Яковым Полонским в Грузии реальностью, спецификой ее осмысления и преломления в романтическом дискурсе творческой лаборатории поэта. Материалом исследования послужил дискурс текста стихотворения «После праздника» (1849), реалистического очерка Полонского и выдержек из писем поэта к друзьям. Подобное исследование проводилось впервые. Результаты проведенного анализа позволили сделать ряд выводов по поводу личных связей поэта с представителями грузинской интеллигенции и принятой в то время социокультурной модели поведения представителей грузинской аристократии.

Ключевые слова: Яков Полонский, Русская Литература XIX Века, Кавказский Текст, «После Праздника», Романтический Дискурс, Зате́кст.

1. E-mail: irinamodeb@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0001-5432-0243> *Ответственный автор

Введение

В начале XIX века Грузия становится частью Российской империи. Меняется вектор миграционных процессов: на Кавказ устремляется множество народа. Идет война, и Империя направляет на юг военные полки; кто-то едет сюда по приказу императора для того, чтобы принять участие в управлении краем; кто-то в надежде поправить свое материальное положение («зачинами»); не говоря уже о ссыльных, картографов, церковных деятелях и тех, кто путешествует в поисках новых впечатлений... Здесь все было не так как дома – другая природа и климат, другие нравы и обычаи местных народов (иные приоритеты ценностных ориентаций), даже продукты и кухня были здесь непривычными. И все это нашло отражение в донесениях, отчетах, путевых заметках, дневниковых записях, письмах и, конечно же, в публицистике и художественной литературе. Постепенно само слово «Кавказ» обрело значимость культурного концепта. Это было уже не столько географическое, сколько собирательное культурно-историческое понятие, охватывающее весь регион Северного и Южного Кавказа.

В 1844 году было утверждено Кавказское наместничество, включавшее Грузинскую губернию (с 1847 г. — Тифлисская губерния), Армянскую и Каспийскую области, административным центром которой стал Тифлис /Тбилиси/. Главкомандующим войсками на Кавказе и наместником кавказским с неограниченными полномочиями был назначен граф, князь М. С. Воронцов. Правление Мих. Воронцова на Кавказе продлилось с 1845 года по 1853 год и характеризовалось сменой имперской политики «с кнута на пряник». Тифлис этого периода можно сравнить с мирным островом посреди бушующих вокруг военных действий, куда центроостремительные силы исторического процесса влекли всех любознательных и деятельных людей эпохи. Здесь не только находился центр управления вновь присоединенными землями, но и концентрировалась интеллектуальные силы всего южного

региона. Ключом была театральная и литературная жизнь, выписывались почти все столичные газеты и журналы.

Жизнь древнего города стремительно менялась. «Тифлис стал утрачивать азиатские черты, и так застроился на протяжении последних лет, что его невозможно узнать», – отмечал друг Я. Полонского польский поэт Т. Лада-Заблоцкий, который допускал, что через десять лет «Кавказ станет Италией России» /Из письма к Ю. И. Крашевскому от 8 мая 1847 г./ (Филина 2016. 235). Именно в это время, получив должность при канцелярии нового наместника, назначенный помощником редактора газеты «Закавказский вестник», летом 1846 года из Одессы в Тифлис приезжает Я. П. Полонский (1819–1898) — пока всего лишь начинающий поэт, решивший после первых неудач отказаться от литературных занятий, впоследствии — выдающийся русский литератор: поэт, прозаик и драматург.

Основная часть

К моменту приезда Полонского в Грузию в Тифлисе подолгу жили, или ненадолго приезжали представители русской интеллигенции, проживали ссыльные писатели-поляки. Вместе с представителями местной интеллигенции они составляли особый круг людей, где царил столь милый Я. Полонскому дух свободомыслия и дружбы. Общение с этими людьми оказало на него плодотворное влияние: в этой среде он почувствовал себя обновленным, полным энергии, ощутил желание жить и творить. «Если бы я остался жить и поживать на своей родине, я бы давно или умер бы с тоски, или бы стал пошл, так же пошл, как пошла была вся действительность, которая окружала меня, держала меня в оковах и убивала во мне лучшие способности, до тех пор, пока я не вырвался на волю» /из письма к М. Е. Гутмансталь, декабрь 1847/ (Богомолов 1966. 21). Пять лет, проведенных в Тифлисе, оказались поворотными в творческой судьбе Я. Полонского: в Грузии он окончательно

осознал свое творческое призвание, а опубликованные в Тифлисе сборники созданных на Кавказе стихов («Сазандар», 1849 и «Несколько стихотворений», 1851) получили высокую оценку критики и принесли поэту признание современников. «Именно этот город (Тифлис — *И.М.*) превращает Полонского в настоящего поэта» (Головин 2012. 31).

Свои сочинения Я. П. Полонский в основном публиковал на страницах газеты «Закавказский вестник», к исполнению обязанностей помощника редактора которой он приступил с первых же дней по приезде в Тифлис. Вдвоем с редактором газеты П. Иоселиани, они делали всю газету (кроме них в штат редакции входили только переводчики — с грузинского В. Г. Гурамов /Гурамишвили/, а с татарского /азербайджанского/ – Б. Д. Лазарев). Газета выходила в Тифлисе с 1837 по 1855 год (позднее она стала официальным приложением к газете «Кавказ»). Ее целью было знакомить читателей с жизнью, бытом, нравами и текущими новостями края. Работы было много. Я. П. Полонский увлеченно занялся новым делом: составлял статистические отчеты, публиковал данные о климате, населении, природных богатствах Кавказа и свои сочинения — этнографические и художественные очерки, фельетоны, заметки, стихотворения, первую главу повести «Тифлиские ночи». «Мечтать мне некогда, — писал он своим друзьям, — мне поручено составление статистических статей – а) О иностранных семенах, посеянных в Закавказском крае; б) О хлопчатнике; в) О разведении табака и г) О шелкомотальных машинах. Стол мой завален кучею бумаг и перепискою нашей канцелярии с департаментом сельского хозяйства, при том я держу корректуру» (Богомолов 1966. 22).

Я. П. Полонский много ездил по Южному Кавказу. Талантливый художник, он постоянно делал зарисовки, стремясь знакомить соотечественников не только с экзотическими реалиями, но и с особенностями жизни и быта местных жителей. Записи, рисунки и дневники свидетельствуют

– Я. Полонский побывал в различных уголках Грузии (Гурии, Кахети, Имерети, Самегрело, на побережье Черного моря, неоднократно бывал в Кутаиси, Гори, Душети, Ананури, Телави, Мцхета, Атени, Редут-Кале, Марткопи, Алаверди, Коджори, Манглиси), в Борчалинском уезде, Ереване, Эчмиадзине, Нахичевани, высокогорных аулах, «татарских селениях», Кизляре и Моздоке. Почти все поездки питали вдохновение поэта, и большинство из увиденного впоследствии нашло отражение в его художественном творчестве. Он писал: «...надо жить / В Тифлисе — наблюдать — любить — И ненавидеть, чтоб судить / Или дожидаться вдохновений...» («Прогулка по Тифлису», 1846). Именно так Я. Полонский и поступал – не просто зарисовывал и описывал, но тщательно анализировал — «судил» об увиденном в своих очерках, а не соответствующие форме очерка яркие эмоции и впечатления, дождавшись «вдохновений», выражал в прекрасных стихах. В этом смысле знаковым представляется одно из написанных Я. П. Полонским на грузинскую тему в 1849 году стихотворений — «После праздника». Приведу полностью текст этого стихотворения.

Вчера к развалинам, вдоль этого ущелья,	Из уст в уста ходила азарпеша, ¹
Скакали всадники — и были зажжены	И хлопали в ладоши сотни рук,
Костры — и до утра был слышен гул веселья —	Когда ты шла, Майко, сердца и взоры теша,
Пальба, и барабан, и вой зурны.	Плясать по выбору застенчивых подруг.

Сегодня вновь безлюдное ущелье
Глядит пустыней, — мирная пальба
Затихла — выпалось похмелье —
И съехала с горы последняя арба!

Не все же праздновать! —	Как после праздника в глотке
веселый пир народный	вина отраду
Прошел, как сон... Так некогда	Находит иногда гуляка удалой,
любовь	
Моя прошла — пыл сердца	Так рад я был внимательному
благородный	взгляду
Простыл, давно простыл; — но	Моей Майко, плясуньи молодой
не простыла кровь!	

Что ж медлю я... Бичо! ты, конюх мой проворный!
 Коня!! — Ее арбу два буйвола с трудом
 Везут. — Догоним... Вот играет ветер горный
 Катибы² бархатной пунцовым рукавом.

Поэтика стихотворения полностью соответствует романтическим традициям Кавказского текста русской литературы: дикая природа («развалины», «безлюдное ущелье»), воинственное местное население («пальба, и барабан, и вой зурны»), атмосфера восточного пира, где «хлопали в ладоши сотни рук» и «из уст в уста ходила азарпеша», упоминание местных реалий и лексем (*зурна, азарпеша, арба, катиба, бичо*). Не забыт и разочарованный любовными переживаниями романтический лирический герой («*любовь моя прошла — пыл сердца благородный простыл, давно простыл*»). Органично вписывается в общую картину образ Майко - «плясуньи молодой», чью «арбу два буйвола влекут с трудом». Восхищение красотой поселянки рождает у лирического героя совершенно особые чувства, ведь, несмотря на то, что давно «простыл пыл сердца благородный», «не простыла кровь». С романтическим настроением стихотворения несколько диссонируют характерные для авторского стиля поэта примечания, поясняющие читателю значение отдельных реалий: «1. Азарпеша — чаша для вина; 2. Катиба — женская

одежда с откидными рукавами». «Реалиям свойственны эмоциональность и образность, стилистическая окрашенность, поэтому они становятся отличительными знаками того народа, в языке которого существуют. В художественном тексте они служат не только стилистическим целям, но и воссозданию национального, культурного и исторического колорита» (Рожкова 2011. 215). Авторские примечания подчеркивают специфику создаваемой поэтом художественной реальности — романтические мотивы сливаются с реалистической картиной.

При внимательном прочтении открываются и другие смысловые пласты текста. Прежде всего, это преломленный в романтическом дискурсе кавказской лирики автобиографизм — художественно переосмысленное отражение пережитого поэтом. В частности, упоминание прошедшей благородной любви — достаточно прозрачная аллюзия на юношескую любовь к Соне Коризна. Симпатия молодых людей была взаимной, но Соня была бедна, так же как и сам Яков, и о серьезных отношениях, а тем более о женитьбе, не могло быть и речи. «Влюбленный без памяти, при ней я притворялся холодным, — признавался он потом. — Увлечь девушку было не в моих правилах, а жениться я не мог, так как и она была бедна, и я был беден <...> Я еще не служил и не желал служить <...> Да и мог ли я думать о женитьбе, когда, вышедши из университета и нуждаясь в партикулярном платье, я вынужден был продать золотые часы свои, полученные мною в дар в то время, когда я был еще в шестом классе гимназии» (Полонский 1988). Отсутствие возможности поддерживать серьезные отношения с Соней послужило одной из причин, по которой Я. Полонский покинул Москву и в 1844 году уехал в Одессу, где прожил почти два года. Воспоминания о Соне Коризна и их немногочисленных встречах долго не покидали поэта. В написанном под впечатлением реального эпизода стихотворении «Качка в бурю» (1850) также встречается аллюзия на его юношескую любовь. В этом,

признанном «едва ли не лучшим» из написанных на Кавказе» стихотворений (Фридлянд 1984. 14), осознавая реальность возможной гибели, лирический герой грезит — ему видятся картины самого дорогого из того, что успел пережить за свою недолгую жизнь поэт. «Это воспоминания раннего детства, сохранившиеся еще с того времени, когда была жива мать Якова, о юношеской любви, по всей вероятности, к Соне Коризна, прогулки с которой в вечернем саду он никогда не забывал» (Модебадзе 2010. 40).

В стихотворении «После праздника» аллюзия на возвышенную юношескую любовь выступает в качестве смыслопорождающего элемента: с учетом затекстовых фактов, противопоставление «простывшего пыла сердца» и «не простывшей крови» вполне может быть интерпретировано как противопоставление оставшейся в прошлом романтически возвышенной любви и земной страсти настоящего — увлечению сололакской красавицей-армянкой Софьей Гулгаз, которую поэт считал самой красивой женщиной в Тифлисе. Связь с «соломенной вдовой» бросившего ее на произвол судьбы пьяницы-торговца оставила яркий след в жизни Я. П. Полонского. История простой девушки-сироты, вынужденной вести жизнь содержанки, не только стала основой сюжета повести «Тифлиские сакли», но и вдохновила поэта на создание в том же 1849 году, что и «После праздника», стихотворений, посвященных Софье Гулгаз — «Встреча» и «Не жди».

Как справедливо отмечает Е. М. Баранская, на раннем этапе творчества «"Я" Полонского <...> завуалировано абстрактным образом поэта-романтика, смоделированным по пушкинскому образцу» (Баранская 1998. 163). В то же время «отражение в тексте действительности предполагает наличие затекста — фрагмента действительности, описанного в тексте. Затекст присутствует в тексте неявно, как отсылка к реальным событиям или явлениям. По сути, целью текста является описание затекста в том ракурсе, в каком он видится его автору» (Белянин 2016. 172). С учетом вышесказанного несложно выявить

специфику авторской позиции — в сознании поэта оставшаяся в прошлом возвышенная юношеская любовь, питающая в соответствии с романтической традицией восторженного поклонения даме его поэтическое воображение, четко дистанцирована от «земной страсти» настоящего.

С реальным фактом из жизни Я. П. Полонского связан и другой биографический затекст — посещение праздника в Марткопи. Желание поехать на праздник в Марткопи возникло у него еще в 1846 году, вскоре по приезде в Тифлис. В одном из своих августовских писем друзьям в Одессу он писал: «Вчера за обедом узнал, что в 20 верстах от Тифлиса, ночью под Успенье в Марткопи — народный праздник, куда собираются целые тысячи грузин и армян. Я послал нанять верховую лошадь — привели лошадь — я оделся по-черкесски — и вышел». Но поездка в тот день так и не состоялась, выйдя на улицу, поэт обнаружил пропажу своей лошади: «Иду к хозяину лошади. Хозяин говорит, что грузин, который повел ее ко мне, еще не возвращался. Нет ли еще лошадей? Нет в целом Тифлисе! Извозчики везти так далеко от города не соглашаются <...> Как хотите, а досадно пропустить случай видеть народный пир» (Богомолов 1966. 82). Поэт смог попасть в Марткопи лишь через два года — в 1848 году. Увиденное произвело на него настолько сильное впечатление, что он поделился им с читателями не только в опубликованных в «Закавказском вестнике» очерках «Несколько слов о грузинских праздниках вообще по случаю Марткопского» и «Ночной вид Марткопского праздника», но и выразил свои эмоции в лирическом стихотворении.

Очерки Я. Полонского отличает точность описаний, внимание к деталям, красочность и колоритность увиденных глазом художника сцен и деталей, широта и глубина обобщений, логика суждений. Они неоднократно привлекали внимание исследователей Кавказского текста русской литературы, занятых изучением различных ракурсов очерковой прозы, среди которых

приоритетными являются исследования истории русско-грузинских культурных отношений; «вклада писателя в развитие этнографического направления в русской литературе 1840-х годов» (Ушакова 2019. 135-145.) и национальной специфики христианских традиций (Багратион-Мухранели 2020; Федосеева 2020; Ушакова 2021. 102-109). «В поэзии Полонского лирическое начало бытует на фоне очеркового, «натурального», реального материала <> В «кавказском» стихотворном цикле верность природе и местному колориту позволила создать поэтические картины, подсказанные самой жизнью» (Мушина 1986. 9), поэтому анализ поэтического текста в общем контексте с очерковой прозой придает ему дополнительную информативность.

Прежде всего следует отметить, что к народным праздникам у Я. Полонского было совершенно особое отношение. Он полагал, что во время таких праздников, когда собирается большое количество объединенных общей радостью людей, лучше всего познается национальный характер народа. Обобщая в очерках свои впечатления и размышления о народных праздниках, он писал: «Дай бог, чтоб долго еще шумели в Грузии ее национальные праздники, они вполне национальны <...>. Грузин может быть грузином и в русском костюме, точно так же, как и русский останется русским, в какое бы платье он ни нарядил себя. Правда, живописный костюм грузинский есть национальный костюм, но не в костюме, а в народных праздниках ступайте подмечать лучшие черты грузинской национальности. <...> Сквозь оболочку чисто национального проглядывает так много общечеловеческого, так много всем доступного и понятного, что невозможно им не сочувствовать» (Полонский 1848. 143).

Традиция всенародно отмечать христианские праздники (в том числе и храмовые) сохранилась в Грузии до нашего времени. В эти дни к святым местам устремляются толпы паломников. Один из самых почитаемых

праздников — это праздник Успения /ღებობა - Мариамоба/, который отмечается всеми христианами Грузии, независимо от принадлежности к той или иной конфессии. По-видимому, именно такой многолюдный праздник, «куда собираются целые тысячи грузин и армян», посетил в Мартой Я. Полонский в 1848 году. Поскольку Мариамоба празднуется 15 августа, в пользу этого предположения свидетельствует и тот факт, что очерки Полонского были опубликованы под свежим впечатлением от поездки в августовских номерах «Закавказского вестника» за 1848 год. В таком случае вполне объяснимо и отмеченное Полонским присутствие на празднике «иноверцев» (лезгин, татар, персов): последователи исламской религии с уважением относятся к Марьям /Марии/ — матери причисленного к посланникам Аллаха пророка Исы /Иисуса/, именем которой названа 19 сура Корана.

Один из древнейших на территории Грузии, Марткопский монастырский комплекс, т. н. Марткопи, расположен в 35 км от современного Тбилиси. Основанный еще в VI в. Св. Антоном Марткопским /Св. Антоний Столпник/, комплекс сильно пострадал в 1395 г. от войск Тамерлана, а в 1752 г. от набегов леков /лезгин/. В 40-ых годах XIX века землетрясением был разрушен купол и восточная стена центрального храма (храм Хвтаэба /Божества/). В 1847 году Платон Иоселиани (напомним, что в интересующий нас период именно Пл. Иоселиани был редактором «Закавказского вестника») составил первое научное описание разрушенного Храма, который был заново отстроен в период между 1848 и 1855 годами. Таким образом, упоминание в стихотворении «развалин», воспринимаемых как элемент экзотично-романтического пейзажа, в действительности является исторической реалией, так же как и живописное, но «безлюдное» в обычное время ущелье — в период до восстановления центрального Храма народ собирался на поклонение святыням Марткопи только в дни больших церковных праздников.

В стихотворении прекрасно передана детально описанная в очерках атмосфера всеобщего веселья, благожелательности и гостеприимства. Не забыты застолье, музыка, песни и танцы. Что касается «плясуньи молодой», чью «арбу два буйвола влекут с трудом», то этот образ красавицы-поселянки, так же, как и чувства лирического героя, скорее всего, — дань романтической традиции, вернее, романтической мистификации, которая, как известно, «в любовной лирике существенно преобразует реальные факты» (Баранская 2013. 25).

Вопрос о том, кто мог послужить прообразом плясуньи Майко не остался вне внимания ученых. Поскольку нет никаких свидетельств об увлечении поэта в этот период кем бы то ни было, кроме Софьи Гулгаз, достаточно серьезным представляется предположение исследователей, что на создание этого образа поэта вдохновило знакомство с представительницей одной из самых аристократичных фамилий Грузии, княжной Маико (Мариам) Орбелиани (1816/17-1849). Как следует из писем к княжне близкого ее родственника и друга, известного грузинского поэта-романтика Николоза Бараташвили, «Маико Орбелиани жила в Квемо Картли (один из регионов Грузии – *И.М.*), в одном из родовых имений Орбелиани, в Тифлисе же бывала наездами»¹ (Церцвадзе 2019. 35). Тем не менее, получившая прекрасное образование княжна играла значительную роль в культурной жизни города. По-видимому, именно ее и Нину Чавчавадзе-Грибоедову имел в виду Полонский, когда писал, что «некоторые из женщин первых аристократических фамилий по своему образованию смело могут блистать в лучших европейских обществах» («Кавказский календарь», 1847).

Маико Орбелиани «была музой поэтов и художников того времени.<...> ею восхищались и бывавшие в то время на Кавказе русские чиновники и деятели

1. Здесь и в дальнейшем перевод с грузинского – *И.М.*

культуры: Н. Жерве (1808-1841), Ал. Васильчиков (1818-1881), Ф. Торнау (1810-1890), М. Лермонтов (1814-1841), Я. Полонский (1819-1898), Ал. Долгоруков (1793-1868), Ал. Столыпин (1816-1858), Гр. Гагарин (1810-1893), Пл. Челишев (1804-1859)» (Церцвадзе 2019. 36). О том, что именно Маико Орбелиани вдохновила поэта на создание образа плясуньи Маико неоднократно писали исследователи. Более того, со временем возникло предположение, что, возможно, «они вместе посетили народный праздник в Марткопи» (Богомолов 1966. 60-61); «Маико Орбелиани, по словам Полонского, «грузинка, чудо, как хороша». Ей, после совместной поездки в Марткопи, он посвящает стихотворение “После праздника”» (Головин 2012. 32) и т.д. Соответственно, сам собой напрашивается вывод: возможно, Маико Орбелиани не только была музой поэта, но и прообразом «плясуньи».

Основанием такому предположению послужила близость поэта к семье известного грузинского поэта-романтика, государственного и общественного деятеля князя Александра Чавчавадзе (1786 - 1846). Известно, что вскоре после приезда в Тбилиси Я. Полонский стал частым гостем его семьи. По мнению современников, «главная заслуга князя Александра заключалась в том, что он успел дом свой сделать прочным звеном между обществом грузинским и русскими людьми, ехавшими служить на Кавказ» /газ. «Петербургские ведомости», 1883, №73/ (Богомолов 1966. 56). У Полонского завязались дружеские отношения с детьми Ал. Чавчавадзе, Ниной Чавчавадзе-Грибоедовой (1812-1857) и ее братом Давидом (1817/8-1884), которым он посвятил прекрасные стихи – «Н. А. Грибоедова» (1846-1879) и «Кахетинцу» (1849) (упоминаемые в них факты подтверждают степень близости поэта с семьей Чавчавадзе), а также с их кузиной Маико Орбелиани, которая приходилась родной племянницей Саломе Орбелиани — супруге Ал. Чавчавадзе и матери Нины и Давида Чавчавадзе. В своих очерках Я. Полонский неоднократно подчеркивает стирающее сословные отличия

духовное единство собравшихся: «На грузинских праздниках, кто бы вы ни были, к какому бы сословию ваша особа ни имела чести принадлежать и как бы вы ни были воспитаны, вам самим будет нисколько не стыдно и не совестно принять участие в общем веселии, наравне с последним бедняком, покрытым лохмотьями» (Полонский 1848, 143). Для подобного заключения, безусловно, было необходимо непосредственное наблюдение за поведением на празднике представителей высшего сословия — грузинской аристократии. Так возникла версия совместной поездки...

Новейшие исследования архивных материалов позволили установить дату смерти Майко Орбелиани — княжна скончалась от чахотки в конце января/начале февраля 1949 года. Как следует из письма Левана Меликишвили, прогрессирующая болезнь настолько ослабила болящую, что она не только не покидала своей усадьбы, но и ее жених считал нужным оставаться с княжной в ее имении, в связи с чем просил начальство продлить ему отпуск (Церцвадзе 2019. 34). Участие летом 1848 года, т.е. за полгода до кончины, тяжело больной княжны в увеселительной поездке и, тем более, в народных плясках, представляется маловероятным. Тем не менее, поскольку документальных свидетельств участия (или *не*участия) в этой поездке Майко Орбелиани не обнаружено, история пляшущей среди народа красавице-аристократке так и остается одной из возможных интерпретаций происшедшего во время той памятной поездки.

На создание романтического образа «Плясуньи Майко» поэта вполне мог вдохновить и сам факт знакомства с прославленной красавицей-княжной. Одно не вызывает сомнений — размышления Полонского о народных праздниках Грузии оставили потомкам неопровержимое свидетельство внетекстовой реальности — социо-культурной модели поведения представителей грузинской аристократии того времени.

Заключение

Художественное творчество оперирует авторской интерпретацией конкретных фактов, чувств и переживаний. В романтическом дискурсе кавказской лирики Я. Полонского четко прослеживается отражение художественного переосмысления лично пережитого поэтом, и изучение поэтического текста в общем контексте с биографическим затекстом дает возможность дополнительных интерпретаций.

Литература

- 1- Багратион-Мухранели И.Л. (2020). *Русские писатели о грузинском народном благочестии и единстве православия в конце 40-х годов XIX века* // XXX Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Москва : Изд-во ПСТГУ. 294 с. <https://esxatos.com/bogoslovskaya-konferenciya-pstgu-30-2020>
- 2- Баранская Е. М. (2013). *Кавказ в модели житнетворчества Я.П. Полонского* // Культура народов Причерноморья, №264. Симферополь : Изд-во «Таврия». С. 22-27. [Электронный ресурс]: <https://md-eksperiment.org/ru/post/20190110-kavkaz-v-modeli-zhiznetvorchestva-ya-p-polonskogo>
- 3- Баранская Е. М. (1998). *Лирический герой и литературная личность Я. П. Полонского* // Культура народов Причерноморья, №5. Симферополь, Изд-во «Таврия». С. 162-167. [Электронный ресурс]: <https://md-eksperiment.org/ru/post/20190110-liricheskij-geroj-i-literaturnaya-lichnost-ya-p-polonskogo>
- 4- Белянин В. П. (2016). *Психоллингвистика: Учебник*. Москва : Изд-во ФЛИНТА. 415 с. [Электронный ресурс]: http://lib.y-su.am/open_books/413123.pdf.
- 5- Богомолов И. С. (1966). *Я. П. Полонский в Грузии*. Тбилиси : Изд-во «Литература да хеловнеба». 199 с.
- 6- Головин Вл. (2012). *«Завлекают в Сололаки стертые пороги...»* // «Русский клуб», №10. Тбилиси : Изд-во «Русский клуб». С. 30-36. [Электронный ресурс]: [http://russianclub.ge/components/com_jooget/file/n84\(10\)bolo.pdf](http://russianclub.ge/components/com_jooget/file/n84(10)bolo.pdf)
- 7- Модебадзе Ир. (2010). *«Родная Грузия была для нас свята...» Яков Полонский*. Тбилиси : Изд-во Русский клуб. 67 с.
- 8- Мушина И. Б. (1986). *Поэзия и проза Полонского* // Я.П.Полонский, Сочинения в двух томах, т. 1. Москва : Изд-во «Художественная литература». С. 5-26 [Электронный ресурс]: https://imwerden.de/pdf/polonsky_sochineniya_tom1_1986__ocr.pdf,

- 9- Полонский Я.П. (1988). *Мои студенческие воспоминания* // Полонский Я. П. Проза. Москва : Изд-во «Советская Россия». [Электронный ресурс]: http://az.lib.ru/p/polonskij_j_p/text_1898_moi_stud_vosp.shtml
- 10- Полонский Я. П. (1848). *Несколько слов о грузинских праздниках вообще по случаю Марткопского* // Закавказский вестник, № 34. С. 143-144. [Электронный ресурс]: <https://dspace.nplg.gov.ge/handle/1234/285292?offset=60>
- 11- Рожкова Е.М. (2011). *Затекст как форма проявления действительности в художественном тексте* // Вестник КемГУ. №4 (48). Кемерово : «Изд-во Кемеровский государственный университет». С. 212-216. [Электронный ресурс]: <https://cyberleninka.ru/article/n/zatekst-kak-forma-proyavleniya-deystvitelnosti-v-hudozhestvennom-tekste/viewer>
- 12- Ушакова Д. О. (2021). *Христианские ценности в цикле кавказских очерков Я. П. Полонского* // Ученые записки петрозаводского государственного университета, т. 43, № 3. с. 102–109. [Электронный ресурс]: https://uchzap.petrso.ru/files/redaktor_pdf/1617018070.pdf
- 13- Ушакова Д. О. (2019). *Инонациональный текст в путевых очерках Я. П. Полонского кавказского периода творчества* // Вестник РГУ имени С.А.Есенина №4 (65). Рязань : Изд-во «Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина». С. 135-145. [Электронный ресурс]: https://vestnik.rsu.edu.ru/wp-content/uploads/2019/12/D_O_Ushakova.pdf
- 14- Федосеева Т.В. (2020). *«Народная религиозность» в художественном мире Я.П.Полонского* // Ученые записки Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого. № 3 (28). [https://doi.org/10.34680/2411-7951.2020.3\(28\).15](https://doi.org/10.34680/2411-7951.2020.3(28).15)
- 15- Филина Мария, Оссовска Данута (2016). *Судьбы поляков на Кавказе, ч. I. «Тбилисская группа» польских ссыльных поэтов*. Тбилиси : Изд-во «Универсал». 315 с.
- 16- Фридлянд В. Г. (1984). *Поэт сердечной и гражданской тревоги* // Полонский Я. П. Лирика. Проза. Москва : Изд-во «Правда». С. 5-26.
- 17- Церцвадзе Мая (2019). *Грузинское общество первой половины XIX века в эпистолярном наследии Николоза Бараташвили (новые аспекты, исследования, анализ)*. Тбилиси: Изд-во «Меридиан». 203 с., на груз. яз.: ცერცვაძე მაია. XIX საუკუნის პირველი ნახევრის საქართველოს საზოგადოებრივი გარემო ნიკოლოზ ბარათაშვილის ეპისტოლური მემკვიდრეობის მიხედვით (ახალი ასპექტები, კვლევა, ანალიზი).

Bibliography

- 1- Bagration-Muxraneli I.L. (2020). *Russkie pisateli o gruzinskom narodnom blagochestii i edinstve pravoslaviya v konce 40-x godov XIX veka* // XXX Ezhegodnaya bogoslovskaya konferenciya Pravoslavnogo Svyato-Tixonovskogo humanitarnogo universiteta. Moskva: Izd-vo PSTGU. 294 s. <https://esxatos.com/bogoslovskaya-konferenciya-pstgu-30-2020>

- 2- Baranskaya E. M. (2013). *Kavkaz v modeli zhiznetvorchestva Ya.P. Polonskogo* // Kul'tura narodov Prichernomor'ya, №264. Simferopol': Izd-vo «Tavriya». S. 22-27. <https://md-eksperiment.org/ru/post/20190110-kavkaz-v-modeli-zhiznetvorchestva-ya-p-polonskogo>
- 3- Baranskaya E. M. (1998). *Liricheskij geroj i literaturnaya lichnost' Ya. P. Polonskogo* // Kul'tura narodov Prichernomor'ya, №5. Simferopol': Izd-vo «Tavriya». S. 162-167. <https://md-eksperiment.org/ru/post/20190110-liricheskij-geroj-i-literaturnaya-lichnost-ya-p-polonskogo>
- 4- Belyanin V. P. (2016). *Psixolingvistika: Uchebnik*. Moskva : Izd-vo FLINTA. 415 s. http://lib.y-su.am/open_books/413123.pdf.
- 5- Bogomolov I. S. (1966). *Ya. P. Polonskij v Gruzii*. Tbilisi : Izd-vo «Literatura da xelovneba». 199 s.
- 6- Golovin Vl. (2012). «Zavlekayut v Sololaki sterty'e porogi...» // «Russkij klub», №10. Tbilisi: Izd-vo «Russkij klub». S. 30-36. [http://russianclub.ge/components/com_jooget/file/n84\(10\)bolo.pdf](http://russianclub.ge/components/com_jooget/file/n84(10)bolo.pdf)
- 7- Modebadze Ir. (2010). «Rodnaya Gruzija by'la dlya nas svyata...» *Yakov Polonskij*. Tbilisi : Izd-vo Russkij klub. 67 s.
- 8- Mushina I. B. (1986). *Poe'ziya i proza Polonskogo* // Ya.P.Polonskij, Sochineniya v dvux tomax, t. 1. Moskva : Izd-vo «Xudozhestvennaya literatura». S. 5-26 https://imwerden.de/pdf/polonsky_sochineniya_tom1_1986__ocr.pdf
- 9- Polonskij Ya.P. *Moi studencheskie vospominaniya* // Polonskij Ya. P. Proza. Moskva: Izd-vo "Sovetskaya Rossiya", 1988. http://az.lib.ru/p/polonskij_j_p/text_1898_moi_stud_vosp.shtml
- 10- Polonskij Ya. P. (1848). *Neskol'ko slov o gruzinskix prazdnikax voobshhe po sluchayu Martkopskogo* // Zakavkazskij vestnik, № 34. S. 143-144. <https://dspace.nplg.gov.ge/handle/1234/285292?offset=60>
- 11- Rozhkova E.M. (2011). *Zatekst kak forma proyavleniya dejstvitel'nosti v xudozhestvennom tekste* //Vestnik KemGu. №4 (48). Kemerovo : «Izd-vo Kemerovskij gosudarstvennyj universitet». S. 212-216. <https://cyberleninka.ru/article/n/zatekst-kak-forma-proyavleniya-deystvitelnosti-v-hudozhestvennom-tekste/viewer>
- 12- Ushakova D. O. (2021). *Xristianskie cennosti v cikle kavkazskix ocherkov Ya. P. Polonskogo* // Ucheny'e zapiski petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta, t. 43, № 3. s. 102–109. https://uchzap.petsu.ru/files/redaktor_pdf/1617018070.pdf
- 13- Ushakova D. O. (2019). *Inonacional'nyj tekst v putevy'x ocherkax Ya. P. Polonskogo kavkazskogo perioda tvorchestva* // Vestnik RGU imeni S.A.Esenina №4 (65). Ryazan` : Izd-vo «Ryazanskij gosudarstvennyj universitet imeni S. A. Esenina». s. 135-145. https://vestnik.rsu.edu.ru/wp-content/uploads/2019/12/D_O_Ushakova.pdf

- 14- Fedoseeva T.V. (2020). «*Narodnaya religioznost`*» v *xudozhestvennom mire Ya.P.Polonskogo* // *Ucheny'e zapiski Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta imeni Yaroslava Mudrogo*. № 3 (28). [https://doi.org/10.34680/2411-7951.2020.3\(28\).15](https://doi.org/10.34680/2411-7951.2020.3(28).15)
- 15- Filina Mariya, Ossovska Danuta (2016). *Sud'by` polyakov na Kavkaze, ch. I. «Tbilisskaya grupa» pol'skix ssy'l'ny'x poe'tov*. Tbilisi : Izd-vo «Universal». 315 s.
- 16- Fridlyand V. G. (1984). *Poe`t serdechnoj i grazhdanskoj trevogi* // V kn.: *Polonskij Ya. P. Lirika. Proza*. Moskva : Izd-vo «Pravda». S. 5-26.
- 17- Cerczvadze Maya (2019). *Gruzinskoe obshhestvo pervoj poloviny` XIX veka v e`pistol'yarnom nasledii Nikolozha Baratashvili (novy`e aspekty`, issledovaniya, analiz)*. Tbilisi : Izd-vo «Meridian». 203 s., na gruzinskom yazyke: ცერცვაძე მაია. *XIX საუკუნის პირველი ნახევრის საქართველოს საზოგადოებრივი გარემო ნიკოლოზ ბარათაშვილის ეპისტოლური მემკვიდრეობის მიხედვით (ახალი ასპექტები, კვლევა, ანალიზი)*.

HOW TO CITE THIS ARTICLE

Modebadze Irine Igorevna (2023). YAKOV POLONSKY. "AFTER THE FEAST", 1849: TEXT AND OVERTEXT. *Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka I Literatury*, 11(2), 67-86.

DOI: 10.52547/iarll.22.4

URL: <https://www.journaliarll.ir/index.php/iarll/article/view/298>

یاکوف پالونسکی. «بعد از جشن»، ۱۸۴۹: متن و فرامتن

ایرین یگورونا مادابادزه^{*۱}

استاد پژوهشی، انستیتو ادبیات شوتا روستاولی جواخیشویلی گرجستان،
تفلیس، گرجستان.

(تاریخ دریافت: نوامبر ۲۰۲۲؛ تاریخ پذیرش: مه ۲۰۲۳)

چکیده

گرجستان تأثیر بسزایی در زندگی و آثار شاعر، نثرنویس و درام‌نویس سرشناس روس، یاکوف پتروویچ پالونسکی (۱۸۹۸-۱۸۱۹) داشته است. پنج سالی که وی در تفلیس سپری کرد، تأثیر شگرفی بر سرنوشت هنری وی داشت: مجموعه اشعار چاپ شده در تفلیس («سازاندار»، ۱۸۴۹، «چند شعر»، ۱۸۵۱) توانستند نظر منتقدان را جلب کنند و برای وی شهرتی در بین معاصران به همراه آورند. هدف این پژوهش، مشخص کردن رابطه بین حقیقتی که یاکوف پالونسکی در گرجستان دید، با ویژگی درک و تجلی آن در گفتمان رمانتیک ذهن خلاق شاعر است. ماده اصلی مورد استفاده در این پژوهش، گفتمان متن شعر «بعد از جشن» (۱۸۴۹)، اثر رئال پالونسکی و گزیده‌هایی از نامه‌های شاعر به دوستان است. این نخستین باری است که چنین پژوهشی انجام می‌شود. نتایج تحلیل انجام شده، امکان دستیابی به جمع‌بندی‌هایی در رابطه با روابط شخصی شاعر با نمایندگان جریان روشنفکری گرجستان و مدل اجتماعی- فرهنگی رفتار نمایندگان اشراف گرجستان را فراهم کرده است.

واژگان کلیدی: یاکوف پتروویچ پالونسکی، ادبیات سده نوزده روسیه، متن قفقازی، «بعد از جشن»، گفتمان رمانتیک، فرامتن.

1. E-mail: irinamodeb@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0001-5432-0243>

* نویسنده مسئول

نوع مقاله: علمی- پژوهشی

CASE AND CASE-PREPOSITIONAL FORMS' DEVELOPMENT TRENDS IN THE HISTORY OF THE RUSSIAN LANGUAGE

Tabachenko Liudmila Vladimirovna^{1*}

Professor of Southern Federal University,
Rostov-on-Don, Russia.

(date of receiving: June, 2023; date of acceptance: August, 2023)

Abstract

We can define the following development trends of the case and case-prepositional substantive forms in comparison to the Proto-Indo-European and Proto-Slavic forms. In the Proto-Indo-European period the semantics of the case endings with lots of meanings (dative, locative, ablative, etc.) became more and more blurred and required clarification through special means. This function was performed by the ancient adverbs that turned into prepositions and prefixes. In particular, non-prepositional adverbial forms were displaced by case-prepositional forms (*doumu goroda* → *doïmu do goroda* – *doiti goroda* → *dojti do goroda* (to reach the city)). They became free syntaxes striving to adverbs. The differentiation of the non-prepositional objective forms and case-prepositional adverbial forms and the semantization of syntactic relations between a verb and the form of a noun took place. The first direction of the prepositions' semantic development is the development of derived meanings on the basis of the spatial ones. The second direction is the desemantization of the prototypal prepositions and later the appearance of the semantically overloaded derived prepositions (*по причине, с целью, вследствие* и др.) – *po prichine, s tseliyu, vsledstvie* etc. (due to, in order to, owing to, etc.). The main factor that influences the development of the prepositions is the opposition of the non-prepositional and case-prepositional noun forms, and later the opposition of the desemantized and semantically specialised prepositions.

Keywords: The History of the Russian Language, Non-Prepositional Forms of Nouns, Prepositions' Origin, Case-Prepositional Forms, Desemantization of the Prototypal Prepositions.

1. E-mail: lvtabachenko@srfedu.ru; <https://orcid.org/0000-0001-7691-056X> * Corresponding author

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ПАДЕЖНЫХ И ПРЕДЛОЖНО-ПАДЕЖНЫХ ФОРМ В ИСТОРИИ РУССКОГО ЯЗЫКА

Табаченко Людмила Владимировна^{1*}

профессор, Институт филологии, журналистики и межкультурной коммуникации, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия.

(дата получения: июнь 2023 г.; дата принятия: август 2023 г.)

Аннотация

Можно сформулировать следующие тенденции развития падежных и предложно-падежных субстантивных форм на фоне их праиндоевропейских и праславянских истоков. В праиндоевропейский период семантика перегруженных значениями падежных окончаний (датель, локатив, аблатив и др.) становилась все более размытой и требовала прояснения специализированными средствами. Эту функцию стали выполнять древние адвербы, превратившиеся в предлоги (и приставки). В частности, беспредложные обстоятельственные формы вытесняются предложно-падежными (*дойти города* → *дойти до города*). Они получают статус свободных синтаксем, приближающихся к наречиям. Происходит дифференциация беспредложных объектных и предложно-падежных обстоятельственных синтаксем и семантизация синтаксических отношений между глаголом и формой имени существительного. I направление семантического развития предлогов – развитие вторичных значений на базе пространственных, II – десемантизация первообразных предлогов, позднее – появление семантически наполненных производных предлогов (*по причине, с целью, вследствие* и др.). Основным фактором, влияющим на историю предлогов, являются оппозиции беспредложных и предложно-падежных форм существительных, а позже – десемантизированных и семантически специализированных предлогов.

Ключевые слова: История Русского Языка, Беспредложные Формы Имен Существительных, Происхождение Предлогов, Предложно-Падежные Формы, Десемантизация Первообразных Предлогов.

1. E-mail: lvtabachenko@srfedu.ru; <https://orcid.org/0000-0001-7691-056X> * Ответственный автор

Введение

Изучение истории синтаксиса простого предложения в русском языке, в частности вытеснение беспредложных падежных форм предложно-падежными и семантическое развитие предлогов, всегда привлекали внимание историков русского языка (Якубинский 1953; Историческая грамматика... 1978; Бранднер 2013; и др.).

Цель статьи – исследование структурно-семантической эволюции предлогов и их роли на фоне общих тенденций развития простого предложения, ее *новизна* – в изучении оппозиций, в которые вступали предлоги в разные периоды своего исторического развития, а также исследование их роли в усилении семантизации синтаксических отношений между глаголом и формой имени существительного и в дифференциации выражения объектов и обстоятельств в истории русского языка.

Основная часть

Экспансию предлогов в истории русского языка отмечают все лингвисты, обращающиеся к динамике предложно-падежного функционирования. Она характеризует не только историю русского языка XI–XVIII вв., вытеснение беспредложных форм предложными шло также на протяжении XIX в., этот процесс активно развивается и в современном русском языке наряду с другими направлениями перестройки системы предлогов: изменением предложного управления, заменой предлогов с общим значением отношения на более семантические и др. (см: Русский язык конца XX столетия... 1996. 240–242).

В процессе исследования тенденций эволюции предлогов лингвисты установили в качестве одной из закономерностей размывание лексического значения ряда предлогов, их определенную десемантизацию: «Все ярче обнаруживается внутреннее расслоение в семантической системе предлогов. В то время как одни простые предлоги: *для, до, перед, при, под, кроме, сквозь,*

через, между, а тем более предлоги наречного типа: *близ, среди, мимо* — почти целиком сохраняют свои реальные лексические значения, другие предлоги: *о, за, из, в, на*, отчасти *над, от, по, про, с, у* <...> ослабляют свои лексические значения, а иногда почти совсем теряют их» (Виноградов 1947. 700).

В ряде случаев «предлог становится как бы простой прокладкой между соединяемыми существительными, просто знаком синтаксического отношения, уподобляясь в этом падежу (ср. *обсуждение кандидатуры/по кандидатуре*)» (Русский язык конца XX столетия... 1996. 243).

Исследование истории русских глаголов позволяет сделать несколько уточнений. Предлоги с размытым значением обычно употребляются с объектными формами, ранее беспредложными. Например, в «в начале 19 в. глагол *надеяться* еще сочетался с родительным падежом без предлога: *надеяться успеха* ... Ср. у Кошанского в статье «О русском синтаксисе»: «*надеяться чего*...значит ожидание с сомнением, а *надеяться на что* — упование с уверенностью» (Виноградов 1947. 700).

Стоит подчеркнуть, что семантическое опустошение ряда предлогов происходит не только в современном русском языке. В русском языке XI–XVII вв. также наблюдалась десемантизация ряда предлогов вследствие их полифункциональности. Их диффузное, обобщенное значение заключалось в указании на синтаксическое отношение между глаголом и именем, значение, возникшее, вероятно, еще в дописьменную эпоху у ряда первообразных полифункциональных предлогов. Однако этой обобщенной семантике предшествовало яркое, конкретное значение у каждого первообразного предлога, доставшееся ему в наследство от адverbов, на базе которых возникли предлоги и приставки.

Обратимся к вопросу формирования предлогов на базе древних адвербов. В допредложный (праиндоевропейский) период конкретные падежные значения выражались окончаниями конкретных падежей (дativa, локатива, инструменталя, аблатива, генитива). Эти полифункциональные падежные формы все более перегружались значениями и в силу этого в большей или меньшей степени десемантизировались. Их размытая семантика требовала прояснения конкретных значений специализированными средствами – эту функцию начали выполнять древние адвербы, превратившиеся в предлоги (и приставки). Эти застывшие формы имени, ставшие наречиями (адвербами), находились между глаголом и именем, соотносясь одновременно и с тем, и с другим. Они были сначала относительно самостоятельными и лишь затем превратились «в служебные грамматические реляционные элементы» (Гамкрелидзе, Иванов 1984. 358). В процессе перестройки праиндоевропейского предложения из структуры OpV в VpO реляционный элемент р превращается из послелога в предлог «в отношении именной компоненты синтагмы» (Там же. 356).

Так на базе этих реляционных элементов, а также частиц и местоимений появились предлоги и приставки (о происхождении предлогов и приставок подробнее см.: (Гамкрелидзе, Иванов 1984. 355–358)). Именно потребность древних полисемантических падежей к прояснению превратила самостоятельные адвербы в предлоги, приспособив лексическое значение адвербов к более ясному выражению падежных значений. Так возникла оппозиция «беспредложные падежные формы – предложные падежные формы» (подробней об этой оппозиции см: (Гаспаров 1965)).

Обратимся к одному из наиболее ярких явлений в историческом синтаксисе русского языка – вытеснению предложно-падежными формами с первообразными предлогами беспредложных форм в обстоятельственных значениях. Историками русского языка исследовано вытеснение

беспредложных форм родительного, дательного, винительного, местного падежей формами с предлогами *до, от, к, в* (типа *дойти города – до города, отйти города – от города, внити Чернигов – в Чернигов, ити Киеву – к Киеву; сѣ дѣ ти Новѣ городѣ – в Новѣ городѣ*) (Якубинский 1953; Историческая грамматика... 1978; и др.) Следует добавить, что беспредложные падежные формы широко употреблялись в конструкциях с приставочными позиционными глаголами типа *обстояти городѣ – стоять вокруг города; прѣ дстояти, пристояти прѣ столу – стоять перед престолом, у престола* (подробнее см.: (Табаченко 2010)).

Этот процесс вытеснения беспредложных форм предложными при глаголах движения и положения в пространстве (позиционными) следует, на наш взгляд, рассматривать не только в рамках общего направления экспансии предлогов как более яркого и более специализированного синтаксического средства, но и как проявление двух внутренних синтаксических тенденций: семантизации синтаксических отношений между формами имени существительного и глаголом и дифференциации объектных и обстоятельственных форм.

Падежные формы без предлогов в конструкциях с глаголами не обладали структурно-семантической самостоятельностью: беспредложные формы *города, городѣ, городу* без глагола не передавали значения обстоятельства места действия, их семантика прояснялась только в сочетании с глаголом. Появление предлога обеспечило им большую семантико-синтаксическую автономию, их значение становилось понятным и вне глагольной конструкции. Такие синтаксические формы (синтаксемы) относят к типу свободных (см. классификацию синтаксем в: (Золотова 1973. 80)), их сочетание с глаголом мотивировано семантикой, а не особенностями управления глагола. Г.А. Золотова указывала, что тенденция семантизации синтаксических отношений действует в современном русском языке (Там же.

115), мы предполагаем, что эта тенденция проявлялась и в истории русского языка при замене беспредложных обстоятельственных форм предложными.

Следует обратить внимание и на дифференциацию обстоятельственных и объектных форм. Беспредложные формы продолжали употребляться в абстрактно-объектных значениях и при глаголах движения, и при позиционных глаголах. Они, как правило, передают объектные отношения, а обстоятельства выражаются наречиями и свободными предложно-падежными синтаксемами.

При глаголах «достигательного» движения беспредложная форма родительного падежа сохраняется при употреблении этих конструкций в переносных значениях, с включением абстрактных существительных, в связи с чем данные глаголы теряли значение физического передвижения в пространстве, а форма имени – обстоятельственное значение, что отражается в памятниках письменности древнерусского периода: *доити правды, добра, царства небеснаго, Христовых таин, конца книгам, утренняго дъне, възраста, старости, добродѣ тели, безаконья; допровадити дънев* (СлДРЯ, т. 3. 35–37; 58).

В сочетаемости отдельных глаголов «достижения» также проявляется эта дифференциация: они управляют формой родительного беспредложного только тогда, когда она употребляется в объектном значении, а сами глаголы теряют семантику конкретного движения, например, при метонимическом развитии переносных значений у глаголов с приставкой *до-*: ‘настигнуть’ – *доѣ хати (татей или разбойниковъ; татаръ измѣ нниковъ)* (СлРЯ XI–XVII вв., вып. 4. 285); ‘добывать/добыть’: *Поѣ халъ недруга своего головы доѣ жжати съ войскомъ*. Посольство Тюфякина, 436. 1597 г. (Там же. 284); (1150): *Князь велики же Изяславъ Мстиславичъ достигивъ княженя киевскаго возрадосая зѣ ло со всѣ ми бояры своими*. Ник. лет. IX. 183 (Там же. 341).

Позднее все глаголы конкретного передвижения с приставкой *до-* (*доити, доходити, доѣ хати, доѣ зжати, достигити, дотечи* и др.) в переносных значениях, в которых они сочетались с объектной формой родительного падежа без предлога, вытеснились глаголами *достигать* и *добывать*. Примечательно, что *достигать* ранее тоже относился к лексико-семантической группе движения, однако позднее этот глагол, внутренняя форма которого явно на идею движения не указывала (в отличие, например, от глагола *доходити*), стал специализироваться на выражении «общедостигательного» значения: *достичь цели, чинов, благополучия; города, поселка, своего дома*. Поскольку при этом глаголе, обозначающем общую идею «достижения», зависимая форма имени имеет значение не обстоятельства места, а объекта, *достигать* является единственным бывшим глаголом «достигательного» движения, сохранившим управление родительным беспредложным падежом.

Глаголы удаления с приставкой *отъ-* (а также глагол *бежать*) также сочетались с родительным беспредложным в переносных значениях ‘избегать’, ‘отказываться’, ‘покинуть’, ‘лишиться’. В этих конструкциях беспредложная форма имела объектное значение:

‘избегать’, ‘отказываться’: *Ложныхъ и неправедныхъ словесъ велю вам отбѣ гати*. Шк. Благодичиние, 93. XVII в. (СлРЯ XI–XVII вв., вып. 13. 181); *...тѣ мь правомъ отбѣ госта ярости*. Пч., 189. XIV–XV вв. ~ XIII в. (Там же. 183); *Отъязати ся подобаетъ пиянства...* Изб. Св. 1076 г., 300. (Там же, вып. 14. 55);

‘покинуть’, ‘лишиться’: (1107): *Отбѣ гоша же товара своего, еже взяша русскии вои*. Лавр. лет., 282. (СлРЯ XI–XVII вв., вып. 13. 182); *Хотят мя распяти и того ради отврецися им ѿ<а>р<ь>ствия б<о>жия*. (Сказ. о созд. св. Соф.) Свед. и зам. II, 346. XV–XVII вв. (Там

же. 212); ...*да не отпадеши б<о>жия лубъве и ц<а>р<ь>ства*. Изб.

Св. 1076 г., 206. (Там же. 295).

Также форма родительного беспредложного падежа абстрактных существительных употреблялась при глаголах движения с приставкой *от-* в значениях 'оставлять', 'предать' и др.

Таким образом, в памятниках письменности древнерусского языка примеры использования родительного беспредложного падежа в значениях начального и конечного пунктов движения были единичными, остаточными, сохранившимися с той эпохи, когда в обстоятельственных значениях при глаголах движения могли употребляться беспредложные формы. Однако беспредложные формы аблатива с диффузным значением прояснили, уточнили свою семантику с помощью предлогов *до* и *от*, поэтому предложные формы в конкретных значениях вытеснили беспредложные. Однако употребление беспредложных форм при глаголах, утративших конкретное значение движения в конструкциях с переносным значением, продолжалось до XVII–XVIII вв., беспредложные формы сохранились и в современном русском языке при некоторых группах глаголов (страха, стыда, лишения, с одной стороны, и «общедостигаемых» – с другой). Это свидетельствует о том, что беспредложные падежные формы продолжают употребляться в значении абстрактного объекта избегания, лишения или достижения, в то время как в обстоятельственных значениях при глаголах конкретного движения используются предложно-падежные формы, то есть в этом случае наблюдается определенная дифференциация объектных и обстоятельственных форм.

Подчеркнем, что объектные значения (достижения или избегания) выражаются беспредложной формой, зависимой от глагола, проявляющей свою семантику только в глагольной конструкции, в отличие от предложно-падежных свободных форм. Появление предлога в формах с

обстоятельным значением привело к их большей структурной и семантической самостоятельности и к семантизации синтаксических отношений между формами имени и глаголом.

Обратимся к следующему направлению развития предлогов – к темусловиям, которые способствовали «выветриванию» первоначально яркого, конкретного значения ряда первообразных предлогов. Основная причина была та же, что и при десемантизации падежных форм, – полифункциональность, перегруженность значениями. Расширение классов глаголов и существительных в конструкциях, в которых употреблялись первообразные предлоги, употребление и глагола, и существительного в абстрактных значениях переносят и предлог в сферу абстрактного, лишая его первоначальной пространственной семантики, превращая в знак отношения между глаголом и именем существительным, что позволяет ему наполняться новой, контекстуальной семантикой. Это приводило к семантической диффузности и определенной десемантизации первоначально яркого грамматического средства – первообразных предлогов.

Это касается, прежде всего, предлогов *в*, *на*, *о*, *по* и др. Остановимся на первых двух, функционирование которых в памятниках письменности XI–XVII вв. демонстрирует достаточно широкий семантический спектр, в частности у этих предлогов исторические словари отмечают значения причины и отделительности.

Значения причины: предлог *в*: *въ мнозѣ браш(ь)нѣ бываетъ недоугъ и лакомьствѣмъ мнози оумьроша*. Изб. Св. 1076 г., 626. (СлРЯ XI–XVII вв., вып. 2. 8); *А намъ с прежними датцкими короли николи спору въ тѣ хъ земляхъ не бывало*. Англ. д., 10. 1582 г. (Там же); *И оттого мы, крестьяне, въ ихъ насилствѣ оскудали*. АЮБ III, 332. 1676 г. (Там же);

предлог *на*: *Фасаилъ же, много поносивъ Покора на жестосердие и на лукавство и на лихоимание, от того умре.* Флавий. Полон. Иерус. I, 40. XV в. ~ XI в. (Там же, вып. 10. 13). Причинные значения предлога *въ* и *на* см. также (СлДРЯ, т. 1. 501, 503); у предлога *на* (СлДРЯ, т. 5. 125).

Отделительное значение предлога *на* при указании на лицо, с которого что-л. принимается: *(1167): Дружину его [Шварна] избииша и взяша на немъ искупа множество.* Ипат. лет., 527 (СлРЯ XI–XVII вв., вып. 10. 15); см. также (СлДРЯ, т. 5. 125–126).

Однако, на наш взгляд, и причинное, и отделительное значения этих предлогов реализуются в рамках более общего значения – ‘в отношении’. Особенно явно это становится при анализе функционирования предлогов *в* и *на* в языке деловых памятников письменности XV–XVII вв., где застывшие юридические штампы сохраняли эту диффузную семантику предлогов.

1. Значения *причины, основания действия* у них часто выделяют в следующих конструкциях:

1.1. Ситуация купли-продажи: *брать, взять, дать* на чем-то определенную сумму денег: *Купилъ Ондръй и Ивановъ сынъ Пустошкинъ Власка... ноугородца себѣ и своимъ дѣтемъ въ полницу; далъ на немъ полчетверта рубли московскую.* А. креп. новг., 34. 1526 г. (СлРЯ XI–XVII вв., вып. 22. 229); *И шедъ же на торгъ приступи къ сребропродавцю и реч<e> ему: хоцещи ли купити камокъ сии; и реч<e>: что хоцещи взяти на немъ.* Пролог (БАН2), 10. XIV в. в. (Там же, вып. 2. 168). Параллельно в этом значении использовалась и специализированная форма *за + вин. п.*: *Взято на крестьянѣ хъ за соль сто восмдесятъ девять рублевъ.* Кн. прих. Болд. м., 193, до 1607 г. (Там же, вып. 5. 128).

1.2. Ситуация судебного разбирательства. В конструкциях, обозначающих причину, основание судебных действий, выступали формы как конкретных,

так и абстрактных имен существительных в местном падеже с предлогом *в* со следующими глаголами и выражениями: *взять, давать суд, допрашивать, запирается, обвинять, оправить, отвечать, привести на двор, сидеть в разбойном приказе, слать в обыск, стоять на правеже, судить в чем-либо* и др.: *Воеводы н<a>ши пермские и приказные люди архимарита з братьею и ихъ м<o>н<a>ст<ы>рьских людей и крестьянъ не судятъ ни в чем.* А. Пыскор. м., 85–85 об. 1627 г. (СлРЯ XI–XVII вв., вып. 28. 259); *...И в том во всемъ дать свои свителскои суд гсдрь смилуся.* (Пам. Влад. 197); *И мы в том дѣ ле... не ходя в суд промеж себя в том сыскалися ... и в том мы с ними с посадики людми промеж себя сыскався помирилися.* (Там же. 242).

Позднее в этих конструкциях предлог *в* был заменен предлогом *за*, ставшим специализированным средством выражения основания действия. В современном русском языке предлог *в* сохранился в конструкциях с глаголами *винить, обвинять*, обычно в сочетании с абстрактными существительными: *обвинять в растрате, подлогах, краже; в лицемерии, равнодушии*. И в этих сочетаниях просматривается его общее значение ‘в отношении’.

1.3. Ситуация благодарности. Значение основания действия выявляется также в сочетаниях с выражением *бить челом на чем-либо* (в значении ‘благодарить за что-либо’): *... челом гсдрь бью на твоём млстивом жалованье что ты об моем дѣ ле жаловал писал к батюшку своему...* (Пам. Влад. 255). В этой же конструкции в значении основания действия параллельно употреблялась и форма *за + вин. п.*: *...челом бью братаецъ за твою млсть что ты жалуешь своєю млстию ко мнѣ писанием...* (Там же. 250). В современном русском языке в качестве устаревших и разговорных сохранились выражения, в которых предлог *на* в рамках общего значения ‘в отношении’ участвует в обозначении основания какого-л. действия: *спасибо на добром слове; не обессудьте на подарке; простите на глупом слове.* (МАС, т. 2. 323).

2. *Отделительное значение.* В ряде конструкций, передающих ситуацию судебного разбирательства или купли-продажи, предлог *на* употреблялся при обозначении лица, с которого что-л. взыскивается, при глаголах *брать, взять, искать (взыскивать, сыскивать)* 'взыскивать что-либо с кого-либо судом', *донять, доправить, имать, править* и др. на ком-то что-то: *А хто приедет незван на пирь... а учинится какова гибел(ь), и яз ту гибел(ь) на томъ велѣ ль взяти, бе-суда и без-ысправы.* АСВР I, 192. 1462 г. (СлРЯ XI–XVII вв., вып. 2. 168); *Кому будетъ чего на архимаритѣ и на братѣ , и на слугахъ, и на крестьянехъ того монастыря искати, и язъ... самъ сужу, или мой дворецкой.* АЮБ I, 136. 1602 г. (СлРЯ XI–XVII вв., вып. 6. 254).

Возможно, эта предложно-падежная форма использовалась в отделительных конструкциях еще и потому, что метафорически обозначала наличие у кого-то (на ком-то) юридических и финансовых обязательств

Предлог *на* в этой функции – обозначение лица, с которого что-л. взыскивается, употреблялся вплоть до XVIII в. параллельно с формой *с + род. п.*, имеющей отделительное значение: *Аще ли кто хошет на мнѣ искати, да ищет.* Апофегм. 139 (СлРЯ XVIII в., вып. 9. 115); [Кривосудов]: *Онѣе <ассигнаци> искать с Богдана Прямикова.* Капн. Яб. 103. (Там же).

Как возможная в современном русском языке форма *на + предл. п.* при глаголе *искать* отмечается в (МАС, т. 1. 677) наряду с формой *с + род. п.*: *Товар был поставлен, а контроль дороги признать требование в полной сумме отказался. Мешков долго искал с дороги убытки, но безуспешно.* Федин, Первые радости. (Там же). Более употребительна в современном русском языке эта форма при глаголе *взыскать – взыскать с кого-л.*

Таким образом, общее значение 'в отношении' форм *на + местн. п., в + местн. п.* могло конкретизироваться в основание судебного разбирательства, иска, ситуации купли-продажи, благодарности, а также в значение лица или административной единицы, с которой что-л. взыскивается в зависимости от

значений глаголов и всей ситуации в целом. Поэтому их можно назвать «псевдозначениями» в рамках общей семантики ‘в отношении’.

Дальнейшее вытеснение в этих конструкциях связанных форм с десемантизированным предлогом семантически свободными формами со специализированными предлогами (*за + вин. п., с + род. п., у + род. п.*) также свидетельствует об активной позиции свободных синтаксисом и о тенденции к семантизации синтаксических отношений между глаголом и формой имени-существительного. В обстоятельственных конструкциях обнаруживается тяготение к употреблению форм семантически самостоятельных, а не реализующих свое значение только в сочетании с определенными глаголами.

Лингвисты обращают внимание на то, что за последние два столетия в целом усилилась экспансия предлогов, в частности происходит дальнейшее вытеснение беспредложных форм предложными. Но отметим, что это относится в основном к замене падежного управления предложным (у существительных и глаголов) в конструкциях с объектными значениями. Например, продолжается вытеснение винительного беспредложного падежа не только в обстоятельственных значениях (что происходило в истории русского языка), но и в объектных, для актуализации какого-л. еще значения, кроме значения прямого объекта: *школа дураков / для дураков* (предназначение); *итог полугодия / за полугодие* (срок); *курс реформ / курс на реформы* (цели) (примеры из (Русский язык конца XX столетия... 1996. 240)).

Отмечается два направления в этом процессе: 1) «нужное значение с помощью предлогов выражается более дифференцировано, чем посредством падежа. Ср., например, словосочетания *операция почки* и *операция на почке*. В первом случае речь может идти и о полном удалении почки, и о каких-то манипуляциях внутри нее или на ее поверхности, во втором случае – только о последнем» (Там же. 243); 2) «обобщение функции предлога, нивелировка его

лексического значения» (Там же) (экспансия предлогов *по, о* – *голосование по кандидатуре, утверждать о том*).

Следует подчеркнуть, что последний процесс можно рассматривать как еще одно следствие десемантизации первообразных предлогов. С одной стороны, десемантизированные предлоги в глагольных конструкциях с потенциальными значениями отделительности, причины, основания действия позднее были вытеснены свободными синтаксемами со специализированными первообразными или производными предлогами.

С другой стороны, процесс полной десемантизации ряда предлогов привел к тому, что сам феномен такого предлога стал осознаваться как материально выраженный знак грамматического отношения (подчинения) и позднее (начиная с XVIII в., потом в XIX и XX вв.) предложные конструкции стали вытеснять беспредложные, однако, в отличие от древнерусского периода, вытеснение шло в кругу уже объектных форм или в именных словосочетаниях (ср. *анализ влажности – анализ на влажность; итог полугодия – итог за полугодие; наблюдение речи детей – над речью детей; обсуждение кандидатуры – по кандидатуре* и др.) (примеры из (Там же. 240–241)).

Отметим еще одно из основных направлений семантического развития предложно-падежных форм – появление вторичных значений на базе пространственных. В семантике предлога на основе пространственного значения происходит отвлечение общей идеи – отделительности, инструментальности, расположения внутри, на поверхности и т.д. и метафорическое развитие временных, каузальных, целевых и т.д. значений. Механизм семантической трансформации предложно-падежных форм заключается во взаимодействии общей идеи предлога с категориальным значением определенных лексико-семантических групп существительных, в результате чего формируются синтаксемы с непространственными значениями, например, *в* (внутреннее пространство) – темпоратив (*в мае*),

ситуатив (*в тумане*) и др.; *от* (отделительность) – темпоратив (*от восхода*), каузатив (*от скуки*) и др.

Эти предложно-падежные формы на базе вторичных значений предлогов также обладают статусом свободных синтаксических форм, значение которых ясно и вне глагольной конструкции.

Важную роль в семантизации синтаксических отношений сыграло также появление новых производных предлогов, обладающих яркой семантикой, которые стали вытеснять первообразные предлоги для придания синтаксическим формам большей семантической наполненности и самостоятельности.

При дальнейшей десемантизации ряда первообразных предлогов возникает потребность в более четком и определенном выражении отношений между словами в словосочетании, в результате чего появляются производные предлоги (*по причине, с целью, вследствие, в течение, во время* и др.), сохраняющие семантические связи с полнозначной лексикой (подробнее о системе и происхождении производных предлогов см. (Черкасова 1967)). Они оказываются противопоставленными одному или нескольким первообразным предлогам. Такие семантически наполненные производные, а также специализированные первообразные предлоги (с суженным кругом сочетаемости) все более теснят первообразные десемантизированные предлоги, теряющие последние следы прежней семантической самостоятельности, тем более что состав производных предлогов, вводящих более семантически обобщенные и структурно более самостоятельные компоненты предложения, постоянно пополняется.

Заключение

На основе проанализированного материала в свете праиндоевропейских и праславянских истоков можно выделить следующие тенденции развития

падежных и предложно-падежных форм, выражающиеся в усилении их роли в оформлении второстепенных членов предложения в истории русского языка.

Предлоги, появившиеся еще в праиндоевропейский период, взяли на себя функции семантического прояснения десемантизированных из-за полифункциональности беспредложных именных форм. Предложно-падежные формы вытесняют беспредложные в обстоятельственных значениях. Они становятся структурно и семантически самостоятельными свободными синтаксемами, что приводит к семантизации отношений между ними и глаголом. За беспредложными формами остается выражение абстрактно-объектных значений. Так происходит дифференциация беспредложных объектных и предложно-падежных синтаксем с обстоятельственными значениями. На базе пространственных значений предлогов в процессе метафоризации развились темпоративы, каузативы, ситуативы и др. при взаимодействии общей идеи предлога с категориальным значением определенных лексико-семантических групп существительных.

В результате перегруженности значениями, полифункциональности ряда первообразных предлогов происходит их десемантизация, которая становится толчком к появлению семантически наполненных производных предлогов, что тоже усиливает семантизацию синтаксических отношений между формой имени и глаголом.

ЛИТЕРАТУРА

- 1- Бранднер А. (2013). *Ослабление адвербиальных значений беспредложных падежных форм в древнерусском языке*, Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. № 6 (2), 43–46.
- 2- Виноградов В. В. (1947). *Русский язык. Грамматическое учение о слове*. М. : Учпедгиз.
- 3- Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс. (1984). *Индоевропейский язык и индоевропейцы*. Тбилиси : Изд-во Тбилисск. ун-та. Ч. 1.

- 4- Гаспаров Б. М. (1965). *Структурно-семантические особенности предлогов в древнерусском языке* [Дис. ... канд. филол. наук. 10.02.01. Моск. гос. пед. ин-т им. В. И. Ленина]. Москва : Россия.
- 5- Золотова Г. А. (1973). *Очерк функционального синтаксиса русского языка*. М. : Наука.
- 6- *Историческая грамматика русского языка. Синтаксис. Простое предложение* (1978). М. : Наука
- 7- *Русский язык конца XX столетия (1984–1995)*. (1996). М. : Школа «Языки русской культуры».
- 8- Табаченко Л. В. (2010). *Приставочные позиционные глаголы в истории русского языка*, Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. № 1, 7–31.
- 9- Черкасова Е. Т. (1967). *Переход полнозначных слов в предлоги*. М. : Наука.
- 10- Якубинский Л. П. (1953). *История древнерусского языка*. М. : Учпедгиз.

СЛОВАРИ и принятые сокращения

Памятники деловой письменности XVII века. Владимирский край (1984). М. : Наука. – Пам. Влад.

Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). (1988–2019). Т. 1–12. М. : Русский язык. – СлДРЯ.

Словарь русского языка в четырех томах. (1981–1984). Под ред. А. П. Евгеньевой. Изд. второе, исправленное и дополненное. М. : Русский язык. – МАС.

Словарь русского языка XI–XVII вв. (1975–2015). Вып. 1–30. М. : Наука. – СлРЯ XI–XVII вв.

Словарь русского языка XVIII в. (1984–2019). Вып. 1–22. СПб. (Л.) : Наука. – СлРЯ XVIII в.

Bibliography

- 1- Brandner A. (2013). *Oslablenie adverbial'nyh znachenij bespredlozhnyh padezhnyh form v drevnerusskom jazyke*, Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. № 6 (2), 43–46.
- 2- Vinogradov V. V. (1947). *Russkij jazyk. Grammaticheskoe uchenie o slove*. М. : Учпедгиз.
- 3- Gamkrelidze T. V., Ivanov Vjach. Vs. (1984). *Indoevropskij jazyk i indoevropejcy*. Tbilisi : Izd-vo Tbilissk. un-ta. Vol. 1.

- 4- Gasparov B. M. (1965). *Strukturno-semanticheskie osobennosti predlogov v drevnerusskom jazyke* [Dis. ... kand. filol. nauk. 10.02.01. Mosk. gos. ped. in-t im. V. I. Lenina]. Moskva :Rossija.
- 5- Zolotova G. A. (1973). *Ocherk funkcional'nogo sintaksisa russkogo jazyka*. M. : Nauka.
- 6- *Istoricheskaja grammatika russkogo jazyka. Sintaksis. Prostoje predlozhenie* (1978). M.: Nauka
- 7- *Russkij jazyk konca XX stoletija (1984–1995)* (1996). M. : Shkola «Jazyki russoj kul'tury».
- 8- Tabachenko L. V. (2010). *Pristavochnye pozicionnye glagoly v istorii russkogo jazyka*, Vestnik MGU. Ser. 9. Filologija. № 1, 7–31.
- 9- Cherkasova E. T. (1967). *Perehod polnoznachnyh slov v predlogi*. M. : Nauka.
- 10- Jakubinskij L. P. (1953). *Istorija drevnerusskogo jazyka*. M. : Uchpedgiz.

SLOVARI i prinjatye sokrashhenija

Pamjatniki delovoj pis'mennosti XVII veka. Vladimirskij kraj (1984). M. : Nauka. – Pam. Vlad.

Slovar' drevnerusskogo jazyka (XI–XIV vv.) (1988–2019). T. 1–12. M. : Russkij jazyk. – SIDRJa.

Slovar' russkogo jazyka v chetyreh tomah (1981–1984). Pod red. A. P. Evgen'evoj. Izd. vtoroje, ispravlennoe i dopolnennoe. M.: Russkij jazyk. – MAS.

Slovar' russkogo jazyka XI–XVII vv. (1975–2015). Vyp. 1–30. M. : Nauka. – SIRJa XI–XVII vv.

Slovar' russkogo jazyka XVIII v. (1984–2019). Vyp. 1–22. SPb. (L.) : Nauka. – SIRJa XVIII v.

HOW TO CITE THIS ARTICLE

Tabachenko Liudmila V. (2023). CASE AND CASE-PREPOSITIONAL FORMS' DEVELOPMENT TRENDS IN THE HISTORY OF THE RUSSIAN LANGUAGE. *Issledovatel'skij Zhurnal Russkogo Jazyka I Literatury*, 11(2), 87-106.

DOI: 10.52547/iarll.22.5

URL: <https://www.journaliarll.ir/index.php/iarll/article/view/292>

رویکرد توسعه اشکال پادژی و پادژی- حرف اضافه‌ای در تاریخ زبان روسی

لودمیلا ولادیمیرونا تاباچنکا^{*۱}

استاد دانشگاه فدرال جنوبی راستوف-نا-دانو،
راستوف-نا-دانو، روسیه.

(تاریخ دریافت: ژوئن ۲۰۲۳؛ تاریخ پذیرش: اوت ۲۰۲۳)

چکیده

می‌توان رویکردهای مشخصی در توسعه اشکال پادژی و پادژی- حرف اضافه‌ای اشکال اسمی در چارچوب پیشینه‌های فراهندواروپایی و فرااسلاوی آنها مشخص کرد. در دوره فراهندواروپایی، معنانشناسی پایانه‌های صرفی پادژها که سرشار از معانی مختلف بودند (اعطایی، مکانی، ابطالی و غیره) تیره و تار شده و نیاز به شفاف‌سازی با ابزار ویژه دارد. در ابتدا قیده‌های قدیمی زبان روسی که بعدها به حروف اضافه (و پیشوند) تبدیل شدند، این کارکرد را بر عهده گرفتند. به‌طور ویژه اشکال قیدی بدون حرف اضافه با اشکال پادژی- حرف اضافه‌ای کنار زده شدند (*дойти города* → *дойти до города*). آنها به واحدهای اسمی نحوی آزادی تبدیل شدند که قرابتی با قیود داشتند. رفته‌رفته فرایند جدایی واحدهای نحوی قیدی حرف اضافه‌ای و مفعولی بدون حرف اضافه و معنادار شدن رابطه بین فعل و حالت اسم اتفاق افتاد. جهت‌گیری نخست گسترش معنایی حروف اضافه، گسترش معنای ثانویه بر اساس حروف اضافه مکانی بود. جهت‌گیری دوم، بی‌معنا شدن حروف اضافه ساده و در نهایت، پیدایش حروف اضافه مرکب کامل (*по причине, с целью, вследствие*) بود. عامل اصلی تأثیرگذار بر تاریخ حروف اضافه، تقابل اشکال با حروف اضافه و بدون حروف اضافه و در مرحله بعدی تقابل حذف معنای حروف اضافه و دارای معنای تخصصی بود.

واژگان کلیدی: تاریخ زبان روسی، اشکال بدون حرف اضافه اسامی، پیدایش حروف اضافه، اشکال پادژی با حرف اضافه، حذف معنایی حروف اضافه ساده.

1. E-mail: lvtabachenko@srfedu.ru; <https://orcid.org/0000-0001-7691-056X>

* نویسنده مسئول

نوع مقاله: علمی- پژوهشی

SEMANTIC TREASURES OF THE RUSSIAN WORD

Kharitonchik Zinaida Andreevna^{1*}

Professor, Minsk State Linguistic University,

Minsk, Belarus.

(date of receiving March, 2023; date of acceptance: May, 2023)

Abstract

The article presents the results of the semantic analysis of words of different lexical fields in present-day Russian: kinship and military terms, names of professionals, domestic and wild animals, etc. A conclusion is made that semantics of lexical units is not bounded by their dictionary descriptions based on most frequently actualized contextual meanings but express a great amount of properties (perceptive, behavioural, locative and others) characteristic of objects and entities represented which are not registered by lexicographic sources. Made explicit in various contexts, extracted from the National Corpus of Russian and other corpora, these properties constitute the semantic potential of lexical units and form the information language base in Russian as the richest treasury of knowledge and beliefs about the surrounding world.

Keywords: Lexical Unit, Meaning, Semantic Potential, Utterance, Corpus, Conceptual Structure.

1. E-mail: zkharitonchik@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-2166-4271> * Corresponding author

СЕМАНТИЧЕСКИЕ СОКРОВИЩА РУССКОГО СЛОВА

Харитончик Зинаида Андреевна^{1*}

Профессор, Минский государственный лингвистический университет,
Минск, Беларусь.

(дата получения: март 2023г.; дата принятия: май 2023г.)

Аннотация

В статье в результате анализа семантики наименований разных лексико-семантических групп в современном русском языке (названий лиц по родству или профессии, воинских званий, домашних и диких животных и др.) делается вывод о том, что семантика лексических единиц не ограничивается их словарными дескрипциями, основанными на наиболее часто актуализируемых контекстуально обусловленных значениях, но содержит огромный реестр свойств (перцептивных, поведенческих, локативных и т.д.) репрезентируемых ими сущностей, не регистрируемый в лексикографических источниках. Они эксплицируются в многочисленных соответствующих контекстах, извлеченных из Национального и других корпусов русского языка, и составляют открытый по своему характеру семантический потенциал лексических единиц, формирующий информационную базу русского языка как богатейшей сокровищницы знаний и верований об окружающем мире.

Ключевые слова: Лексическая Единица, Значение, Семантический Потенциал, Высказывание, Корпус, Концептуальная Структура.

1. E-mail: zkharitonchik@mail.ru: <https://orcid.org/0000-0003-2166-4271> * Ответственный автор

Введение

Глубокие методологические преобразования, произошедшие в языкознании в последние десятилетия под влиянием когнитивной научной парадигмы и дополненные доселе не виданным объемом фактологических данных корпусной лингвистики, привели ученых к пересмотру взглядов на семантику слова как центральной единицы языка. Все большую популярность в настоящее время приобретает подход в духе конструктивизма, согласно которому значение лексической единицы не есть определенная упакованная в словесных формах совокупность знаний, или, по образному выражению Д. Геерартса, «предварительно упакованные куски информации, которые содержатся и переносятся в словесных мешках»¹ (Geeraerts 2006. 137), а представляет собой конструируемое на базе имеющихся концептуальных структур знание, отвечающее условиям определенного контекста и актуализируемое говорящим в соответствии с его намерениями. Соответственно и лексикон языка предстает не как, по словам Д. Геерартса, «just an unstructured bag of words», т.е. неструктурированный мешок слов, а как сеть выражений, взаимно связанных разными типами семантических звеньев (Geeraerts 2010. 112).

Очевидно, что главным и определяющим в понимании семантических, или содержательных свойств языковых единиц сегодня является не просто характерная для предшествующих поколений семасиологов констатация связи лексики с концептуальным (понятийным) миром человека. Новизну современных взглядов, по нашему мнению, составляет то, что в соответствующих коммуникативных ситуациях из общей совокупности знаний, заключенных в постоянно развивающихся концептуальных структурах, перспективизируется, фокусируется некоторая информация (Langacker 1991), которая представляет собой передаваемое говорящим с

1. Здесь и далее перевод наш – З.Х.

помощью лексических единиц их контекстуальное значение. В контексте данной выше интерпретации правомерной и убедительной кажется трактовка К. Малмкьяер лексикографических дефиниций как регистрации разделяемых многими носителями языка наиболее общих, значимых и поэтому наиболее стабильных семантических компонентов слова. Они фиксируются составителями словарей на базе имеющихся в их распоряжении употреблений в качестве наиболее часто актуализируемых единиц в разных контекстах ее употребления огромным числом пользователей в течение длительных отрезков времени (Malmkjaer 2006. 401). С этих позиций словарная дефиниция в противовес многочисленным критикам словарей дает пользователям словаря, по нашему мнению, оптимальное семантическое описание слова, отвечающее, во-первых, задачам лексикографической практики создать для них только подсказку в расшифровке семантики слова в опоре на имеющиеся у них знания (Bolinger 1965) и ориентированное на разные социальные, возрастные и др. группы носителей языка и соответственно разные типы знаний, и, во-вторых, что главное, концентрирующееся на категориальных и прототипических характеристиках слова. В словарной дефиниции лексикограф стремится избежать вариативности информации, проистекающей из разнообразия сведений об именуемом и, вероятно, затрудняющей во многих случаях понимание лексической единицы. Например, скудость и ограниченность лексикографических данных о наименованиях времен и месяцев года, в которых фиксируется только их последовательность в соответствующем темпоральном цикле (см. подробнее (Харитончик 2022)), объясняется, по нашему мнению, невозможностью и ненужностью описания множества присущих временам года свойств в разных местностях и климатических условиях, в которых существует языковой коллектив, многообразия деятельности людей той или иной социальной группы и т.д. и т.п.. Одновременно на фоне указанных выше ограничений

лексикографического описания становится очевидной правомерность вывода, сделанного лингвистами, о неполноте семантической дескрипции слова в словарях (Кузнецов 1984. 162).

Значение слова, таким образом, есть актуализованная в конкретной ситуации общения некоторая составляющая динамичной по своей сущности когнитивной структуры, формируемой в результате нашей жизнедеятельности. Являясь результатом выбора адресантами того или иного аспекта обозначаемого, оставляя за бортом остальное имеющееся у носителей языка знание о репрезентируемой сущности, значение слова отражает их видение ситуации и коммуникативные намерения (Kroeger 2019).

Противостоит значению в данной интерпретации семантический потенциал слова, представляющий собой в противовес значению как актуализованной контекстуально ограниченной информации потенциальное знание, кумулирующее всю огромную палитру знаний языкового коллектива об обозначаемом и в конечном итоге об окружающем мире. Включая и лингвистическое, и энциклопедическое знание, разграничение которых, как неоднократно отмечалось языковедами, не просто затруднено, но даже неправомерно и не имеет смысла (Jackendoff 2002. 293), семантический потенциал лексических единиц, активно вовлекаемый в процессы конструирования их конкретного смысла, делает возможным объяснение как гибкой приспособляемости (*flexible adaptability*) языковых форм – ведущего принципа их функционирования (Fauconnier 2003. 79), так и возможные их контекстуальные модификации, а также вариации лексикографических описаний.

Хотелось бы отметить, что к выше изложенному пониманию семантики лексических единиц близка концепция Е.С. Кубряковой, согласно которой значение единицы – лишь небольшая, видимая, наблюдаемая часть айсберга, в то время как в глубинах семантического айсберга скрывается огромное

богатство знаний языкового коллектива об именуемом. Необходимо также подчеркнуть усилия многих советских и российских лингвистов, направленные на выявление скрытых, латентных, так называемых «спящих» компонентов, не нашедших фиксации в лексикографических дефинициях, но выявляемых в определенных контекстах.

Основная часть

Цели, задачи, методы и материал исследования

Избрав в качестве исходных и определяющих изложенные выше взгляды современных семасиологов на семантическую природу лексических единиц, мы ставим своей целью попытаться раскрыть на примере лексических единиц современного русского языка их семантический потенциал и тем самым продемонстрировать богатство знаний, репрезентируемых конкретными словами и формирующих в общей системе лексикона семантические сокровища русского языка.

Естественно, что первостепенным методологическим вопросом, встающим перед исследователем, поставившим подобную задачу, является поиск адекватных методов, делающих решение задачи посильным и одновременно убедительным. Казалось бы, что классический контекстуальный анализ, получивший с незапамятных времен широчайшее применение и обретший с появлением корпусной лингвистики фундаментальную базу, доказавший достоверность получаемых с его помощью выводов, наилучшим образом подходит для достижения поставленной цели. Однако надо признать, что огромный массив корпусных данных, требующих ручной обработки и соответственно больших затрат времени и труда, делает его далеким от оптимального способом описания семантического потенциала слова. Не случайно многие исследователи с помощью статистических формул стараются, соблюдая принцип достаточности, ограничить свой материал.

Несколько иные перспективы открывает нам психолингвистический эксперимент, в ходе которого носители языка дают свои описания семантики той или иной единицы, раскрывая множество ее характеристик и сторон (см., например, результаты, полученные в ходе психолингвистического эксперимента, направленного на дескрипцию семантики конвенциональных циклических структур в русском языке (Харитончик 2022)). Особенно интересны в этом плане данные краудсорсинговых словарей, в составлении словарных статей, в которых участвуют большие группы носителей языка. Однако и этот метод в разных его вариантах: в виде интроспективного метода, примененного А. Вежбицкой (Wierzbicka 1985) или в виде популярного направленного ассоциативного эксперимента, оказывается ограниченным теми социальными, возрастными и т.д. группами испытуемых, которые вовлечены в эксперимент. Позволяя увидеть лишь некоторый срез, но не общую картину, он не гарантирует, как отмечают ученые (см., например, (Радбиль 2022. 119)), достоверности полученных данных вследствие их субъективности.

Как показывает наш опыт, наилучшие результаты на сегодняшний день для достижения поставленной цели можно получить, применяя контекстуальный анализ в сочетании с деривацией. Обращение к вторичным метафорическим значениям в семантических структурах многозначных единиц или к компаративным дериватам, образованным от производящих баз, в качестве которых выступают интересующие нас слова, или к фразеологическим и сравнительным оборотам открывает возможность увидеть присущие или приписываемые языковым коллективом называемому объекту свойства, которые функционируют как основания для сравнения, лежащего в основе переноса имени и его употребления, и тем самым регистрируют знания, имеющиеся у носителей языка. Так, например, из приведенных ниже высказываний, в которых употреблено производное прилагательное *заячий* в компаративном значении, а также сравнительная конструкция *как у кошки*, мы

получаем информацию о специфичном крике и тонком слухе зайца, о форме рта у кошки и т.д.: – *Но было уже поздно. Заячий вопль Ивана заставил его свалиться. Падая, увидел он Ивана, приколотого к стене иглой*» [Игорь Сухих. Остается только метафора... // «Звезда», 2002]; *Слух у Васьки был тонкий, заячий: чуть хлопнет дверь вдали — Васька вскочит, оправит диван — ничего не заметно — и в кочегарку...* Ф. Панова. Спутники (1945)]; *Ротик у неё был маленький и трогательный, как у кошки* [Владислав Отрошенко. Эссе из книги «Тайная история творений» // «Октябрь», 2001].

Следует заметить также, что выбор исследователем того или иного метода или нескольких, дополняющих друг друга, как это имеет место, например, в (Будникова 2016, Турчинская 2019), зачастую зависит от избранного объекта описания.

Результаты исследования

В нашем случае в ходе применения контекстуального анализа дериватов разного типа от наименований домашних и диких животных (*кошка, собака, лошадь* и др.; *заяц, волк, лиса, лев* и под.), наименований лиц по родству (*мать, отец, брат, сестра* и др.), должности или профессии (*начальник, учитель, профессор* и т.д.), наименований воинских званий (*солдат, генерал, адмирал* и др.), а также употребления данных имен в сравнительных конструкциях в русском языке получен огромный реестр свойств (перцептивных, поведенческих, локативных и т.д.) репрезентируемых ими сущностей. Эти характеристики хорошо известны носителям русского языка или легко постулируются ими и составляют в своей совокупности необозримое по своему объему семантическое богатство русского языка.

Продемонстрируем сделанное заключение на примере слова *воробей*. Это настолько распространенная в русскоязычном ареале птичка, что словарь В.И. Даля дает слову *воробей* определение ‘известная птичка’, дополняя его

научными терминами *Passer domesticus*, *Fringilla domestica*. Несколько информативнее дефиниция в ТСОЖ ‘Маленькая птичка с серо-чёрным оперением’. В дефиниции же ‘Маленькая птичка с коричневато-серым оперением, живущая обычно близ жилых строений’, предлагаемой в МАС, наряду со сведениями о маленьком размере птицы, указывается на несколько иной цвет ее оперения и место обитания. Еще одно описание находим в РСС ‘Маленькая птичка подотряда певчих воробьиных с серо-чёрным оперением, часто с тёмным пятном на горле (у самцов)’, в котором приведена научная информация о принадлежности данного вида птиц к определенному подотряду и некоторые особенности цвета оперения у самцов. Таким образом лексикографы, как явствует из приведенных описаний, ограничиваются, в основном, информацией о категориальных и некоторых перцептивных (размер, цвет) характеристиках называемого вида птиц.

Намного богаче оказывается знание о воробьях у носителей русского языка. Опираясь на значения, актуализованные в высказываниях в Национальном корпусе русского языка (НКРЯ), можно утверждать следующее. Знание, хранимое носителями русского языка о данной птице, не ограничивается информацией о маленьком размере птички: «...она была крошечная, как воробей. [Нина Садур. Сад (1994)]¹; *Маленькая, как воробей, она летит на уровне бетонолитной башины.* [В.П. Катаев. Время, вперед! (1931-1932)]; ...в столь *маленьком, убогом, воробьином* существе может накапливаться такая космически необъятная скорбь. [Яна Кузнецова. Любовь лилипута (2001) // «Семья», 14.11.2001] и др. Им известны также размер и форма воробьиной головки, клюва и т.д.: *Сколько оказалось среди них маленьких, носатых, низколобых, со смешными заячьими ротиками, с*

1. Нами в целях экономии места приводятся сокращенные варианты высказываний из НКРЯ, достаточные для декодирования смысла искомых единиц

воробьиными головками. [Василий Гроссман. Жизнь и судьба, часть 3 (1960)]; *Маленький гардеробщик ...мелко трясая воробьиной* головкой. [Ирина Муравьева. Документальные съемки (1997-1998)]; *Тонкий нос с глубокой переносицей торчал наподобие воробьиного* клюва.... [Елена Макарова. Ни гу-гу (1978-2008) // «Ковчег», 2014];... *целовать маленькие, пытливо-разбойничьи воробьиные* глазки, только что ставшие познавать мир. [В. П. Катаев. Святой колодец (1962-1965)]; *Те же мелкие глазки и воробьиный носик.* [Токарева Виктория. Своя правда // «Новый Мир», 2002]; ...*тонкие, как воробьиные ребрышки, веточки...* [Василий Голованов. Остров, или оправдание бессмысленных путешествий (2002)]. ...*карандаш величиной с воробьиный нос.* [Константин Воробьев. Это мы, Господи! (1943)]; *А какие там заработки? С воробьиный пуп?* ... [Сергей Довлатов. Компромисс (1981-1984)]; ... *заставлял вздрагивать от счастья их маленькие воробьиные сердца.* [Г.Я. Бакланов. Июль 41 года (1964)].

На базе этого знания выкристаллизовывается обозначение словом *воробьиный* и конструкцией *как воробей* маленького размера, силы, интенсивности, незначительной степени качества и т.д.:

...*потребности в покупках сузились до воробьиных размеров.*
[Игорь Сахновский. Человек, который знал все (2007)]; *столь воробьиные дозы его не берут...* [В.П. Катаев. Сорренто (1965)]; ...*виски пили пусть и не одним махом, как поступили бы русские, но и не западными воробьиными* глоточками.... *Она отпила воробьиный глоток* [А. А. Бушков. Ближе, бандерлоги! (2016)]; ... *саке в горшочке было всего грамм двести пятьдесят — воробьиная порция!* [Дина Рубина. Медная шкатулка (2011-2015)]; ...*делай так, как она говорит, мозги у тебя воробьиные, и ничего ты не понимаешь.* [И.Л. Солоневич. Две силы (1953)]; ...*перешибить воробьиную* силу пленного. Василий

Гроссман. Жизнь и судьба, часть 3 (1960); ... *если ты перерастешь воробьиные чувства и желания, тебе нет места.* [Константин Бولшаков. Бегство пленных, или История страданий и гибели поручика Тенгинского пехотного полка Михаила Лермонтова (1928)]; ...*такой поступок доказывает ...ужаснейшую воробьиную смелость.* [М. Е. Салтыков-Щедрин. Рецензии (1863-1864)]; «...*Да власть у меня воробьиная. Упроси главного врача...*» [Саша Черный. Солдатские сказки/ Сумбур-трава (1932)]; *День прибавился на воробьиный шаг...* [И. В. Евдокимов. Левитан (1940)]; ...*а земли захватил у него Матвей Кашулин с воробьиною четверть, — зажмурившись, переплюнуть можно.* [М. А. Шолохов. Тихий Дон. Книга первая (1928-1940)] и др.

Подмечены говорящими в качестве свойственных воробьям характеристик также:

- **цвет оперения:**

Она прибрала воробьиного цвета волосы и накинула старую кофточку поверх халата. [Людмила Улицкая. Пиковая дама (1995-2000)]; ...*в нем несколько веточек воробьино-серой вербы.* [Людмила Улицкая. Медя и ее дети (1996)]; ...*старший лейтенант в мятой, воробьиного цвета шинели...* [Виктор Астафьев. Прокляты и убиты. Книга первая. Чертова яма (1995)]; ...*листья на черемухах висели мертво, такие же серые от пыли, как воробьиные перья...* [Виль Липатов. Еще до войны (1971)]; *Серые, под воробьиный цвет избы...* [В. Ф. Тендряков. Онега. Путевые заметки (1964)];

- **запах:**

Если понюхать Мусякины волосы, ...и услышать от них слабый такой воробьиный запах... [Кира Сурикова. Несладкий кофе (2003)]; ...*чувствуя воробьиный запах влажных на темени светлых волос, носил по комнате,* [Юрий Бондарев. Горячий снег (1969)];

• **издаваемые звуки:**

флакон пискнул, **как воробей** [Ю. К. Олеша. Три толстяка (1924)];
... ждали приёма у дверей наших кабинетов, иногда что-то там **воробьиными голосами шептали по нашему поводу. Так и мы ведь шептали воробьиным шёпотом.** [Василий Гроссман. Все течет (1955-1963) // «Октябрь», 1989];... «не прошлое обогащает свистом своих бесчисленных голосов незамысловатую **воробьиною песенку настоящего, а новый поэт...** [Елена Пестерева. Развоплощенная культура // «Октябрь», 2013]; ...**дети щебетали воробьиными голосами...** [Олег Зайончковский. Счастье возможно: роман нашего времени (2008)]; **Я с ужасом обнаружил в своей речи нечто воробьиное, скоротечно-торопливое, выплевывание очень коротких предложений** [М. А. Захаров. Театр без вранья (2007)]; **Поэтому женский, скажем, голос, ...превращался в какое-то воробьиное чириканье на грани ультразвука.** [Борис Левин. Блуждающие огни (1995)]; **Голос у него воробьиный, его быки и за человека не считают, ничуть не пугаются!** [М. А. Шолохов. Поднятая целина. Книга 1 (1932)];

• **специфические движения воробья:**

Давай лучше отработаем воробьиною походку. Сидя на корточках, мы стали прыгать по лавочке... [Валерий Медведев. Баранкин, будь человеком! (1957)]; ... **перестал прыгать, как воробей, трепыхая локтями** [К.И. Чуковский. Дневник(1922)]; **походка Любы воробьиная, прыгающая.** [Максим Горький. Жизнь Клима Самгина. Часть 1 (1925)]; **Посудите сами, если Чарли не ангел, откуда у него эта воробьиная походка, птичьи повороты головы, голубиное кокетство.** [Божественный Чарли // «Экран и сцена», 2004.05.06]; ...**То влезет на крышу и там, как воробей, прыгает и бегаёт** [Н.А. Полевой. Клятва при гробе Господнем (1832)];... **идти вприпрыжку, как воробей.** [М.Н. Загоскин. Аскольдова могила (1833)]; **Потом он топнул ..., и запрыгал на носках, как воробей...** [Скиталец (С.Г. Петров).

Композитор (1900)];...*Взгляд заики за воробьиным его прыском следил.* [Нина Садур. Сад (1994)]; *Да и движется джинсовый необычно: мелким воробьиным шагом, бочком.* [Борис Евсеев. Евстигней // «Октябрь», 2010]; *Боря Миргородский прохаживался воробьиной припрыжкой...* [Александр Терехов. Каменный мост (1997-2008)]; ...не сдвинулась и на *воробьиный скок.* [Михаил Успенский. Там, где нас нет (1995)];

- **поведенческие характеристики:**

Хлопотливый, как воробей, грязенький, оборванный, он заискивающе улыбался всем какой-то собачьей улыбкой... [Максим Горький. Дело Артамоновых (1924-1925)]; *Дед смотрел на меня веселым воробьиным взглядом...* [Александр Щербаков. Пах антилопы // «Октябрь», 2002]; *Полгода Айза не подпускала Илью к себе на воробьиный полет.* [Дмитрий Липскеров. Последний сон разума (1999)]; *При ударах,... внутри нее вспыхивал воробьиный переполох.* [Виктор Астафьев. Последний поклон (1968-1991)]; ...*озябнувший, мокрый, голодный, по-воробьиному взъерошенный, Курганов...* [Г.Е. Николаева. Битва в пути (1959)]; ... *было в нем, в этом воздушном, тощем, маленьком, как воробей, существе, что-то воробьино-веселое...* [Г.И. Успенский. Живые цифры (1888)]; *А у нашего брата забот да хлопот не оберешься, оттого и сон воробьиный.* [П. И. Мельников-Печерский. На горах. Книга первая (1875-1881)]; *наивные голубые глаза сидели в его по-воробьиному взъерошенном, осунувшемся лице* [А.С. Грин. Малинник Якобсона (1910)]; ... *не видел, как мелкой воробьиной стаей прынул «мессеру» в нос бортовой инструмент старшины...* [Артем Анфиногенов. А внизу была земля (1982)]; ... *И в людях заметна воробьиная суетливость...* [Максим Горький. В людях (1915-1916)]; *Грязные, со взъерошенными разномастными головами, они, как в непогодь, по-воробьиному жались друг к другу...* [Федор Абрамов. Братья и сестры (1958)]. Указанные свойства количественно и качественно дополняют прототипическую формулу категории птиц,

установленную Э. Рош (Rosch 1978), значительно расширяя объем знаний о поименованном виде птиц.

Аналогичную картину, порою еще более сложную вследствие большего числа актуализируемых свойств, мы получаем в результате исследования других групп слов в русском языке. Как показывает анализ, семантика наименований домашних и диких животных включает присущие или приписываемые им перцептивные свойства (общего облика, формы и размера фигуры, частей тела; цветовые, звуковые и т.д.), поведенческие характеристики, типы деятельности и др. (см. подробнее (Харитончик 2014)), составляющие в своей совокупности когнитивную матрицу (Болдырев 2016) данной группы слов. Семантический потенциал наименований лиц по родству, следуя основной линии генетической связи, содержит сведения об их функциональных, этических, моральных и т.д. нормах поведения (Харитончик 2019), значительно усложняя лежащий в их основе концептуальный стержень в терминологии А.Вежбицкой (Warbeck 1985, 332). В значениях наименований лиц по должности или профессии, наименований воинских званий актуализируются соответствующие их статусу формы поведения и статусные приобретаемые характеристики (например, моральные свойства, социальные привилегии, тон и др.).

Заключение

На приведенном в статье примере слова *воробей* становится очевидным, что следуя прототипической формуле, в которой отражены основные характеристики птиц: наличие головы, клюва, оперения, ножек, говорящие, с одной стороны, с целью идентификации конкретного вида птиц уточняют их по линии размера, формы, цвета и т.д., а, с другой, расширяют когнитивную матрицу, включая в нее сведения о поведенческих, звуковых и других характеристиках, демонстрируя тем самым открытый характер семантических

свойств лексических единиц, составляющих их семантический потенциал. Выявленные его конститутенты в общей своей совокупности ориентированы на лежащую в их основе концептуальную структуру. Можно утверждать поэтому, что конструирование информации, передаваемой лексическими единицами, имеет моделируемый характер и осуществляется по определенным образцам, описание которых во всей их полноте позволит раскрыть все богатство лексической системы языка.

Литература

- 1- Болдырев Н.Н. (2016). Когнитивные схемы языковой интерпретации. *Вопросы когнитивной лингвистики*. 2016. № 4. С. 10-20.
- 2- Будникова Е.И. (2016). *Значимость семантических компонентов в структуре лексического значения (на материале имен существительных современного английского языка)*. [Дис.канд. филол. наук. 10.02.04. Минский гос. ун-т]. Минск, Беларусь.
- 3- Кузнецов А. М. (1984). Объективные знания об окружающем мире и их отражение в лексике и лексикографии. *Слово в грамматике и словаре*. М. : Наука. С. 159–164.
- 4- *Национальный корпус русского языка* [Electronic resource]. URL: <https://ruscorpora.ru/new/> (Date of access: 20.12.2022).
- 5- Радбиль Т.Б. (2022). Слово «небезызвестный» как маркер репрезентативного контекста: к проблеме верификации «языка ценностей» в современной лингвокультурологии. *Язык. Человек. Культура*. Сборник научных трудов, посвященный юбилею Марии Львовны Ковшовой. М. : ИЯ РАН. С. 120 – 132.
- 6- Турчинская М. В. (2019). *Лексические парадигмы в английском и белорусском языках: структура, семантика и прагматика*. Минск : МГЛУ.
- 7- Харитончик З.А. (2014). Семантика и прагматика лексических единиц в зеркале деривационных процессов. *Slavische Wortbildung im Vergleich. Theoretische und pragmatische Aspekte*. Hrsg. S. Mengel. Berlin : LIT-Verlag Dr. W Hopf, (= Slavica Varia Halensia, Bd. 12). S. 17–33.
- 8- Харитончик З. А. (2019). «Спящие» компоненты семантики лексических единиц». *Семантика и прагматика языковых единиц*. Доклады Международной научной конференции, Калужский государственный университет им. К. Э. Циолковского г. Калуга, 20-22 сентября 2019 г. / редкол. А. Н. Еремин (отв. ред.). Калуга: КГУ им. К. Э. Циолковского. С. 286–299.

- 9- Харитончик З.А. (2022). *Конвенциональные циклические структуры в лексике современного русского языка*. Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka i Literaturny, Vol. 10, Issue 2, 2022. Pp: 157–176.
- 10- Bolinger Dwight (1965). The Atomization of Meaning. *Language*. Vol.41, No.4. P. 555–573.
- 11- Fauconnier G. and M. Turner (2003). Polysemy and conceptual blending. *Polysemy: Flexible Patterns of Meaning in Mind and Language*. Ed. Brigitte Nerlich, Zazie Todd, Vimala Herman, David D. Clarke. Berlin-New York : Mouton de Gruyter. P. 79–94.
- 12- Geeraerts D. (2006). *Words and Other Wonders: Papers on Lexical and Semantic Topics*. Berlin New York : Mouton de Gruyter.
- 13- Geeraerts D. (2010). *Theories of Lexical Semantics*. N.Y. : Oxford University Press.
- 14- Jackendoff R. (2002). *Foundations of language. Brain. Meaning. Grammar. Evolution*. Oxford : Oxford University Press.
- 15- Kroeger Paul R. (2018). *Analyzing meaning: An introduction to semantics and pragmatics* (Textbooks in Language Sciences 5). Berlin : Language Science Press.
- 16- Langacker, R. W. (1991). *Concept, Image, and Symbol. The Cognitive Basis of Grammar*. Berlin ; N. Y. : Mouton de Gruyter. (Cognitive Linguistics Research 1).
- 17- Malmkjaer K. (2006). *The Linguistics Encyclopedia*. London : Routledge.
- 18- Rosch E. (1978). *Principles of Categorization*. – Hillsdale, N.J.
- 19- Wierzbicka Anna (1985). *Lexicography and Conceptual Analysis*. – Ann Arbor : Karoma Publishers.

СЛОВАРИ и принятые сокращения

- 1- *Словарь русского языка в четырех томах* (1987). Гл. ред. второго издания А.П. Евгеньева. Изд. третье, стереотипное. М. : Русский язык. – МАС
- 2- Даль В.И. (1989). *Толковый словарь живого великорусского языка*: в 4-х т. М. : Рус. яз. – ДАЛЬ
- 3- Ожегов С.И. (2010). *Толковый словарь русского языка*. Ок. 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений. Под ред. проф. Л.И. Скворцова.- 27-е издание, исправленное. М. : ООО «Издательство Оникс», ООО «Издательство «Мир и Образование». – ТСОЖ
- 4- Русский семантический словарь (1998). *Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений* / Российская академия наук. Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова; Под общей ред. Н.Ю. Шведовой. М.: "Азбуковник". – РСС.

Bibliography

- 1- Boldyrev N.N. (2016). Kognitivnye shemy jazykovej interpretacii. *Voprosy kognitivnoj lingvistiki*. 2016. № 4. S. 10-20.
- 2- Budnikova E.I. (2016). *Znachimost' semanticheskikh komponentov v strukture leksicheskogo znachenija (na materiale imen sushhestvitel'nyh sovremennoj anglijskogo jazyka)*. [Dis.kand. filol. nauk. 10.02.04. Minskij gos. un-t]. Minsk, Belarus'.
- 3- Kuznecov A. M. (1984). Ob#ektivnye znaniya ob okruzhajushhem mire i ih otrazhenie v leksike i leksikografii. *Slovo v grammatike i slovare*. M. : Nauka. S. 159–164.
- 4- *Nacional'nyj korpus russkogo jazyka* [Electronic resource]. URL: <https://ruscorpora.ru/neshh/> (Date of access: 20.12.2022).
- 5- Radbil' T.B. (2022). Slovo «nebezvzvestnyj» kak marker reprezentativnogo konteksta: k probleme verifikacii «jazyka cennostej» v sovremennoj lingvokul'turologii. *Jazyk. Chelovek. Kul'tura*. Sbornik nauchnyh trudov, posvjashhennyj jubileju Marii L'vovny Kovshovoj. M. : IJa RAN. S. 120 – 132.
- 6- Turchinskaja M. V. (2019). *Leksicheskie paradigmy v anglijskom i belorusskom jazykah: struktura, semantika i pragmatika*. – Minsk : MGLU.
- 7- Haritonchik Z.A. (2014). Semantika i pragmatika leksicheskikh edinic v zerkale derivacionnyh processov. *Slavische Shhortbildung im Vergleich. Theoretische und pragmatische Aspekte*. Hrsg. S. Mengel. – Berlin : LIT-Verlag Dr. Shh Hopf, (= Slavica Varia Halensia, Bd. 12). S. 17–33.
- 8- Haritonchik Z. A. (2019). «Spjashhie» komponenty semantiki leksicheskikh edinic». *Semantika i pragmatika jazykovykh edinic*. Doklady Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, Kaluzhskij gosudarstvennyj universitet im. K. Je. Ciolkovskogo g. Kaluga, 20-22 sentjabrja 2019 g. / redkol. A. N. Eremin (otv. red.). Kaluga: KGU im. K. Je. Ciolkovskogo. S. 286–299.
- 9- Haritonchik Z.A. (2022). *Konvencional'nye ciklicheskie struktury v leksike sovremennoj russkogo jazyka*. *Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Jazyka i Literatury*, Vol. 10, Issue 2, 2022. Pp: 157–176.
- 10- Bolinger Dshhight (1965). *The Atomization of Meaning*. *Language*. Vol.41, No.4. P. 555–573.
- 11- Fauconnier G. and M. Turner (2003). Polysemy and conceptual blending. *Polysemy: Flehible Patterns of Meaning in Mind and Language*. Ed. Brigitte Nerlich, Zazie Todd, Vimala Herman, David D. Clarke. – Berlin-Neshh Jork: Mouton de Gruyter. P. 79–94.
- 12- Geeraerts D. (2006). *Shhords and Other Shhonders: Papers on Lehical and Semantic Topics*. – Berlin Neshh Jork: Mouton de Gruyter.

- 13- Geeraerts D. (2010). *Theories of Lexical Semantics*. N.Y. : Ohford University Press.
- 14- Jackendoff R. (2002). *Foundations of language. Brain. Meaning. Grammar. Evolution*. Ohford : Ohford University Press.
- 15- Kroeger Paul R. (2018). *Analyzing meaning: An introduction to semantics and pragmatics* (Tehtbooks in Language Sciences 5). – Berlin: Language Science Press.
- 16- Langacker, R. Shh. (1991). *Concept, Image, and Symbol. The Cognitive Basis of Grammar*. Berlin ; N. Y. : Mouton de Gruyter. (Cognitive Linguistics Research 1).
- 17- Malmkjaer K. (2006). *The Linguistics Encyclopedia*. – London: Routledge.
- 18- Rosch E. (1978). *Principles of Categorization*. – Hillsdale, N.J.
- 19- Shhierzbicka Anna (1985). *Lehicography and Conceptual Analysis*. – Ann Arbor : Karoma Publishers.

SLOVARI i prinjatye sokrashhenija

- 1- *Slovar' russkogo jazyka v chetyreh tomah* (1987). Gl. red. vtorogo izdaniya A.P. Evgen'eva. Izd. tret'e, stereotipnoe. M. : Russkij jazyk. – MAS
- 2- Dal' B.I. (1989). *Tolkovyj slovar' zhivogo velikoruskogo jazyka: v 4-h t.* M. : Rus. jaz. – DAL"
- 3- Ozhegov S.I. (2010). *Tolkovyj slovar' russkogo jazyka*. Ok. 100 000 slov, terminov i frazeologicheskikh vyrazhenij. Pod red. prof. L.I. Skvorcova.- 27-e izdanie, ispravlennoe. M. : OOO «Izdatel'stvo Oniks», OOO «Izdatel'stvo «Mir i Obrazovanie». – TSOZh
- 4- Russkij semanticheskij slovar' (1998). *Tolkovyj slovar', sistematizirovannyj po klassam slov i znachenij / Rossijskaja akademija nauk*. In-t rus. jaz. im. V.V. Vinogradova; Pod obshhej red. N.Ju. Shvedovoj. M.: "Azbukovnik". – RSS.

HOW TO CITE THIS ARTICLE

Kharitonchik Zinaida Andreevna (2023). SEMANTIC TREASURES OF THE RUSSIAN WORD. *Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka I Literatury*, 11(2), 107-125.

DOI: 10.52547/iarll.22.6

URL: <https://www.journaliarll.ir/index.php/iarll/article/view/293>

گنجینه‌های معنایی کلمات روسی

زینایدا آندره‌یونا خاریتانچیک^{*1}

استاد دانشگاه دولتی زبان‌شناسی مینسک،
مینسک، بلاروس.

(تاریخ دریافت: مارس ۲۰۲۳، تاریخ پذیرش: مه ۲۰۲۳)

چکیده

در این مقاله در نتیجه تجزیه و تحلیل معنای اسامی گروه‌های واژگانی - معنایی در زبان روسی معاصر (اسامی افراد از نظر خویشاوندی، شغل، اسامی نظامی، حیوانات خانگی و وحشی و غیره) نتیجه‌گیری می‌شود. بر این اساس معنای واحدهای معنایی به توصیف آنها در فرهنگ‌ها که بر اساس پرکاربردترین معانی وابسته به متن آنها استوار شده‌اند، محدود نمی‌شود، بلکه تعداد قابل توجهی از ویژگی‌هایی (دریافتی، رفتاری، مکانی و غیره) را دارند که نماینده ماهیت آنها هستند و در منابع فرهنگ‌نویسی ثبت نشده‌اند. این معانی در تعداد زیادی بافت مربوط که از پیکره ملی زبان روسی و دیگر پیکره‌های زبان روسی استخراج شده‌اند، تجلی پیدا کرده‌اند و یک مجموعه بالقوه و باز از واحدهای واژگانی تشکیل می‌دهند. این مجموعه، پایه داده‌ای زبان روسی را به عنوان غنی‌ترین گنجینه دانش و اعتقادات درباره دنیای اطراف تشکیل می‌دهند.

واژگان کلیدی: واحد واژگانی، معنا، پتانسیل معنایی، عبارت، پیکره، ساختار مفهومی.

1. E-mail: zkharitonchik@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-2166-4271>

* نویسنده مسئول

نوع مقاله: علمی - پژوهشی

COMMUNICATIVE PRACTICES OF REALIZATION PROCESSUAL SCENARIO IN RUSSIAN BUSINESS LETTER

Guryeva Natalya Yuryevna^{1*}

Associate professor, Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia.

(date of receiving: July, 2023; date of acceptance: August, 2023)

Abstract

Actuality of study includes in analysis of communicative practices of realization of processual scenario in Russian business letter with using of attribution of activities of business partners and analysis of specific features of statute and role regulation of their position with using of deverbatives and deverbative compositions of words. In quality of object in presenting study are analyzing deverbatives with processual and agency importance existing in business documentation. A specific feature of proposing analysis includes in study of official business correspondence as a special form of interaction between communicators from pragmatic positions. This orientation gives possibility to characterize cognitive semantic features of texts belonged to business correspondence as social frames. In connection with the process of categorization, business letter can be presented as a concept with many components, which has all features of frame: existence of stable structure and semantic form. Searching changes in contents and in importance of deverbatives and deverbative compositions of words and their conceptual deviation are conditioned by change of context of their using which follows to forming in concrete institutional discourse of new definitions and gives possibility to characterize specific features of evolution of these language points from nomination to terminological equipment.

Keywords: Text, Deverbatives, Communicative Practices, Business Documentation, Linguistic, Verbal Communication, Processual Scenario.

1. E-mail: gri_lanskoi@list.ru; <https://orcid.org/0000-0001-8195-6909>

* Corresponding author

КОММУНИКАТИВНЫЕ ПРАКТИКИ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО СЦЕНАРИЯ В РУССКОМ ДЕЛОВОМ ПИСЬМЕ

Гурьева Наталья Юрьевна^{1*}

Доцент, Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия.

(дата получения: июль 2023 г.; дата принятия: август 2023 г.)

Аннотация

Актуальность исследования заключается в изучении коммуникативных практик реализации процессуального сценария в русском деловом письме посредством атрибуции действий деловых партнеров и специфики статусного и ролевого регулирования их позиции с помощью девербативов и девербативных словосочетаний. В качестве объекта исследования рассматриваются девербативы с процессуальным и агентным значением в деловой документации. Особенность предлагаемого анализа заключается в рассмотрении официально-деловой переписки как особой формы взаимодействия коммуникантов с позиций прагматики, что позволяет охарактеризовать когнитивную семантику текстов деловых писем как социальных фреймов. В соответствии с процессом категоризации деловое письмо представляет собой многокомпонентный концепт, обладающий всеми признаками фрейма: наличием устойчивой структуры и смысловой рамки. Выявляемые изменения в значениях девербативов и девербативных словосочетаний, их концептуальная девиация обусловлены изменением контекста их употребления, что приводит к формированию в конкретном институциональном дискурсе новых понятий и позволяет охарактеризовать особенность эволюции данных языковых единиц: от номинации к терминологизации.

Ключевые слова: Текст, Девербативы, Коммуникативные Практики, Деловая Документация, Лингвистика, Речевое Взаимодействие, Процессуальный Сценарий.

1. E-mail: gri_lanskoi@list.ru; <https://orcid.org/0000-0001-8195-6909> * Ответственный автор

Введение

Деловая переписка как институциональный дискурс коммуникации предполагает реализацию процессуальных сценариев гипотетического взаимодействия адресанта и адресата. Любой подобный сценарий осуществляется посредством номинации действий деловых партнеров и специфики статусного и ролевого регулирования их позиции.

Одним из конституциональных признаков русского делового письма можно считать продуктивность словосочетаний с использованием девербативов, что обусловлено не столько тенденцией к компрессии языковых средств, характерной и для разговорной речи, для профессиональных жаргонов, сколько особенностями русского официально-делового стиля.

Как известно, неотъемлемым свойством языка является «способность создавать вариативные способы описания одного и того же» (Кубрякова 2004. 17). Девербативы представляют собой особые формы взаимодействия частей речи в коммуникативном процессе, отражающие «особый взгляд носителя языка на преломление в его сознании основных концептов этих частей речи, когда одна из этих частей речи, попадая в несвойственную ей синтаксическую позицию, трансформируется в особую морфологическую структуру» (Шарандин 2001. 105). Глагольные грамматические категории, такие как вид, залог, время, выявляются у девербативов только в контексте употребления и носят имплицитный характер: глагольная семантика лишена модально-временных характеристик, а глагольная основа утрачивает динамический характер. Таким образом, девербативы являются результатом глагольно-именного синтеза, результатом трансформации – явлением синтаксической деривации. В частности, если глаголы «представляют собой сложное семантическое единство, имеющее несколько смысловых центров ... при образовании видовых пар, а также в функционировании категорий времени» по признакам: актуальность – неактуальность (Козлова 2011. 710), то

логической семантике девербативов подобная полицентричность несвойственна.

Русские девербативы с процессуальным значением обозначают действие как процесс вневременный, статичный, внесубъективный. И «девербация как вид номинализации имеет целью сознательное неозначение ситуации с помощью глаголов, чтобы избежать ее характеристики с помощью таких обязательных глагольных категорий, как лицо, число, наклонение» (Мамонтова, 2012. 107). Девербация характерна для информативной, пропозиционально насыщенной речи, в частности, для деловой документации. Ведь именно девербативы, у которых отсутствуют соответствующие грамматические глагольные категории, оптимально служат для передачи деловой информации, с одной стороны, пропозиционально насыщенной, с другой – предельно внесубъективной, неперсонализированной, и при этом «создается монопредикативная неизосемическая модель с тем же семантическим объемом, что и изосемическая» (Космарская 1989. 175). А девербативы с агентным значением регулярно выступают «в нереферентной роли абстрактного адресата (Янко 2018. 313).

Несмотря на обширную лингвистическую литературу, посвященную девербативам, в ней недостаточно полно представлен материал, позволяющий определять особенность лексической семантики данных языковых единиц с учетом когнитивно-дискурсивного подхода к их функционированию в официально-деловых текстах. Коммуникативные практики реализации процессуальных сценариев различного типа наиболее полно изучались в социологии как способ социальной организации событий и вовлеченности в них, как интерпретация смысла коммуникативной ситуации с помощью фреймов, т.е. как фрейм-аналитическая модель коммуникации. И важнейшей задачей полагался «поиск правил, согласно которым одно событие трансформируется в другое, т.е. транспонирование деятельности», а фрейм-

анализ рассматривался как «возможность включения конкретной ситуации в качестве элемента коммуникативной цепочки» (Ерофеева 2012. 38). Понятие «фрейм» используется как способ контекстуализации социального взаимодействия и указания на его структурные характеристики, т.е. это одновременно и расстановка ролей, определяющих матрицу возможностей, и схему их интерпретаций. «Поток социальных возможностей может быть проанализирован не просто как дискретный, состоящий из актуальных событий, сплетенный из отрезков деятельности, но и как фреймированный» (Гофман 2004. 11–12). И вывод И.А. Гофмана о том, что «фреймы заключают в себе ожидания нормативного характера относительно того, насколько глубоко и полно индивид должен быть вовлечен в деятельность, организуемую этими фреймами», может служить иллюстрацией речевой ситуации, складывающейся в процессе официально-деловой переписки, т.к. определение ситуации делового общения, ее сценарий создается спецификой взаимодействия коммуникантов.

Исследование официально-деловой переписки как особой формы взаимодействия коммуникантов с позиции прагматики позволяет проанализировать когнитивную семантику деловых писем. В связи с тем что переписка в рамках конкретной деловой ситуации представляет собой стандартно воспроизводимые сценарии обмена информацией, их идентификацию с аналогичными сценариями (информационное письмо, письмо-предложение, письмо-ответ на предложение, письмо-реприманд, договор и т.п.), становится возможным их категоризация в качестве социального фрейма, характеризующегося, по определению И. Гофмана, «замороженностью формы». И в соответствии с процессом категоризации любое деловое письмо может быть рассмотрено как многокомпонентный концепт, обладающий всеми признаками фрейма – наличием устойчивой структуры и деловой рамки. Номинализация, т.е. транспозиция глаголов в

номинатив имени существительного формирует в языке новые понятия: девербация имеет интегративный характер. Ведь при сохранении отдельных признаков глагола девербативы, приобретая номинативную функцию, становятся сложными единицами и формируют в официально-деловом дискурсе узкопрофессиональную терминологию.

В частности, девербативы процессуального значения, сохраняя абстрактную семантику глагола, утрачивают динамические признаки глагольных форм, хотя концептуальная связь с конкретной прагматической ситуацией сохраняется: выехать на линию движения – выезд на линию движения; проехать по тротуару – проезд по тротуару; вести ограничения – ввод ограничений; запустить двигатель – запуск двигателя.

Использование девербативов с процессуальным значением обусловлено также такими конституциональными признаками документа, как облигаторность и недвусмысленность при атрибуции действия. Так, появление концептов типа недовыплата, недоподача (тепла, электроэнергии); невозврат позволяет не просто передать информацию делового характера, но и предельно ее конкретизировать: недобор контингента сотрудников в количестве (...) человек; недополучение денежных средств в размере (...); недовыплата по кредиту в сумме (...). Также при атрибуции определенных деловых ситуаций в состав девербативных словосочетаний процессуального характера могут быть включены концепты терминологического характера, формирующие особую, присущую именно официально-деловому стилю ситуативную норму словоупотребления (фразеосхемы): осуществить добор контингента; произвести досмотр помещения; вчинить иск по делу; открыть подписку на издание; наложить арест и т.п.

Продуктивность девербации бессуффиксным способом демонстрирует практически неограниченные возможности формирования узкоспециальной терминологии при передаче деловой информации: пуск; снос; заезд; сбор;

выбор; занос и т.п. Так, в законоустанавливающей (и нормативной в целом) документации девербативы с процессуальным значением входят в состав фразеологических сочетаний терминологического характера и являются стилистически маркированными языковыми единицами: совершить наезд (т.е. наехать на что-либо); совершить побег (т.е. сбежать); произвести пошив (т.е. сшить что-либо); наложить арест (т.е. арестовать); вынести решение (т.е. решить что-либо); оказать содействие (т.е. помочь).

Однако отдельные примеры девербативных словосочетаний не позволяют выявить многоуровневую лексическую и синтаксическую синонимию языковых единиц. В частности, фразеологические словосочетания терминологического характера с девербативами процессуального значения наложить взыскание означает не взыскать, а наказать; подать рапорт – не рапортовать, а информировать о чем-либо.

Жесткая (письма-трафареты) и полужесткая (типовые письма) схема композиционного построения текста делового письма, а также стереотипность языковых средств для передачи деловой информации устойчивы и «не поддаются влиянию повседневных событий» (Гофман 2003. 11–12). А контекстуализация социального взаимодействия осуществляется благодаря «расстановке ролей» коммуникантов.

Таким образом, анализ коммуникативных практик реализации процессуального сценария предполагает рассмотрение специфики статусного и ролевого регулирования позиций участников делового общения. Возникновение в контексте такого сценария определенных понятийных реалий приводит к появлению в конкретном институциональном дискурсе лексических единиц, в том числе и инновационных, которые «злободневны для соответствующего намерения участника коммуникации, его речевой ситуации» (Арутюнова 1998. 115) и отражает когнитивное сознание языковой личности. Выбор номинации адресанта и адресата делового письма,

непосредственно связанных с конкретным сценарием, основан на функциональной категоризации коммуникантов на статусном и ролевом регулировании их позиций с использованием девербативов и девербативных словосочетаний с агентным значением.

Особенность предлагаемого анализа – в рассмотрении специфики нарратива делового взаимодействия, который обуславливает номинацию коммуникантов в зависимости от функциональной принадлежности, в результате чего наблюдается трансформация двухмерных грамматических концептов в концепт-фреймы, позволяющие спрогнозировать конкретную деловую ситуацию и фреймировать ее сценарий. В связи с тем, что «выбор номинации непосредственно связан с ситуацией общения» (Юрова 2000. 117), функциональная категоризация коммуникантов в деловом дискурсе основана на статусном и ролевом регулировании их позиции в стандартных сценариях с использованием девербативов и девербативных словосочетаний с агентным значением.

Традиционная для русского делового письма внесубъективность и обезличенность декларируемого сценария, его деперсонификация приводит к нейтрализации границ грамматической категории «одушевленность – неодушевленность» при атрибуции как референтного, так и нереферентного субъекта. В частности, выгодополучатель, землепользователь, займодавец, покупатель – девербативы, используемые для номинации как физических, так и юридических лиц. Эволюция прагматики девербативов и девербативных словосочетаний от номинации к терминологизации позволяет выявить омонимию при атрибуции субъекта или объекта: носитель информации – Ср: носитель аудио- и видеозаписей; электронный носитель; хранитель (должность и лицо (или учреждение), которое ответственно за хранение чего-либо) – Ср: хранитель – термин, обозначающий в юридической практике структуру, призванную хранить вещественные доказательства. Подобная функциональная

категоризация формирует в языке деловой документации новые понятия, реализующие семантику специальных сценариев, т.е. концепт-фреймы. Семантика девербатов с агентным значением в деловом дискурсе ассоциативно связана с соответствующими лексико-семантическими средствами и сводится в определенную речевую ситуацию, обусловленную конкретным нарративом ее развития, фреймированием.

Характерной особенностью русского делового дискурса является его гендерная ограниченность при атрибуции субъекта коммуникации: номинация, в том числе и терминологическая, осуществляется исключительно в мужском роде, что подчас приводит к парадоксальной ситуации в юридической практике, например к отсутствию термина «удочеритель» наряду с термином «усыновитель».

Каждый сценарий деловой коммуникации предполагает описание действий партнеров, именуемых в соответствии с нарративом и с конкретизацией их функции. Продуктивными представляются следующие способы словообразования:

1) суффиксальный (глагольная основа + суффикс): отправи-тель; нанима-тель; заяви-тель (- тель); заём-щик; подряд-чик; заказ-чик (девербатов с процессуальным значением + суффиксы – чик/-щик);

2) словосочетание (существительное + девербатов с агентным значением): выгодополучатель/выгодоприобретатель; квартиросъемщик / квартиронаниматель; налогоплательщик; делопроизводитель;

3) словосочетание с суффиксацией: займодавец; водопроводчик; первооткрыватель.

Ролевая атрибуция позиций коммуникантов, ее регулирование определяет концептуальные характеристики текста делового письма, его функцию: договор о сотрудничестве/контракт (заказчик – подрядчик); страховой полис (страхователь-выгодополучатель); договор о кредитовании (займодавец-

заемщик) и т.п. Структура предложения в коммерческой корреспонденции непосредственно обусловлена семантикой суждений. В частности, типично для русского делового письма использование различных средств репрезентации субъекта действия. Один и тот же концепт в преамбуле текста (например, контракта или договора) вербализован словосочетанием-гешталтом по должности (генеральный директор, председатель правления, главный врач – или по функциональной принадлежности: специальный представитель, уполномоченное лицо, а далее словосочетание-гешталт трансформировано в конкретный концепт, например клиент, заказчик, подрядчик и т.п. Причем, стандартизация сценария делового взаимодействия подчеркивается трансформацией референтного адресата/адресанта посредством номинации в нереферентной форме абстрактного адресата: «ОАО NN в лице генерального директора И.О.Ф., действующего на основании Устава (референтный адресат), именуемое в дальнейшем Заказчик (нереферентный абстрактный адресат), с одной стороны, и ОАО NZ в лице генерального директора И.О.Ф., действующего на основании Устава (референтный адресат), именуемое в дальнейшем Подрядчик (нереферентный абстрактный адресат), с другой стороны, заключали настоящий договор о нижеследующем... Ролевая функция нереферентного абстрактного адресата графически оформлена с прописной буквы в соответствии с ГОСТом [3].

Семантика конкретного концепта данного типа активирует ролевую функцию субъекта действия в качестве нереферентного абстрактного адресата и соотносит его с определенной категорией коммуникантов, т.е. осуществляется процесс функциональной категоризации в рамках стандартно воспроизводимого сценария речевого взаимодействия в деловом дискурсе. В результате подобной функциональной категоризации субъекта действия – референтного адресата – смещаются семантические акценты передаваемой информации: приоритетными становятся действие и его фоновые значения.

Собственно само действие может в данном случае представлять собой последовательность этапов (сценарий) или некоторую совокупную информацию о стереотипной ситуации, т.е. многокомпонентный концепт. Фоновые значения или обстоятельства действия, как правило, выполняют детерминирующую функцию, поясняя или конкретизируя суждение в целом и являются его пропозицией.

Пропозициональная структура (пропозиция) имеет объективный характер, т.к. сообщает информацию о существующих отношениях и определяет логическую связь между ними, например мотивирующая часть любого документа (приказа, распоряжения и т.п.). Специфика нарратива обусловлена коммуникативными практиками реализации процессуального сценария делового взаимодействия коммуникантов – адресанта и адресата. Каждый подобный сценарий осуществляется посредством описания действий партнеров, номинация которых соответствует их конкретным функциям. Использование с данной целью девербативов и девербативных словосочетаний с агентным значением является примером трансформации двухмерных грамматических концептов в концепт-фреймы, позволяющие не только спрогнозировать конкретную речевую ситуацию, но и фреймировать ее сценарий.

В деловой документации действие может представлять собой последовательность его этапов (собственно сценарий) или некоторую совокупную информацию о стереотипной ситуации, т.е. многокомпонентный концепт, определяющий одновременно и расстановку ролей, и матрицу их возможностей, и их потенциальную интерпретацию. Коммерческая переписка как один из примеров реализации стандартных сценариев делового взаимодействия представляет собой фреймовую сеть: информационное письмо/меморандум о намерениях с предложением о сотрудничестве – письмо-предложение – договор/контракт и т.д. Включение в эту фреймовую

сеть вариативных компонентов, таких как письмо-претензия/реприманд, благодарственное письмо, письмо-отчет и т.п. позволяет расширить границы фреймовой сети. И каждое из вышеперечисленных писем представляет собой пропозиционную структуру – модель передачи деловой информации, контекстуализация которой осуществляется благодаря «расстановке ролей» коммуникантов, атрибутируемых с помощью девербативов или девербативных словосочетаний с агентным значением – концепт-фреймов. Данные концепт-фреймы имеют объективный характер, т.к. передают сущность предмета обсуждения в процессе делового взаимодействия, конкретизируют реально складывающиеся отношения между коммуникантами. Семантика девербативов и девербативных словосочетаний обусловлена конкретным нарративом, фреймированием сценариев в соответствии со статусной и ролевой функцией адресанта и адресата деловой переписки.

Статусная и ролевая атрибуция позиции коммуникантов в деловом дискурсе предполагает реализацию некоторого сценария их гипотетического взаимодействия, реализуемого посредством перечисления последовательных действий каждого из участников, номинация которых соответствует специальному нарративу, определяемому их функцией в конкретной ситуации: После назначения судебного заседания судья обязан обеспечить обвинителю, подсудимому, защитнику, а также потерпевшему и его представителю возможность ознакомиться со всеми материалами дела... (Ст. 236 УПК РФ); ПРИКАЗЫВАЮ: 1. Начальнику технического отдела организовать работу технического отдела в выходные и праздничные дни (даты). 2. Главному бухгалтеру подготовить распоряжение по оплате сверхурочных дней (даты). 3. Главному инженеру организовать контроль исполнения приказа. Генеральный директор (подпись).

Как показывают вышеприведенные примеры, специфика нарратива обуславливает номинацию субъектов деловой коммуникации в зависимости от

функциональной принадлежности, а языковыми средствами соответствующей атрибуции становятся девербативы с агентным значением или терминологическая лексика и фразеология различной этиологии, которая представляет собой совокупность взаимосвязанных и взаимообусловленных концепт-фреймов. Аналогичную функцию в деловой коммуникации выполняют не только девербативы с агентным значением, но и девербативные словосочетания терминологического типа.

Основным принципом функциональной категоризации девербативов с агентным значением в деловой документации является реализация системного значения слова в неизменном виде, т.е. актуализация его семантики от номинации к терминологизации. Процесс терминологизации девербативов апплицируется в стандартных сценариях деловой коммуникации при трансформации атрибуции референтного адресата посредством его номинации в нереферентной роли абстрактного адресата. Терминологизация, т.е. приобретение словом или словосочетанием терминологического значения, традиционно являлось продуктивным способом расширения лексических возможностей официально-делового стиля современного русского литературного языка при атрибуции процесса делового взаимодействия и его субъектов. Девербация как словообразовательная модель позволяет создавать термины-понятия путем трансформации стилистически нейтральных словосочетаний в концепт-фрейм: получающий выгоду от сделки – выгодополучатель; дающий что-либо в долг – займодавец; платящий налоги – налогоплательщик; снимающий жильё – квартиросъёмщик; сдающий что-либо в аренду – арендодатель и т.п. Как показывает практика делового дискурса, атрибуция коммуникантов по их функции в конкретной прагматической ситуации имеет ничем не ограниченный характер, создавая особый терминологический пласт стилистически маркированной лексики. Транспозиция глаголов и глагольных словосочетаний в номинатив

имени существительного формирует в русском языке новые понятия и становится одним из самых продуктивных процессов формирования узкопрофессиональной (узкопрофильной) терминологии официально-делового стиля.

Девербативы с агентным значением в качестве узкопрофильных терминов последовательно включаются в состав словосочетаний-фразеосхем при передаче деловой информации: наложить штраф (штрафные санкции) на налогоплательщика при неуплате налога; провести изъятие с депозитного счета заказчика в пользу подрядчика; вчинить иск в отношении заёмщика и т.п.

Продуктивность атрибуции субъектов деловой коммуникации с использованием девербативов обусловлена не только тенденцией к компрессии языковых средств, не только универбацией текста делового письма, но прежде всего его семантическими особенностями: внесубъективностью, отсутствием персонификации эмоционально-оценочного характера.

Фреймирование конкретной деловой ситуации, ее нарратива возможно в результате использования в качестве концепт-фреймов не только девербативов с агентным значением, но и девербативных словосочетаний терминологического типа при атрибуции субъекта или объекта: носитель аудио- и видеозаписей, носитель информации, судебный заседатель, должностное лицо и т.п. Подобная номинализация формирует в языке, точнее в конкретном институциональном дискурсе, новые понятия, реализующие семантику специальных сценариев. В качестве специальной терминологии используются девербативные словосочетания с агентным значением и в правоустанавливающей документации: судебный исполнитель; мировой судья; гражданский истец/ответчик; законный представитель; арбитражный заседатель, т.е. дефинированные словосочетания, унифицировано

употребляемые, имеющие точный и определенный смысл и функциональную устойчивость. Необходимость избежать искажения или неоднозначности семантики текста документа, способных лишить его юридической значимости, определяют особенности дискурса нормы в правоустанавливающей документации. Поэтому девербативные словосочетания терминологического типа представляют собой семантически целостные языковые единицы, специфика которых обусловлена функционированием в рамках конкретного подязыка – языка законодательства, т.е. подструктуры, способной функционировать как средство коммуникации в определенной сфере деятельности, полностью определяя особенности словоупотребления в конкретном типе текстов. При атрибуции субъектов и объектов в юриспруденции словосочетаниям присуща фразеологичность: внутренняя форма представляет собой смысловое содержание, образуемое элементами значений слов-компонентов, являющихся исходными по отношению к фразеологическому значению. В результате исходное значение девербативного словосочетания получает смысловое приращение, соответствующее предметно-понятийному содержанию правоустанавливающего документа. Узуальность семантики девербативов с агентным значением истец, ответчик, дознаватель, доверитель, а также изменение коннотативного содержания при дефиниции в правоустанавливающих документах субъектов девербативов кормилец, представитель, попечитель, наследник, правопреемник также свидетельствуют об эволюции прагматики подобных языковых единиц от номинации к терминологизации. Таким образом, коммуникативные практики речевого взаимодействия в деловой переписке свидетельствуют об унификации и стандартизации используемых лексических единиц, о закреплении в языке речевых формул в виде фразеосхем и фразеологических сочетаний терминологического характера в том числе с помощью функциональной категоризации девербативов с агентным значением.

Заключение

Исследование официально-деловой переписки как особой формы взаимодействия коммуникантов с позиций прагматики позволяет проанализировать когнитивную семантику текстов деловых писем как социальных фреймов, характеризующихся так называемой замороженностью формы. В связи с тем, что данная переписка в рамках конкретной деловой ситуации представляет собой стандартно воспроизводимые сценарии обмена информацией и их идентификацию с аналогичными сценариями, становится возможной категоризация деловых писем. И в соответствии с процессом категоризации текст делового письма может быть рассмотрен как многокомпонентный концепт, обладающий всеми признаками фрейма – наличием устойчивой структуры и смысловой рамки.

Семантика и прагматика девербативов и девербативных словосочетаний как процессуального, так и агентного значения в деловом дискурсе в качестве узкоспециальной терминологии определяется особым типом коммуникации, сформировавшейся в русской национальной традиции. В частности, атрибуцией действия как процесса вневременного, т.е. лишённого непосредственной видо-временной связи с конкретной деловой ситуацией и предельно статичного, а также функциональной категоризацией коммуникантов, основанной на статусном и ролевом регулировании их позиции. Выявление регулярных формул семантического развития девербативных значений и многоуровневой синонимии (лексической и синтаксической) в деловой документации может иметь практическую значимость при изучении русского языка и конкретном переводе текстов деловых писем на русский язык.

Литература

- 1- Арутюнова Н.Д. (1988). *Язык и мир человека*. Москва : Изд-во Языки русской культуры, 896 с.
- 2- Гофман И. (2003). *Анализ фреймов: эссе об организации повседневного быта*. М. : Ин-т социологии РАН: Ин-т фонда «Общественное мнение», 750 с.
- 3- Ерофеева М. (2012). *Фрейм-аналитическая модель коммуникации: возможности и ограничения* //Социология власти – 2012 - № 8 - С. 94–112.
- 4- Козлова Р.П. (2011). *Лексическое значение русского глагольного слова* //Вестник ТГУ – 2011- вып. 12 – С. 707–711.
- 5- Космарская И.В. (1989). *Семантико-синтаксические свойства девербатива в современном русском языке*. Диссертация кандидата филол. наук. М. : РУДН. 190 с.
- 6- Кубрякова Е.С. (2004). *Язык и знание: На пути получения знаний в языке. Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира*. М. : Языки славянской культуры. 560 с.
- 7- Мамонтова Е.Ю (2012). *Девербативы в англоязычной и русскоязычной публицистике: сравнительный анализ*. Диссертация ... кандидата филол. наук. М. : РУДН. 212 с.
- 8- *Правила русской орфографии и пунктуации* (утверждены Академией наук СССР, Министерством высшего образования СССР и Министерством просвещения РСФСР в 1956 г.). Адрес доступа: <https://legalacts.ru/doc/pravila-russkoi-ortofografii-i-punktuatsii-utv-an>
- 9- Шарандин А.Л. (2001). *К вопросу о языковом статусе девербативов* //Горизонты современной лингвистики: Традиции и новаторство: сборник статей в честь Е.С. Кубряковой - М. : Языки славянских культур - С. 267–277.
- 10- Юрова Т.А. (2000). *Актуализация заимствований, обусловленная новыми понятийными реалиями* //Язык и культура в эпоху интеграции научного знания и профессионализация образования: Материалы IV международной научно-практической конференции – Часть 2, Пятигорск : Издательство Пятигорского государственного университета – С. 116–122.
- 11- Янко Т.Е. (2018). *Обращения: лексическая семантика, прагматика, культурная традиция* //Вежливость и антивежливость в языке и коммуникации. Материалы международной научной конференции, состоявшейся в Институте лингвистики РГГУ 23 – 24 октября 2018 г. М. : РГГУ, 2018 – С. 308–315.

Bibliography

- 1- Arutjunova N.D. (1988). *Jazyk i mir cheloveka*. Moskva : Izd-vo Jazyki russkoj kul'tury, 896 s.

- 2- Gofman I. (2003). *Analiz frejmov: jesse ob organizacii povsednevnogo byta*. M. : In-t sociologii RAN: In-t fonda «Obshestvennoe mnenie», 750 s.
- 3- Erofeeva M. (2012). *Frejm-analiticheskaja model' kommunikacii: vozmozhnosti i ogranichenija* //Sociologija vlasti – 2012 - № 8 - S. 94–112.
- 4- Kozlova R.P. (2011). *Leksicheskoe znachenie russkogo glagol'nogo slova* //Vestnik TGU – 2011- vyp. 12 – S. 707–711.
- 5- Kosmarskaja I.V. (1989). *Semantiko-sintaksicheskie svojstva deverbativa v sovremennom russkom jazyke*. Dissertacija kandidata filol. nauk. M. : RUDN. 190 s.
- 6- Kubrjakova E.S. (2004). *Jazyk i znanie: Na puti poluchenija znaniy v jazyke. Chasti rechi s kognitivnoj točki zrenija. Rol' jazyka v poznanii mira*. M. : Jazyki slavjanskoj kul'tury. 560 s.
- 7- Mamontova E.Ju (2012). *Deverbativy v anglojazyčnoj i russkojazyčnoj publicistike: sravnitel'nyj analiz*. Dissertacija ... kandidata filol. nauk. M. : RUDN. 212 s.
- 8- *Pravila russkoj orfografii i punktuacii* (utverzhdeny Akademiej nauk SSSR, Ministerstvom vysshego obrazovanija SSSR i Ministerstvom prosveshhenija RSFSR v 1956 g.). Adres dostupa: <https://legalacts.ru/doc/pravila-russkoj-orfografii-i-puntuacii-utv-an>.
- 9- Sharandin A.L. (2001). *K voprosu o jazykovom statuse deverbativov* //Gorizonty sovremennoj lingvistiki: Tradicii i novatorstvo: sbornik statej v chest' E.S. Kubrjakovoj - M. : Jazyki slavjanskih kul'tur - S. 267–277.
- 10- Jurova T.A. (2000). *Aktualizacija zaimstvovanij, obuslovlennaja novymi ponjatijnyimi realijami* //Jazyk i kul'tura v jepohu integracii nauchnogo znanija i professionalizacija obrazovanija: Materialy IV mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii – Chast' 2 – Pjatigorsk: Izdatel'stvo Pjatigorskogo gosudarstvennogo universiteta – S. 116–122.
- 11- Janko T.E. (2018). *Obrashhenija: leksicheskaja semantika, pragmatika, kul'turnaja tradicija* // Vezhlivost' i antivezhlivost' v jazyke i kommunikacii. Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, sostojavshejsja v Institute lingvistiki RGGU 23 – 24 oktjabrja 2018 g. M. : RGGU, 2018 – S. 308–315.

HOW TO CITE THIS ARTICLE

Guryeva Natalya Yuryevna (2023). COMMUNICATIVE PRACTICES OF REALIZATION PROCESSUAL SCENARIO IN RUSSIAN BUSINESS LETTER. *Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka I Literatury*, 11(2), 127-145.

DOI: 10.52547/iarll.22.7

URL: <https://www.journaliarll.ir/index.php/iarll/article/view/294>

کاربرد ارتباطی بازخوانی سناریوی فرایندی در نامه‌نگاری اداری زبان روسی

ناتالیا یوری یونا گوریوا*

دانشیار، دانشگاه دولتی علوم انسانی روسیه،

مسکو، روسیه.

(تاریخ دریافت: ژوئیه ۲۰۲۳؛ تاریخ پذیرش: اوت ۲۰۲۳)

چکیده

ضرورت انجام این کار پژوهشی، نیاز به بررسی کاربرد ارتباطی بازخوانی سناریوهای فرایندی در نامه‌نگاری اداری زبان روسی از طریق اسناد فعالیت‌های طرف‌های اداری و ویژگی تنظیم وضعیتی و نقشی موقعیت آنها با استفاده از اسامی برگرفته از فعل و گروه‌واژه‌های برگرفته از فعل است. اسامی برگرفته از فعل با معنای فرایندی و فاعلی در سندهای اداری به عنوان موضوع پژوهش انتخاب شده‌اند. ویژگی تحلیل انجام شده، بررسی نامه‌نگاری رسمی-اداری به عنوان یک شکل خاص از تقابل طرفین ارتباط از منظر کاربردشناختی است که اجازه می‌دهد معنای شناختی متون نامه‌های اداری به عنوان یک چارچوب ارتباطی اجتماعی توصیف و تشریح شود. مطابق با فرایند دسته‌بندی، نامه‌نگاری اداری، مفهومی چندجانبه است که تمام ویژگی‌های یک چارچوب اجتماعی یعنی وجود ساختار ثابت و قالب معنایی را داراست؛ تغییراتی که در معانی اسامی و گروه‌واژه‌های برگرفته از فعل مشخص می‌شوند و انحراف مفهومی آنها تابع شرایط تغییر بافت استفاده از آنها است، که به ایجاد مفاهیم جدید در یک گفتمان نهادی خاص منجر می‌شود و اجازه تشریح ویژگی تکامل این واحدهای زبانی از واحدهای نامشی تا اصطلاحی را می‌دهد.

واژگان کلیدی: متن، اسم برگرفته از فعل، کارکرد ارتباطی، سندهای اداری، زبان‌شناسی، تقابل گفتاری، سناریوی فرایندی.

1. Email: gri_lanskoi@list.ru; <https://orcid.org/0000-0001-8195-6909>

* نویسنده مسئول

نوع مقاله: علمی-پژوهشی

«HISTORY WILL GAIN NOTHING NEW FROM THESE LETTERS»: TRANSLATIONS OF «LADY RONDEAU'S LETTERS» (1728–1739) IN 19TH-CENTURY RUSSIA

Sozinova Ksenia Andreevna^{1*}

Associate Professor, The Ural Federal University named
after the first President of Russia B. N. Yeltsin,
Yekaterinburg, Russian.

(date of receiving: January, 2023; date of acceptance: July, 2023)

Abstract

This article discusses the history of translations into Russian of Jane Vigor's work – «Letters from a lady, who resided some years in Russia, to her friend in England» (1775). The «Letters» were written in an informal style and contain various episodes from 1729 to 1739 associated with the court of the Russian Empress Anna Ioannovna. For the first time in Russia, «Letters» were translated only in 1822, in total there were three translations (1822, 1836, 1874) and only the last one was as close as possible to the original. It is important to note that only the first edition of the «Letters» was included in the translations, while the Russian translators hadn't been aware of the very rare pamphlet «Eleven additional letters from Russia, in the reign of Peter II», which was published in London in 1784. The «Letters» are a valuable source of information on the life of the Russian court under Peter II and Anna Ioannovna rule, which makes it possible to compare the cultural values of England and Russia, which are shared at the level of diplomatic elites.

Keywords: Jane Vigor, Lady Rondeau, A. O. Kornilovich, M. K. Kastorsky, M. I. Semevsky, E. P. Karnovich, K. N. Bestuzhev-Ryumin.

1. E-mail: k.a.sozinova@urfu.ru; <https://orcid.org/0000-0002-6980-5881> * Corresponding author

* The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation (project № № 22-18-00488 «The Crisis of Values and the Coping Strategies: the Idea of the "Common Wealth" in the Intellectual discourse of Britain and Russia (1650–1750)»)

«ИСТОРИИ НЕЧЕМ ПОЖИВИТЬСЯ ОТ ЭТИХ ПИСЕМ»: ПЕРЕВОДЫ «ПИСЕМ ЛЕДИ РОНДО» (1728–1739) В РОССИИ XIX В.

Созинова Ксения Андреевна^{1*}

Доцент, Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б. Н. Ельцина,
Екатеринбург, Россия.

(дата получения: январь 2023 г.; дата принятия: июль 2023г.)

Аннотация

В данной статье рассматривается история переводов на русский язык произведения Джейн Вигор – «Письма Леди, которая прожила несколько лет в России, ее подруге в Англию» (1775). «Письма» были написаны в неформальном стиле и содержат различные эпизоды в период с 1729 по 1739 гг., связанные со двором русской императрицы Анны Иоанновны. Впервые в России «Письма» были переведены только в 1822 г., всего вышло три перевода (1822, 1836, 1874) и только последний был максимально приближен к оригиналу. Важно отметить, что в переводы вошло только первое издание «Писем», тогда как в 1784 г. в Лондоне были опубликованы «Одиннадцать дополнительных писем из России, при правлении Петра II», оказавшиеся вне поля внимания русских издателей и переводчиков. «Письма» представляют собой ценный источник, освещающий жизнь русского двора при Петре II и Анне Иоанновне, позволяющий сопоставить культурные ценности Англии и России, разделяемые на уровне дипломатических элит.

Ключевые слова: Джейн Вигор, Леди Рондо, А. О. Корнилович, М. К. Касторский, М. И. Семевский, Е. П. Карнович, К. Н. Бестужев-Рюмин.

¹ E-mail: k.a.sozinova@urfu.ru; ORCID: 0000-0002-6980-5881

* Ответственный автор

* Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 22-18-00488 «Кризис ценностей и стратегии преодоления: Идея “Общего блага” в интеллектуальном дискурсе Британии и России (1650–1750)»

Введение

Литературные свидетельства о России, составленные иностранцами, появляются еще при первых Романовых. Однако, XVIII столетие, когда Московия стала Россией и ее окно на Запад широко распахнулось с основанием Санкт-Петербурга, примечательно не только возросшим числом разного рода записок иностранцев о России, но и появлением новых категорий авторов. Меняется не только их социальный статус, появляются первые опубликованные записки за женским авторством. Первой в этом ряду стала Элизабет Джастис. Ее труд «Путешествие в Россию» увидело свет уже в 1739 г. Но нас более интересует труд другой англичанки – Джейн Вигор – «Письма Леди, которая прожила несколько лет в России, ее подруге в Англию» (далее – «Письма»). Следует отметить, что Джейн Вигор прибыла в Россию раньше, а ее записки охватывают более ранний период 1728–1739 гг., но они были опубликованы в Лондоне лишь спустя 35 лет – в 1775 г., тогда как «Путешествие в Россию» Э. Джастис, хотя она была в России с 1734 по 1737 гг., вышло практически сразу после ее возвращения на родину. Плеяду англичанок-путешественниц XVIII в., оставивших свои записки о России, также дополняют труды Элизабет Димсдейл «Английская дама при дворе Екатерины Великой» (1781) и Элизабет Крейвен «Путешествие в Крым и Константинополь» (1789).

Основная часть

Несмотря на то что в 1775 г. «Письма» были опубликованы в Лондоне анонимно, для многих современников было очевидным, что за маской неизвестного автора скрывалась миссис Вигор (1699–1783), в девичестве Джейн Гудвин (позднее – Джейн Уорд, леди Рондо, миссис Вигор). Присутствует определенная путаница с именем нашей героини, так как, в течение своей достаточно продолжительной жизни, она успела трижды выйти

замуж и сменить фамилию. В 1728 г. она прибыла в Петербург будучи супругой представителя британского правительства – Томаса Уорда. После его смерти в 1731 г., в этом же году она вышла замуж за его секретаря – Клавдия Рондо. Хронологически, описанные в «Письмах» события, в большей степени соотносятся со вторым браком, заключенным с Клавдием Рондо (1731–1739), поэтому в русской традиции данный источник получил название «Письма леди Рондо» (Письма леди Рондо 1874). В британской же историографии за героиней закрепилась фамилия ее третьего и последнего супруга Уильяма Вигора, чья деятельность также была связана с англо-русскими торговыми операциями.

Будучи женой британского резидента, Джейн Вигор получила уникальную возможность наблюдать за жизнью русского двора в период правления Петра II и Анны Иоанновны. Ее портреты ключевых фигур русской политики незаметно влияли на восприятие британцами и европейцами русского двора вплоть до конца XVIII в. Появление «Писем» нашло живой отклик не только у английской читающей публики, к концу 1776 г. они были доступны в переводах на немецкий, французский и голландский языки (O'Loughlin 2018. 101). В 1777 г. в Лондоне также вышло второе издание «Писем», а в 1784 г., уже после смерти Джейн Вигор, была опубликована достаточно редкая брошюра – «Одиннадцать дополнительных писем из России, при правлении Петра II» (Vigog 1784). Таким образом, общий объем опубликованной переписки составляет в совокупности 48 писем, которые описывают многолетний опыт пребывания в России супруги английского резидента при дворе Петра II и Анны Иоанновны между 1728 и 1739 гг.

Адресатом данной переписки является близкая подруга Джейн Вигор, предположительно, сестра ее первого супруга, это ясно из некоторых уточнений, появляющихся в «Одиннадцати дополнительных письмах», первая же часть «Писем» подобных пояснений не содержит. Русским издателям и

переводчикам XIX в., в первую очередь, претила непринужденность получившейся между подругами переписки, которая изобиловала излишними деталями, пояснениями и описаниями, шутками, непонятными обычному читателю, в ущерб историческим деталям. Но для современного исследователя «Письма» служат не только источником сведений о жизни русского двора при Анне Иоанновне, а примером идеальной модели дружеской женской переписки, отмеченной искренностью и откровенностью, где читателям приходится лишь догадываться, что скрывается за намеками Джейн Вигор, очевидными для ее подруги.

Неизвестная нам подруга Джейн Вигор задает тон и форму всей переписки: она берет на себя роль любопытного собеседника, открытого русофила, подталкивающего автора рассказать о том или ином событии из недавних событий русской истории, развеять досужие домыслы, циркулирующие среди знакомых или представить какое-то новое лицо при русском дворе. Адресат Джейн Вигор – становится невольным соавтором, влияя на содержание «Писем» наряду с самой рассказчицей. Получившаяся между подругами переписка дает нам представление об обычаях и практиках, с которыми рассказчица сталкивается в России, перемежая это с рассказами о чувствах, романтических историях, придворных анекдотах и описанием характеров крупных политических фигур при русском дворе.

Описание русского двора 1730-х гг., нашло отклик у английской читающей публики именно в 1770-х гг. после восшествия на престол Екатерины Великой. На «Письма» часто ссылались, а описания крупных политических фигур и вовсе зачастую заимствовали напрямую. Как уже упоминалось выше, концу 1776 г. «Письма» уже можно было прочесть на нескольких европейских языках, тогда как в России переводы на русский язык появились значительно позднее (Loewenson 1957. 400). Русский читатель вполне мог быть знаком с «Письмами» во французском или немецком переводе. Если в Англии и Европе

«Письма» были весьма популярны среди читающей публики, то достаточно поздний интерес к ним в России свидетельствует о достаточно сдержанной оценке их ценности, что подкрепляется комментариями переводчиков и рецензентов XIX в.

Примечательно, что в России вышло несколько переводов «Писем». Первое краткое знакомство русского читателя с ними состоялось в 1822 г. в журнале «Сын Отечества», А. О. Корниловичем (1800–1834) была подготовлена статья «Отрывок из Опыта путешествий по России» (Отрывок из Опыта путешествий 1822. 160–172), содержащая лишь небольшие фрагменты перевода писем. Статья вышла летом 1822 г. А. О. Корнилович, со ссылкой на немецкое издание И. Бернулли (1744–1807), ошибочно указывает, что «госпожа Рондо, в первом замужестве Вард, урожденная Корс» (Там же. 160), тогда как девичья фамилия автора «Писем» – Гудвин. А. О. Корнилович также указывает, что в Лондоне вышло два издания «Писем» в 1775 и 1777 г., известно ему было и о французском и немецком переводах, тогда как «Одиннадцать дополнительных писем», опубликованные в 1784 г. для него остались неизвестными. Особую ценность «Писем» А. О. Корнилович видел в представленных Джейн Вигор политических портретах: Петра II, Анны Иоанновны, графов Миниха и Остермана, князя Черкасского, Ягужинского. Он приводит цитаты из «Писем», касающиеся именно политических портретов, тогда как общая оценка всего труда остается достаточно сдержанной: «Мы отчасти видели, что она описывает в них [«Письмах»] то, что видит, и описывает как молодая светская женщина, не занимается географическими местностями или историческими происшествиями, а обращает главное внимание свое на наружные приметы разных особ, наряды, праздники Двора и столицы; иногда изображает характеры важных лиц, с коими находилась вместе, со всею верностью, какой можно ожидать от женщины-наблюдателя, и перемешивает рассказ свой любопытными анекдотами и остроумными замечаниями» (Там же. 166–167).

В конце своей статьи А. О. Корнилович резюмирует: «Из сих отрывков читатели могут судить, что письма Г-жи Рондо представляют обильные материалы для Истории Российского Двора в царствование Императора Петра II и Императрицы Анны Иоанновны» (Там же. 171).

Е. Э. Лямина, исследуя исторические источники незавершенного романа А. С. Пушкина «Арап Петра Великого», отмечает, что он был знаком с «Письмами» Джейн Вигор и, вероятнее всего, даже использовал сюжет одного из «Писем» в своей работе. «Согласно довольно убедительному предположению, в Кишиневе же произошло личное знакомство Пушкина и Корниловича. Речь между ними, вероятно, заходила об исторических разысканиях последнего, отразившихся в том числе в статье о письмах г-жи Рондо» (Лямина 2015. 308).

В начале февраля 1836 г. Пушкин приобрел русский перевод «Писем», выполненный М. К. Касторским (1809–1866) – «Письма Леди Рондо, супруги английского министра при российском дворе в царствование императрицы Анны Иоанновны» (Ариель-Залесская 1958. 339). Е. Э. Лямина отмечает, что этот факт «может служить свидетельством не только интереса Пушкина к данному источнику, но и давнишнего знакомства с ним, оставившего следы и в романе о времени Петра I» (Лямина 2015. 309–310).

Уже в апреле 1836 г. вышла краткая аннотация о книжной новинке, написанная Н. В. Гоголем для раздела «Новые книги» журнала «Современника»: «Книжка замечательная. Леди Рондо пишет к приятельнице своей о себе, о своих чувствах, о том, что занимательно для нея одной, но мимоходом задевает и историю. Несколько беглых слов о Петре II, об Императрице Анне Иоанновне, о Бироне, прибавляют новья черты к их портретам» (Современник 1836. 309).

Достаточно сдержанно о публикации перевода «Писем» отозвался в том же году и В. Г. Белинский в газете «Молва»: «Между многими пустыми вещами и

болтовнею, в них есть несколько характеристических черт старого времени. Конечно, истории нечем поживиться от этих писем, но они имеют большую важность для русской публики, как записки, в которых можно найти несколько любопытных фактов, касательно нравов русского общества в царствование Анны Иоанновны и тиранию ужасного Бирона» (Письма леди Рондо 1901. 39). Белинский точно подмечает, что «все описанные подробности нравов и обычаев относятся более или менее к придворной сфере, в которой обращалась леди Рондо; но тогда только один Двор и представлял любопытное зрелище, потому что один он сосредоточивал в себе всю жизнь народа, который в то время не имел ни смысла, ни образа, ни лица» (Там же. 40). Весьма скупое он отзывается о качестве самого перевода: «Перевод, как сами читатели могут судить из приведенного отрывка, не дурен, хотя и мог бы быть лучше; жаль особенно, что переводчик беспрестанно употребляет обветшалые слова, нередко ошибается в правописании и в расстановке знаков препинания» (Там же). Однако, в конце Белинский резюмирует, что «появление этой книги в русской литературе очень приятно», а «издание очень хорошо» (Там же).

Именно с момента выхода перевода М. К. Касторского «в русской издательской практике укоренилась ошибочная традиция: вводить в заголовок имя автора и к тому же именовать ее “леди Рондо”» (Лямина 2015. 309). По своему происхождению Джейн Вигор не относилась к представителям аристократии. Она принадлежала к среднему джентри, будучи дочерью приходского священника из Йоркшира – Джорджа Гудвина. Ее первый супруг – Томас Уорд – был эсквайром и также происходил из среды джентри. Во введении к «Дополнительным одиннадцати письмам» указано, что и Клавдий Рондо (второй супруг) также являлся эсквайром (Vigog 1784. IV). Вслед за Касторским М. И. Семевский (1837–1892), издатель исторического журнала «Русская старина», в центре внимания которого был в основном XVIII в., в 1873 г., ссылаясь на французскую «Всемирную биографию» фиксирует, что

«овдовев, мистрисс Вигор не замедлила выйти за *лорда* Рондо, с которым жила до 1740 года» (Записки леди Рондо 1873. 41). Ошибочен здесь не только титул Клавдия Рондо, датой его смерти является 1739, а не 1740 г. Кроме того, неверно было указано, что фамилия первого и последнего супруга была Вигор, в этом выразил сомнение и сам Семевский, подозревая ошибку или опечатку во французском биографическом словаре Мишо. На эти же сведения впоследствии будет ссылаться и Бестужев-Рюмин в своем предисловии к переводу 1874 г. Однако, в отличии от Семевского, прибегнув к донесениям испанского посла при русском дворе де-Лириа, он установил, что фамилия первого мужа нашей героини была Вард (Уорд) (Письма леди Рондо 1874. XIV).

Новый перевод на русский язык 1874 г. был инициирован в связи с тем, что перевод 1836 г. был небрежен и во многих местах исказил смысл подлинника (Письма леди Рондо 1874. VII). На это во введении к переводу 1874 г. ссылается не только его редактор С. Н. Шубинский, но и М. И. Семевский в своем обзоре перевода «Писем» в 1873 г. О качестве перевода им было высказано следующее суждение: «Изложение перевода довольно гладкое, но самый перевод не отличается большою верностью; причем издание его не обошлось без пропусков, о которых, по обычаю того времени, не оговорено переводчиком» (Записки леди Рондо 1873. 42).

Семевский достаточно снисходительно замечает, что «извлечения из его [Клавдия Рондо] реляций [...] во многих отношениях даже любопытнее писем его супруги» (Записки леди Рондо 1873. 41). Он остался весьма невысокого мнения о труде Джейн Вигор: «Отдавая свои письма из России в печать, мистрисс Вигор, или леди Рондо, немножко увлеклась авторским самолюбием и не потрудилась предварительно подвергнуть их строгому пересмотру. Рассказы о нарядах, разные семейные подробности (посторонним читателям нисколько не любопытные), шуточки, отступления, риторические возгласы,

составляют довольно существенный недостаток этих «Писем» [...] однако, в «Письмах» не мало сведений, довольно важных для истории царствования Анны Иоанновны. Они служат как бы продолжением Записок герцога де-Лирия» (Там же).

Обзор Семевского также интересен тем, что в нем был сформулирован научный подход к изданию переводов исторических источников. Обзор завершается пожеланием в скором времени появления издания переводов иностранных сочинений о России XVIII столетия, «под редакцией лиц, близко знакомых с источниками отечественной истории вообще и со сказаниями о России иноземцев в особенности. При этом каждому переводу, сколь возможно тонкому и обстоятельному, должно быть предпосылаемо биографические известие об авторе записок и библиография всех изданий, как подлинника его произведения, так и переводов онаго на разные языки» (Там же. 50). Предшествующие переводы «Писем», зачастую не могли порадовать ничем из вышеперечисленного русского читателя. Семевский четко обозначает, что перевод должен сохранять (в скобках) собственные имена, упоминаемых лиц, названий местности и др. Примечания должны быть краткими и не повторять всем известных сведений, перевод должен иметь обстоятельное оглавление и алфавитный указатель (Там же). Во многом, перевод 1874 г. соответствовал, изложенному Семевским плану, что выгодно отличало его от предшествующих попыток и удовлетворил как рядового читателя, так и научное сообщество.

Над переводом 1874 г. работала целая команда: переводчиком выступил Е. П. Карнович, предисловие подготовил К. Н. Бестужев-Рюмин, указатель разработал П. А. Ефремов. Также следует отметить, что издание 1874 г. было снабжено приложением «Записки английского резидента Рондо (мужа автора писем) о некоторых вельможах русского двора в 1730 г.», интерес к которым проявил М. И. Семевский. Данная записка была найдена Ю. В. Толстым в

Лондонском королевском архиве и с его разрешения перепечатана из второй книги Чтений в Императорском Обществ Истории и Древностей Российских за 1864 г. Примечательно, что во все русские переводы вошла только первая часть «Писем», изданная в 1775 г., тогда как вторая часть «Одиннадцать дополнительных писем» (Vigor 1784), так и осталась без внимания. Несмотря на то, что дополнение было опубликовано позднее, хронологически эта часть предваряет первое издание и содержит письма за 1728–1729 гг., относящиеся к правлению Петра II, когда Джейн Уорд еще только прибыла в Россию.

Редактор нового перевода «Писем» 1874 г. С. Н. Шубинский не мог не знать о вышедшей в 1873 г. статье Семевского, в постскриптуме к вступительному слову издания он отметил что: «Автор этой статьи, излагая довольно подробно план, принятый в основу настоящего издания и лично сообщенный нами редактору “Р. Старины” г. М. И. Семевскому, не прибавляет однако никаких новых указаний, которыми мы могли бы воспользоваться при издании последующих записок, приготавливаемых к печати» (Письма леди Рондо 1874. X). Однако больший для нас интерес представляет статья М. И. Семевского – «Императрица Анна Иоанновна и ее современники. Пояснения и примечания к “Письмам леди Рондо”. Перевод с немецкой рукописи, хранящейся в библиотеке Его Императорского Высочества Государя Великаго Князя Константина Николаевича», вышедшая в «Русской старине» уже в 1878 г.

Как мы помним, Семевский изначально не высоко оценил достоинства «Писем» как исторического источника. В начале статьи он замечает, что первыми в ряду иностранных источников о России в царствование Анны Иоанновны, ее дворе и деятелях той эпохи являются «Записки генерала Манштейна», изданные в 1875 г., тогда как «Письма леди Рондо» относятся к второстепенным, а то и третьестепенным источникам той эпохи. «Письма» хоть и заключают в себе довольно интересные сведения для историков о царствовании Анны Иоанновны, однако, «переполнены рассказами о нарядах,

не любопытными семейными подробностями, пустыми анекдотами, отступлениями и риторическими возгласами» (Императрица Анна Иоанновна 1878. 325). Идея М. И. Семевского вновь вернуться к не столь высоко оцененной им госпоже Рондо связана с его находкой в библиотеке Павловска рукописи, написанной неизвестным автором около 1776-го или 1777 г. с критическими примечаниями к «Письмам». Он дает подробное описание найденной рукописи: «Подлинная рукопись этих примечаний состоит из золотообрезной тетради в 100 страниц, в 8-ю долю листа писчей бумаги, переплетенной в красный сафьян, с оттиснутым на верхней части двуглавым орлом, на груди которого соединение гербов российского и виртембергского; немецкий почерк четкий и довольно крупный; подпись автора J. J. [...] эти весьма любопытные примечания служат существеннейшим дополнением “Писем”, придавая некоторым из них колорит и значение большее нежели им, собственно, принадлежит» (Там же. 326).

В некоторых примечаниях данной рукописи достаточно подробно восстанавливается исторический контекст, касательно наиболее одиозных событий, описанных Джейн Вигор: рассказ о фаворитке Петра I Анне Монс, помолвка Петра II и княжны Долгорукой. Неизвестный автор указывает, что в действительности «она [Екатерина Долгорукая] была назначена в невесты другому князю Долгорукому Юрию Юрьевичу, капитану гвардии, молодому человеку прекраснейших качеств», который являлся ей дальним родственником, поэтому брак был возможен. «Она нежно его любила и если что могло быть причиной ее нерасположения сочетаться браком с императором [...], то это вкоренившаяся уже любовь ее к князю Юрию» (Там же. 326). Также отмечается, что у имперского посланника при дворе Петра II Вратислава, не было брата, «но при посольстве его находились два кавалера, и одного их них звали графом Миллезимо» (Там же). «Он иногда сопровождал посланника во время его посещений отца княжны, или обер-камергера, его

брата, при чем княжна, была воспитана по-иностранному, всегда участвовала в беседе. Граф Миллезимо напрасно принял ответы княжны за выражение горячих чувств к нему, потому что эти ответы надобно отнести к одной вежливости и любезности ее» (Там же). Следовательно влюбленность присутствовала лишь со стороны графа Миллезимо, тогда как Екатерина Алексеевна оставалась к нему равнодушной, и дабы прекратить преследования пылкого влюбленного граф Вратислав был вынужден отправить его в Вену.

Важным достоинством примечаний является попытка восстановить верную хронологию писем. Семевский поясняет, что «в России, со времен Петра Великого (с 1700 г.), гражданский год, [...], начинается с января, при чем принято исчисление по старому стилю. В 1751 г. только три государства в Европе придерживались еще старого стиля, а именно Великобритания, Швеция и Россия. В означенном году, благодаря стараниям графа Честерфильда, Великобритания приняла новый стиль для своего календаря» (Там же. 328).

В предисловии к своей первой статье 1873 г. Семевский лишь констатировал, что, хотя более половины из 37 писем заполнены болтовней, не касающейся ни прямо, ни косвенно России, тем не менее книга леди Рондо содержит изрядное количество важных сведений о царствовании императрицы Анна Иоанновны. Во второй статье Семевский признал, что критические заметки неизвестного немецкого автора послужили существеннейшим дополнением к «Письмам», в некоторых случаях повышая их значение сверх той степени, которой они обладали. Семевский добавляет, что очень старался, но так и не смог выяснить, кем же являлся авторитетный автор примечаний.

Британский историк-русист немецкого происхождения Л. Левенсон выяснил, что Семевский, очевидно, не знал, что еще в 1781 г. И. Бернулли напечатал в первом томе «Сборника коротких рассказов о путешествиях» анонимную рецензию на немецкое издание «Писем» 1775 г. «Некоторые

небольшие несоответствия, которые можно обнаружить, а именно несколько лишних оговорок в переводе Семевского по сравнению со статьей Бернулли, не противоречат, а скорее подтверждают вывод, что мы имеем дело с одним и тем же текстом в обоих случаях, т.к. Бернулли сам прямо отметил, что при редактировании немецкой статьи он сделал несколько незначительных сокращений» (Loewenson 1957. 401–402). В попытках выяснить, какой же все-таки текст попал в руки Семевскому и Бернулли, Левенсон приходит к выводу, что «тот факт, что текст был одним и тем же в обоих случаях, не обязательно означает, что рукопись, сохранившаяся в Павловске, была именно той, которую использовал Бернулли, и, конечно же, не опровергает существование нескольких копий. К сожалению, другие доступные данные столь же неубедительны. [...] Говорят, что немецкая рукопись была написана по желанию великой княгини Марии (будущей императрицы)» (Там же). Сам Бернулли в предисловии говорит, что заметки о письмах леди Рондо были переданы ему в Петербурге, где Бернулли находился с 26 июля по 3 сентября 1778 г. Кроме того, в предисловии упоминается только, что ему не разрешалось раскрывать имя автора, но хотелось бы по крайней мере засвидетельствовать, что автор был выдающимся специалистом, на которого читатель мог бы полностью положиться. Однако в 1787 г., через несколько лет после смерти автора, Бернулли раскрыл в последнем томе «Сборника», что анонимные примечания были сделаны известным историографом Г. Ф. Миллером (1705–1783) (Там же. 402). Таким неожиданным образом разрешился секрет авторства анонимной рукописи с примечаниями, заставившей Семевского поменять свое мнение о письмах госпожи Рондо.

Заключение

Обращаясь к переводам на русский язык «Писем» Дж. Вигор в XIX в., следует отметить, что они привлекли к себе внимание в России гораздо

позднее, чем в Европе и долгое время игнорировались переводчиками. Не в последнюю очередь это было связано с тем, что содержание «Писем» долго недооценивалось в Российской империи, получив ярлык «второстепенного исторического источника». Авторство Миллера, подготовившего рецензию на «Письма» – не единственный факт, связанный с ними, ускользнувший от внимания русских переводчиков и редакторов. В этот список можно добавить и то, что второе английское издание «Писем» 1777 г., хоть и не содержало ничего нового, но также ими постоянно игнорировалось. Еще одним прискорбным обстоятельством стало то, что ни один из русских переводчиков не знал о существовании очень редкой брошюры с дополнительными письмами, опубликованной после смерти г-жи Вигор в 1784 г. В сочетании с примечаниями Г. Ф. Миллера к «Письмам» она значительно дополняет биографические данные и неточности, допущенные в первом издании «Писем», которые не были должным образом проверены перед публикацией. Тем не менее, последовательное появление трех русских переводов «Писем» на протяжении XIX в. свидетельствует о стойком интересе к этому периоду в истории имперского строительства в России, а изыскания К. Н. Бестужева-Рюмина и М. И. Семевского позволили занять данному труду достойное место среди других записок иностранцев о России XVIII в.

Литература

- 1- *Записки леди Рондо. 1729–1740* // Русская старина. Т. VIII. Вып. 7. 1873, с. 40–50.
- 2- *Императрица Анна Иоанновна и ее современники. Пояснения и примечания к «Письмам леди Рондо». Перевод с немецкой рукописи, хранящейся в библиотеке Его Императорского Высочества Государя Великого Князя Константина Николаевича (1878)* // Русская старина. Т. XXI. 1878, с. 325–346.
- 3- Лямина Е. (2015). *Маргиналия к <«Арану Петра Великого»>* / Русско-французский разговорник, или/ ou Les Causeries du 7 Septembre. М. : НЛЮ, с. 306–315.

- 4- *Отрывок из Опыта Истории путешествий по России, составляемого А. О. Корниловичем (1822)* // Сын Отечества. Ч. 78. № 24. Раздел II (Российская история), с. 160–172.
- 5- *Письма леди Рондо (1901)* / Полное собрание сочинений В. Г. Белинского. В 12 т. Т. III / под ред. и с примечаниями С. А. Венгерова. С.-Петербург : в книжном магазине типографии М. М. Стасюлевича, с. 39–40.
- 6- *Письма Леди Рондо, супруги английского министра при российском дворе в царствование императрицы Анны Иоанновны. Перевел с английского Михаил Касторский (1836)*. СПб. : В типографии III. Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярия, 128 с.
- 7- *Письма леди Рондо. Жены английского резидента при русском дворе в царствование императрицы Анны Ивановны (1874)*. С.-Петербург : Типография Скарятина, 298 с.
- 8- *Современник*. 1836. Т. I. С. 308–309 (отдел «Новые книги»).
- 9- Loewenson L. (1957). Lady Rondeau's Letters from Russia (1728–1739), *The Slavonic and East European Review*, Vol. 35, № 85, p. 399–408.
- 10- O'Loughlin K. (2018). *Women, writing, and Travel in the Eighteenth century*. Cambridge : Cambridge University Press, 280 p.
- 11- Vigor J. (1784). *Eleven additional letters from Russia, in the reign of Peter II. By the late Mrs Vigor*. London: J. Dodsley, 88 p.
- 12- [Vigor, Jane] (1775). *Letters from a lady, who resided some years in Russia, to her friend in England, with historical notes*. London : J. Dodsley, 207 p.

Bibliography

- 1- *Zapiski ledi Rondo. 1729–1740* // Russkaja starina. T. VIII. Vyp. 7. 1873, s. 40–50.
- 2- *Imperatrica Anna Ioannovna i eja sovremenniki. Pojasnenija i primechanija k «Pis'mam ledi Rondo»*. *Perevod s nemeckoj rukopisi, hranjashhejsja v biblioteke Ego Imperatorskogo Vysochestva Gosudarja Velikago Knjazja Konstantina Nikolaevicha (1878)* // Russkaja starina. T. XXI. 1878, s. 325–346.
- 3- Ljamina E. (2015). *Marginalija k <«Arapu Petra Velikogo»>* / Russko-francuzskij razgovornik, ili/ ou Les Causeries du 7 Septembre. M. : NLO, s. 306–315.
- 4- *Отрывок из Опыта Истории путешествий по России, составляемого А. О. Корниловичем (1822)* // Сын Отечества. Ч. 78. № 24. Раздел II (Российская история), с. 160–172.
- 5- *Письма леди Рондо (1901)* / Полное собрание сочинений В. Г. Белинского. В 12 т. Т. III / под ред. и с примечаниями С. А. Венгерова. С.-Петербург : в книжном магазине типографии М. М. Стасюлевича, с. 39–40.
- 6- *Письма Леди Рондо, супруги английского министра при российском дворе в царствование императрицы Анны Иоанновны. Перевел с английского Михаил Касторский (1836)*. СПб. : В типографии III. Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярия, 128 с.

- 7- *Pis'ma ledi Rondo. Zheny anglijskago rezidenta pri russkom dvore v carstvovanie imperatricy Anny Ivanovny (1874)*. S.-Peterburg: Tipografija Skarjatina, 298 s.
- 8- *Sovremennik*. 1836. T. I. S. 308–309 (otdel «Novye knigi»).
- 9- Loewenson L. (1957). Lady Rondeau's Letters from Russia (1728–1739), *The Slavonic and East European Review*, Vol. 35, № 85, r. 399–408.
- 10- O'Loughlin K. (2018). *Women, writing, and Travel in the Eighteenth century*. Cambridge : Cambridge University Press, 280 p.
- 11- Vigor J. (1784). *Eleven additional letters from Russia, in the reign of Peter II. By the late Mrs Vigor*. London : J. Dodsley, 88 p.
- 12- [Vigor, Jane] (1775). *Letters from a lady, who resided some years in Russia, to her friend in England, with historical notes*. London : J. Dodsley, 207 p.

HOW TO CITE THIS ARTICLE

Sozinova Ksenia Andreevna (2023). «HISTORY WILL GAIN NOTHING NEW FROM THESE LETTERS»: TRANSLATIONS OF «LADY RONDEAU'S LETTERS» (1728–1739) IN 19TH-CENTURY RUSSIA. *Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka I Literaturny*, 11(2), 147-164.

DOI: 10.52547/iarll.22.8

URL: <https://www.journaliarll.ir/index.php/iarll/article/view/295>

تاریخ بهره‌ای از این نامه‌ها نمی‌برد:
ترجمه‌های «نامه‌های بانو روندو» (۱۷۳۹-۱۷۲۸)
در روسیه سده نوزدهم

کسنیا آندره‌یونا سوزینوا^{*۱}

دانشیار، دانشگاه فدرال ب.ن. یلتسین اورال،
یکاترینبورگ، روسیه.

(تاریخ دریافت: ژانویه ۲۰۲۳؛ تاریخ پذیرش: ژوئیه ۲۰۲۳)

چکیده

در این مقاله تاریخ ترجمه‌های «نامه‌های بانویی که چند سال در روسیه زندگی کرد، به دوستش در انگلستان» (۱۷۷۵) اثر جن ویگور بررسی می‌شود. «نامه‌ها» در سبک غیررسمی نوشته شده‌اند و در بردارندهٔ اپیزودهایی از سال ۱۷۲۹ تا ۱۷۳۹ از وضعیت دربار امپراتریس آننا یوآنونا هستند. این نامه‌ها برای نخستین بار در سال ۱۸۲۲ به روسی ترجمه شد؛ در کل سه ترجمه از آنها انجام شد (۱۸۷۴، ۱۸۳۶، ۱۸۲۲) و تنها ترجمهٔ آخر قرابت زیادی به متن اصلی داشت. شایان ذکر است فقط نخستین نشر «نامه‌ها» به روسی ترجمه شد، در حالی که در سال ۱۷۸۴ در لندن «یازده نامه تکمیلی از روسیه، در زمان حکومت پتر دوم» چاپ شد که از دید ناشران و مترجمان روس مخفی ماند. «نامه‌ها» منبع باارزشی هستند که اطلاعات زیادی از زندگی دربار روسیه در زمان پتر دوم و آننا یوآنونا در بردارند و امکان مقایسه ارزش‌های فرهنگی انگلستان و روسیه را در سطح نخبگان دیپلماتیک فراهم می‌کنند.

واژگان کلیدی: جین ویگور، بانو راندو، آ.ا. کارنیلوویچ، ام.کا. کاستورسکی، ام.ای. سیمیفسکی، ی. پ. کارنوویچ، کا.ان. بستوژف-رومین.

1. E-mail: k.a.sozinova@urfu.ru; <https://orcid.org/0000-0002-6980-5881>

* نویسنده مسئول

نوع مقاله: علمی- پژوهشی

* این مقاله با پشتیبانی مالی بنیاد علمی روسیه نگاهشته شده است. طرح ۲۲-۱۸-۰۰۴۸۸ «بحران ارزش‌ها و استراتژی‌های غلبه: ایده «خیر عمومی» در گفتمان ذهنی بریتانیا و روسیه (۱۷۵۰-۱۶۵۰)».

LANGUAGE PRACTICES AND SYSTEMATIZATION OF INFORMATION ABOUT THE RUSSIAN KINGDOM IN ENGLAND IN THE SECOND HALF OF THE 16th – BEGINNING OF THE 17th CENTURIES

Shpak Georgy Vladimirovich^{1*}

Senior Researcher, The Ural Federal University named
after the first President of Russia B. N. Yeltsin,
Yekaterinburg, Russian.

(date of receiving: January, 2023; date of acceptance: August, 2023)

Abstract

The acquaintance of the British with the Russian kingdom and the building of representative models take place in the second half of the 16th century, when the first trade and diplomatic visits were made and reports and notes of travelers were published. Words from the “Russian” language were recorded in the reports of R. Chancellor, C. Adams, D. Hasse and others. The notebooks of J. Tradescant and Richard James serve as examples of texts of the first quarter of the 17th century, the authors of which were busy systematizing and studying individual elements of the Russian space. R. James compiled a dictionary of Russian words with their translation into English and comments of both socio-political and natural science nature. Words from the Russian language were no less valuable for R. James than the rare animals caught and sent by Tradescant to England, and his dictionary demonstrates the existing in the beginning. 17th century connection between learning a language and understanding the world.

Keywords: Systematization of Knowledge, Language as a Tool of Representation, J. Tradescant, R. James, R. Hakluyt, S. Burrough, Moscow Company.

1. E-mail: geo.shpak@gmail.com: <https://orcid.org/0000-0001-7669-078X> * Corresponding author
Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Lecturer, Russian State University for
the Humanities, Moscow, Russia.

* The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation (project № № 22-18-00488 «The Crisis of Values and the Coping Strategies: the Idea of the “Common Wealth”; in the Intellectual discourse of Britain and Russia (1650–1750)»)

ЯЗЫКОВЫЕ ПРАКТИКИ И СИСТЕМАТИЗАЦИЯ СВЕДЕНИЙ О РУССКОМ ЦАРСТВЕ В АНГЛИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVI – НАЧ. XVII ВВ.

Шпак Георгий Владимирович^{1*}

Старший научный сотрудник, Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б. Н. Ельцина,
Екатеринбург, Россия.

(дата получения: январь 2023 г.; дата принятия: август 2023г.)

Аннотация

Знакомство англичан с Русским царством и выстраивание репрезентативных моделей происходит во второй половине XVI в., когда совершаются первые торговые и дипломатические визиты, публикуются отчеты и записки путешественников. Слова из «русского» языка фиксируются в отчетах Р. Ченслера, К. Адамса, Д. Хассе и др. Тетради Д. Традесканта, и Ричарда Джемса служат примерами текстов первой четверти XVII в., авторы которых заняты систематизацией и изучением отдельных элементов пространства России. Р. Джемс составил словарь русских слов с их переводом на английский и комментариями как социально-политического, так и естественнонаучного характера. Слова из русского языка представляют для Р. Джемса не меньшую ценность, чем пойманные и отправленные Традескантом в Англию редкие звери, а его словарь демонстрирует существовавшую в нач. XVII в. связь между изучением языка и познанием мира.

Ключевые слова: Систематизация Знаний, Язык Как Инструмент Репрезентации, Д. Традескант, Р. Джемс, Р. Хаклюйт, С. Барроу, Московская Компания.

1. E-mail: geo.shpak@gmail.com: <https://orcid.org/0000-0001-7669-078X> * Ответственный автор
Старший научный сотрудник ИВИ РАН, преподаватель РГГУ, Москва, Россия.

* Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда (проект No 22-18-00488 «Кризис ценностей и стратегии преодоления: идея “общего блага” в интеллектуальном дискурсе Британии и России (1650–1750)»).

Введение

Во второй половине XVI в. в Англии происходит коренной пересмотр традиционного представления о географическом устройстве мира. Формируются практики травелографических описаний, расширяется количество территорий, с которыми англичане знакомятся на собственном опыте, что во многом связано с деятельностью торговых компаний, рассчитывающих обогатиться за счет поиска Северо-Восточного и Северо-Западного пути на восток в Персию и Китай. О народах, населяющих мир, их обычаях и языке, сообщают отчеты торговых экспедиций и дипломатических миссий, описания первопроходцев. Эту задачу выполняют и воображаемые путешествия к неизведанным местам, а также утопии, дополняющие картину многомерного и поликультурного мира.

Основная часть

Распространение травелографических описаний и формирование традиции повествования о дальних землях закладывает в Англии выпускник Кембриджа Ричард Иден (1520-1576). Он публикует переводы на английский язык трех из десяти «Декад Нового света», состоящих из писем исследователей и отчетов первопроходцев, впервые изданных итальянцем Пьетро Мартире в 1530 г. Это первый компендиум путешествий, изданный на английском языке. Во введении Иден отмечает, что его перевод осуществлен с целью вдохновить соотечественников совершать дальние плавания по примеру испанцев и португальцев. Его работа действительно окажет большое влияние и впоследствии в 1582 г. Ричард Хаклюйт издаст собственные переводы травелогов под названием «Разнообразные путешествия, касающиеся открытия Америки», а в 1612 г. – оставшуюся часть переводов Р. Идена.

Наибольшее влияние на представление об устройстве мира и в том числе на представление о Московском царстве оказало изданное Р. Хаклюйтом в 1589 г.

собрание путешествий «Главные путешествия, посольства, торговые сношения и открытия английской нации». Именно из собрания Хаклюйта англичане в XVII в. могли получить представление о Московском царстве. Тексты, связанные с деятельностью Московской компании, занимают во втором издании только часть первого тома. Хронологические рамки опубликованных Хаклюйтом путешествий довольно ограничены – от неудачного плавания Хью Уиллоуби (1553) до четвертого путешествия А. Дженкинсона (1571) и небольшой заметки Д. Горсея о возвращении из Москвы в Лондон (1584).

В предисловии ко второму изданию о первопроходцах северных морей Р. Хаклюйт пишет: «В своих северо-восточных исследованиях на море и у берегов Колгуева, Печеры, Югории, Самоедии, Новой Земли и т.д., в прохождении и возвращении через проливы Вайгача, какие ужасные сугробы, горы льда даже в июне, июле и августе, какие страшные водопады, непредсказуемые течения, таинственные туманы и другие опасности подстерегали их на пути. Но я надеюсь, вы скорее узнаете о них из путешествий сэра Хью Уиллоуби, С. Барроу, Артура Пэта и остальных, чем будете ждать здесь их перечисления» (Hakluyt). Путь в Московское царство предстает чередой препятствий и фантастических испытаний – непроходимые льды, таинственные туманы, непредсказуемые течения и пр.

Мир за пределами Европы был в начале XVII в. наделен ореолом *Terra incognita*, но многие прежде невиданные земли уже считались вполне освоенными. Открытиям и изучению мира способствовало развитие торговли. Московское царство согласно перечислению Р. Ченслера могло предложить лосося, треску, масло, меха, лен, коноплю и пр. Вместе с товарами в английский язык проникали и русские слова их обозначающие, но помимо товаров из Московии приходили сведения о растениях и животных, а иногда и их образцы.

Язык для англичан являлся орудием систематизации и подчинения реальности, в том числе колонизации ранее неведомых пространств.

Для описания прежде неведомых объектов путешественники имели два пути – использование аборигенных наименований или изобретение собственных метафор. С. Барроу в 1557 г. дает названия отдельным местам, изобретая новые метафоры. Об одном из островов он говорит: «он не похож на остров, но кажется точно на нем выстроен замок» (*as if it had a castle upon it*), а говоря про отдаленное место пишет: «на нем возвышается нечто черное, похожее на пустую корабельную бочку» (*like an emptie butte standing a head*)» (Burrough).

В отчетах путешественников могло помещаться всего несколько слов «варварского» языка, часто подтверждающих превосходство английской речи, но многие путешествия содержат списки иностранных слов. Подобный список содержит и отчет о путешествии в Уордхаус С. Барроу. По пути он встречает саамов, некоторые из которых, по его словам, владели русским языком: «На закате (*At a West sunne*) прибыли к нам в лодке несколько саамов, числом шестнадцать человек, и среди них было две девки. Некоторые из них могли говорить на русском языке (*the Russe tongue*)» (Burrough). В описании явно чувствуется стремление представить их как нецивилизованных дикарей, противопоставив английским первопроходцам: «Я видел, как они ели мох, так же жадно, как корова ест траву, когда голодна. Также я видел, как они ели сырые яйца и птенцов, которые были в этих яйцах» (Burrough). Он сообщает, что зафиксировал слова из их языка, которые могут пригодиться в дальнейшем путешествии, однако не совсем ясно ассоциировал ли он записываемые латиницей слова с языком русских (говорить о «русском» языке в описываемое время можно весьма условно) или саамов, так как почти все слова можно отнести скорее к финно-угорскому наречью. Список содержит около семидесяти слов, а также числительные. Большинство слов – части тела

или описание человека – мужчина, женщина, дочь, друг, рука, борода и пр., то есть то, что можно показать на месте. Также даны названия явлений, связанных с природой (звезды, солнце, зима, холод), материалы и части одежды (обувь, перчатки, железо, золото и пр.).

Исследователи отмечают, что развитие знаний о регионах мира, способствовало осознанию собственного языка. Возникло представление о наличии в английском языке слов, заимствованных из греческого, латыни и итальянского, что порождало беспокойство, касающееся вторичности английского языка. За время правления Елизаветы Первой «елизаветинцы» открыли художественную силу народного языка, освободив местных писателей от чувства неполноценности (Boring 1979. 131). Заимствование слов становится обычным явлением, но едва ли совершается для расширения языковых границ, скорее путешественники фиксируют слова из других языков в сугубо практических целях.

Инаковость языка часто преподносилась путешественниками как показатель отсталости. Например, в описаниях жителей Нового света она упоминается в одном ряду с другими отрицательными качествами. Отсталые народы говорящие на незнакомом языке занимают промежуточное положение между людьми и животными. Отмечается, что путешественники редко упоминают об использовании переводчиков. Часто англичане и индейцы говорят в описаниях на одном языке, что сигнализирует о неправдоподобности, а точнее о том, что авторов мало интересовала фиксация языковых различий.

Вторая половина XVI в. частично открывает для англичан и язык Русского царства или Московии. По крайней мере путешественники невольно фиксируют названия топонимов и оригинальных явлений, а карты дополняют эти сведения визуальными комментариями, например, карта А. Дженкинсона 1562 г., на которой приведены характеристики отдельных мест, в том числе

исторические и мифопоэтические зарисовки, например на карте сказано: «Cazane Regnum Tartariae fuit Anno 1551 expugnatum ac Imperatori Russiae subiectum» («Казанское ханство было захвачено у Тартарии и включено в состав России в 1551 г.»), «Astracan Tartarorum regnum fuit anno 1554 subactum, ac imperio Russiae adiectum» («Татарская область Астрахань была завоевана и присоединена к России в 1554 г.»). Также на карте изображены лесные полосы, животные, живописные изображения представителей разных народов и мифопоэтические описания, например, рассказ о превращении целого народа в скалы и т.д. Отдельные названия товаров входили в английский язык по месту, из которого их поставляли. Например, шерсть черного ягненка, поставляемая в Англию, получила название *astrakhan*. Карта Дженкинсона содержит и упоминания о языках фиксируемых народов: «Вачины, Черемисы и Мордвины говорят на одном языке, не терпят воровства, используют заклинания при обряде изгнания». Карты позволяют визуализировать территории и наполнить их отдельными характеристиками, а язык является одним из свойств описываемого пространства. Хотя для Дженкинсона задача картографической фиксации языка явно не являлась первостепенной.

От первой экспедиции англичан в Московию в 1553 г. дошла тетрадь Хью Уиллоуби, перевод на английский язык отчета о плавании Ричарда Ченслера «Новое плавание и открытие царства Московии по северо-восточному пути в 1553 г., предпринятое рыцарем сэром Х. Уиллоуби и выполненное Ричардом Ченслором, старшим кормчим плавания» (*Noua Anglorum, ad Moscouitas nauigatio Hugone Willowbeio equite classis praefecto, et Richardo Cancelero Nauarcho*). О языке русских он пишет: «Они учатся только своему родному языку и не терпят никакого другого в своей стране и в своем обществе. Вся их церковная служба происходит на родном языке» (Английские путешественники 1937. 73) Второй капитан судна Р. Ченслера Климент Адамс в сочинении «*Anglorum nauigatio ad Moscovitas*» пишет: «Московия,

называемая также Белой Русью – очень большая и обширная страна (*very large and spacious*), окруженная различными нациями. К югу и востоку граничит с татарами; на севере прилегает к Скифскому Океану; на западе ее населяют лапландцы (*Lapones*), грубый и дикий народ, живущий в лесах, и, чей язык неизвестен другим народам; за ними к югу обитают шведы, потом финны, далее ливонцы, а подле них Литва» (Adams). Язык упоминается им как орудие межкультурной коммуникации. Также как и Ченслер он упоминает, что богослужения проводятся на отечественном языке. Хотя ни Р. Ченслер, ни К. Адамс не приводят словарей слов на подобие того, что дает С. Барроу, тем не менее они вводят в английский язык местные топонимы и некоторые наименования животных. Например, К. Адамс пишет: «В лесах водятся буйволы, медведи, черные волки и неизвестная у нас порода зверей, называемая россомахой (*Rossomakka*)» и «Северная часть России доставляет редкие и драгоценные меха, в том числе и соболей, которых наши дамы так любят носить на шее, также белых, черных и бурых лисиц, меха заячьи, бобровые и других животных, известных под разными варварскими именами (*which they call and terme barbarously*)»¹ (Adams). Записки Адамса содержат и естественнонаучные фрагменты, относимые к разряду *curiosities*. Например, он приводит историю о том, что в Уральских горах, по представлению древних, обитают чудовища, порожденные фантазией греков, однако никаких подтверждений этому не находит. В оригинале сказано, что побывавшие и прожившие там три месяца англичане не встречали никаких упоминаний о чудовищах, хотя за это время неплохо освоили язык московитов (*had gotten in that time some intelligence of the language of Moscovie*) (Adams).

От первого знакомства англичан с Москвией осталось также упоминание номиналов монет, мер веса и единиц измерений, составленное Джонном Хассе

1. В издании «Первое путешествие англичан в Россию в 1553 году // Журнал министерства народного просвещения, Часть 20. № 10. 1838» варварскими переведено как «скифскими».

(Hasse): «Ввиду того, что всем торговцам, желающим вести торговлю в каких-либо чужих краях, крайне необходимо сначала ознакомиться с монетами тех земель, с которыми они намерены заниматься торговлей, и с тем, как они называются по номиналу от высшего до самого низкого, и каким образом они делают свои одежды, а также каковы их общие веса и меры, по этим причинам я счел целесообразным написать кое-что об этом, исходя из моих собственных знаний и опыта, с тем чтобы участники этого нового предприятия (*new adventure*) могли лучше понять, как увеличить их богатство (*the wealth of that new frequented trade*)» (Hasse). Далее он показывает систему наименований, позволяющую ориентироваться при торговых операциях: «как мы в Англии говорим: полпенни, пенни, шиллинг и фунт, так они говорят: полденьги, деньга, алтын и рубль (*Poledenga, Denga, Altine and Rubble*). Две полденьги равны деньге, шесть денег равны алтыну, двадцать три алтына и две деньги равны рублю» (Hasse). Также он пытается разобраться в мерах веса и других измерениях, но чувствуется, что далеко не всегда ему это удается успешно: «У них также есть мера, которой они измеряют свой хлеб, которую они называют сетфортом (*Setforth*), а половину этого сетфорта - осминой (*Osmine*): я беру этот сетфорт за три лондонских бушеля. А что касается их меры для питья, они называют ее спанне (*Spanne*), которая очень похожа на ведро, и я никогда не видел ее истинной нормы, а только что одна была больше, чем другая» (Hasse).

Подробный разбор русских слов в английских источниках XVI в. приводит в двух статьях Х. Лиминг. Он выделяет следующие группы слов: административная, правовая и социальная терминология (напр.: бесчестие, боярство, господарь, дворец, вотчина); религиозная терминология (напр.: благовест, Бог, вечерня, грех, игумен, молитва); названия животных (напр.: аргамак, барс, белуга, горностаи, лось морж) и военные термины (Leeming 1968), а также разновидности одежды (напр.: жупан, кафтан, колпак, летник, армяк, портки, шуба); еды (напр.: арбуз, березовица, брага, вишневый мед,

дыня, квас, пшеница, сухарь); топонимы; номиналы монет и меры веса; термины, связанные с торговлей и «другое» (напр.: аптека, докторица, кабак, карлик, колымага, коробья, корчма, лучина, толмач) (Leeming 1969).

Несмотря на обилие сведений, оставленных участниками Московской компании, в историографии середины XX в. устоялось представление, что Московское царство воспринималось исключительно как варварское и тираническое: «Разрыв между русской культурой, с одной стороны, и культурой народов Западной Европы, с другой, был в этот период настолько велик, что западным людям почти невозможно было найти что-либо достойное восхищения в русской цивилизации. Кроме того, их отчеты не содержат указаний на то, что западные писатели считали культуру русских, несмотря на ее грубость и примитивность, обладающей оригинальными чертами и способной со временем превратиться во что-то стоящее; скорее, они рассматривали ее просто как сильно ухудшенную версию византийской цивилизации» (Cook 1959. 408-409). Джон Кук утверждал, что, «западноевропейцы» полагали, что у русских совершенно отсутствует культура, науки и искусства из-за отсутствия начального образования, а также нет никакой литературы. Он видит две причины тому, что европейцы не были знакомы с русской литературой. Первая, по его словам, заключается в отсутствии «формальной русской литературы» до конца XVII века, «до этого существовали только религиозные произведения и народные сказки, практически ни одно из которых даже не было записано» (Cook 1959. 408). А вторая – отсутствие понимания русского языка. При этом автор сам осознает некоторую противоречивость своей трактовки и пишет, как о парадоксе о том, что «хотя западноевропейцы почти ничего не знали о литературе русских, у некоторых из них возник большой интерес к русскому языку» (Cook 1959. 409). Также, по его словам, путешественники не могли установить происхождение русского языка: «в популярных отчетах, авторы соглашались,

что русский язык был славянским языком, но некоторые подчеркивали его сходство с польским, а другие утверждали, что различия между этими двумя языками значительны» (Cook 1959. 409).

При этом мы видим интерес, проявляемый англичанами к русской культуре. И интерес этот во многом связан с исповедуемым в Русском царстве христианством и исламом, описания которых могли принимать самые необычные формы. Например, Джайлс Флетчер, побывавший в Московии с миссией в 1588-1589 гг., издаст после своего возвращения в Англию трактат «Израильское возрождение: или восстановление евреев», в котором сообщает, что «Нынешние татары, живущие у Каспийского моря, являются потомками десяти колен Израиля». Он называет татар «скифскими пастухами», а также «русскими» и для подтверждения своих тезисов приводит такие доказательства как практику обрезания, которая приписывалась и индейцам Нового Света (Shvarts 2004. 33). Интерес выражался и в виде признания своеобразия языка. Например, Д. Горсей в обращении к сэру Фрэнсису Уолсингему отмечал, что, «имея некоторые познания в греческом», достиг за короткое время «понимания и свободного использования их разговорной речи» и что «славянский язык – самый обильный и изящный язык в мире» близкий к «польскому, литовскому, языку Трансильвании и всех соседних земель; он может служить также в Турции, Персии, даже в известных ныне частях Индии и т.д.» (Горсей 1990). Д. Горсей, с перерывами пребывавший в Московии в 1573–1591 гг. как и многие европейцы признает сходство русского языка с греческим, но мало кто из них пытался определить время его возникновения. Тем не менее такие попытки предпринимаются, например английский антикварий Эдвард Бривуд (1565-1613 гг.) в труде о мировых языках и религиях отмечал, что русский алфавит подобен алфавиту сербов, болгар и некоторых других балканских народов, и причина этого в том, что в девятом веке византийский миссионер Кирилл, взяв за основу греческий

алфавит, изобрел, так называемую, старославянскую или церковнославянскую письменность для всех этих народов (Breerewood 1635. 58-59).

Несмотря на разнообразие работ, касающихся культуры московского царства, в историографии можно встретить следующие утверждения: «русские казались англичанам, как и всем западноевропейским наблюдателям того периода, народом, который жил и двигался скорее инстинктом и аппетитом, чем интеллектом и разумом» (Anderson 1954. 146). М.С. Андерсон тут же противоречит себе, утверждая, что «такие путешественники, как Дженкинсон и такие дипломатические агенты, как Горсей и Флетчер, своими описаниями страны подняли к концу XVI века уровень знаний о России и русском народе в Англии, который, со всеми его многочисленными ограничениями, превосходил существующий в любой другой европейской стране» (Anderson 1954. 140). Выходит, англичане интересовались Московским царством как ни один другой европейский народ и в то же время считали его бескультурным и варварским. Причина подобных исторических парадоксов проста – малочисленность опубликованных источников. М.С. Андерсон отмечает, что англичане могли узнать о России из нескольких книг, привезенных Ричардом Ли, Джоном Мериком и Д. Горсеем, и говорит, что «такие скудные ресурсы не могли дать основу для каких-либо реальных знаний о России», а первой публикацией по русскому языку он называет учебник Х.М. Лудольфа «Grammatica Russica» (1694 г.). Он не упоминает о словаре Марка Ридли, который будет опубликован Г. Стоуном только в 1996 г. Издание Стоуна основано на трех списках рукописей М. Ридли – русско-английском и двух англо-русских словарях. Рукописи заканчиваются тематическими списками лексики, содержащими названия птиц и растений, а также список рыб и список названий болезней, отражающих особый интерес Ридли, служившего придворным лекарем при дворе Федора Иоанновича. Б.А. Успенский упоминает не комментируемое в издании Стоуна восьмистраничное описание

русского языка, являющееся, по всей вероятности, первым из известных изданием русской грамматики. Ридлей различает «русские» и «славянские» буквы: «русские буквы восходят к славянским, подобно тому, как славянские буквы восходят к греческим: *«The Rousse Alphabet consisteth of 41. letters, wch ar borrowed from the Slavonian who had most of them from the Greekes»* (Успенский. 1997).

Еще два значимых текста, относимых к первой четверти XVII в. – тетради Д. Традесканта и Р. Джемса, которые не были опубликованы при жизни авторов. Только в XIX в. их удалось обнаружить и частично опубликовать И.Х. Гамелю. Словарь же Р. Джемса будет издан Б.Н. Лариным только в 1959 г.

Джон Традескант отправился в Русское царство в 1618 г. для изучения местной флоры и фауны, сбора семян, шкур и пр. В тетради он отмечает свои встречи с неизвестным, то есть не имеющим словесного обозначения: «Также в ночь на понедельник странная птица прилетела к нам и была поймана живой и отдана мне на сохранение, но умерла через два дня в шестидесяти лигах от берега. Птиц подобных этой мне прежде встречать не доводилось, и я решил сохранить ее» (Гамель 1885-89. 1. 131). Традескант описывает флору и фауну, сохраняя по возможности шкуры и семена и отправляя редкие экземпляры домой: «Мне уже не терпелось скорее пристать к берегу, хотя это было не просто. Когда мы пристали, я увидел множество ягод, похожих на землянику, но с янтарным отливом и другой формой листьев. <...> Несколько ягод я отправил показать домой. Несколько - высушил, чтобы получить семена, которые после отправил Робиэнсу в Париж» (Гамель 1885-89. 1. 135).

Схожие описательные практики представлены в тексте Ричарда Джемса, посетившего Русское царство в 1618–1619 гг. Пояснения к словам, приводимые в словаре Джемса, показывают, какое значение для автора имела фиксация слов и образов живой природы. Слова русского языка в данном контексте представляют для автора не меньшую ценность, чем пойманные и

отправленные Градескантом в Англию образцы неизвестных зверей. Джемс описывает виды рыб и птиц, пытаясь словами отразить максимальное количество их характеристик: «Нельма – двинская рыба с раздвоенным хвостом, как у семги, схожая с нею и в других свойствах, но по вкусу она напоминает леща» (Ларин 1959. 94). В дело идет даже упоминание вкуса, который, как и аромат считался в Англии XVII в. важным описательным критерием.

Заключение

Фиксируемые путешественниками слова, как экзотические звери трансформируют границы, открывая новые уровни ранее неизведанных пространств, служа в тоже время инструментами идеологического манипулирования, закрепляя за носителями языков черты цивилизованности или варварства. Необходимо рассматривать практику фиксации слов в более широком контексте британской травелогографии раннего Нового времени, а также учитывать значение слов в эпоху, когда философы в Англии все еще спорили о возможности воссоздания языка, на котором говорили Адам и Ева.

Литература

- 1- Adams C. *The newe Navigation and discoverie of the kingdome of Moscovia, by the Northeast, in the yeere 1553. Enter prised by Sir Hugh Willoughbie knight, and perfourmed by Richard Chancellor Pilot major of the voyage. Written in Latine by Clement Adams / The Principal Navigations, Voyages, Traffiques, and Discoveries of The English Nation.* Vol. 1. URL: <https://www.perseus.tufts.edu/hopper/text?doc=Perseus%3Atext%3A1999.03.0070%3Anarrative%3D49> (Accessed: 5 December 2022).
- 2- Anderson M.S. (1954). *English Views of Russia in the 17th Century // The Slavonic and East European Review*, Vol. 33, No. 80, pp. 140–60.
- 3- Boring W.C. (1979). *English Literature of Exploration. Discovery, and Travel as Genre: 1509–1625.* New York University. 439 p.

- 4- Brerewood E. (1635). *Enquiries Touching the Diversity of Languages and Religions through the Chiefe Parts of the World*. London : John Norton. 203 p.
- 5- Burrough S. *The voyage of the foresaid M. Stephen Burrough, An. 1557. from Colmogro to Wardhouse, which was sent to seeke the Bona Esperanza, the Bona Confidentia, and the Philip and Mary, which were not heard of the yeere before / The Principal Navigations, Voyages, Traffiques, and Discoveries of The English Nation*. Vol. 1. URL: <https://www.perseus.tufts.edu/hopper/text?doc=Perseus%3Atext%3A1999.03.0070%3Anarrative%3D85> (Accessed: 10 November 2022).
- 6- Cook J.Q. (1959). *The Image of Russia in Western European Thought in the Seventeenth Century / A Thesis Submitted to the Graduate Faculty of the University of Minnesota*. 497 p.
- 7- Hakluyt R. *A preface to the Reader / The Principal Navigations, Voyages, Traffiques, and Discoveries of The English Nation*. Vol. 1. URL: <https://www.fulltextarchive.com/book/The-Principal-Navigations-Voyages-Traffiquesx5228/> (Accessed: 3 December 2022).
- 8- Hall C. *The first Voyage of M. Martine Frobisher, to the Northwest, for the search of the straight or passage to China, written by Christopher Hall, Master in the Gabriel, and made in the yeere of our Lord 1576*. URL: <http://www.perseus.tufts.edu/hopper/text?doc=Perseus%3Atext%3A1999.03.0070%3Anarrative%3D602> (Accessed: 15 December 2022).
- 9- Hasse J. *The coines, weights and measures used in Russia, written by John Hasse, in the yere, 1554*. URL: <https://www.perseus.tufts.edu/hopper/text?doc=Perseus%3Atext%3A1999.03.0070%3Anarrative%3D66>. (Accessed: 22 December 2022).
- 10- Leeming, H. (1968). *Russian Words in Sixteenth-Century English Sources // The Slavonic and East European Review*, vol. 46, no. 106, P. 1-30
- 11- Leeming, H. (1969). *Russian Words in Sixteenth-Century English Sources // The Slavonic and East European Review*, vol. 47, no. 108, P. 11-36.
- 12- Shvarts E. (2004). *Putting Russia on the Globe: the Matter of Muscovy in Early Modern English Travel Writing and Literature / A Dissertation Submitted to the Department of English and the Committee on Graduate Studies of Stanford University*. 309 p.
- 13- Адамс К. (1826). *Первое путешествие англичан в Россию, описанное Климентом Адамом, другом Чанселера, капитана сей экспедиции, и посвященное Филиппу, королю английскому // Отечественные записки*. Ч. 28, No. 78. С. 84–103.
- 14- *Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке* (1937). пер. Ю.В. Готье. Москва : Соцэкгиз. 308 с.
- 15- Гамель И.Х. (1865–1869). *Англичане в России в XVI–XVII вв.: Ч. 1–2*. Санкт-Петербург. Ч. 1.

- 16- Горсей Д. (1990). *Записки о России. XVI – начало XVI в.* М. : Изд-во МГУ, 1990. 288 с.
- 17- Ларин Б.А. (1959). *Русско-английский словарь-дневник Ричарда Джемса (1618–1619)*. Л. : Изд- во Ленингр. ун- та.
- 18- Успенский Б.А. (1997). *Доломоновские грамматики русского языка (Итоги и перспективы)* // Успенский Б. А. Избранные труды. Том III: Общее и славянское языкознание. М. : Языки русской культуры. С. 437-573.

Bibliography

- 1- Adams C. *The newe Navigation and discoverie of the kingdome of Moscovia, by the Northeast, in the yeere 1553. Enter prised by Sir Hugh Willoughbie knight, and perfourmed by Richard Chancelor Pilot major of the voyage. Written in Latine by Clement Adams / The Principal Navigations, Voyages, Traffiques, and Discoveries of The English Nation.* Vol. 1. URL: <https://www.perseus.tufts.edu/hopper/text?doc=Perseus%3Atext%3A1999.03.0070%3Anarrative%3D49> (Accessed: 5 December 2022).
- 2- Anderson M.S. (1954). *English Views of Russia in the 17th Century* // *The Slavonic and East European Review*, Vol. 33, No. 80, pp. 140–60.
- 3- Boring W.C. (1979). *English Literature of Exploration. Discovery, and Travel as Genre: 1509–1625*. New York University. 439 p.
- 4- Brerewood E. (1635). *Enquiries Touching the Diversity of Languages and Religions through the Chiefe Parts of the World*. London : John Norton. 203 p.
- 5- Burrough S. *The voyage of the foresaid M. Stephen Burrough, An. 1557. from Colmogro to Wardhouse, which was sent to seeke the Bona Esperanza, the Bona Confidentia, and the Philip and Mary, which were not heard of the yeere before / The Principal Navigations, Voyages, Traffiques, and Discoveries of The English Nation.* Vol. 1. URL: <https://www.perseus.tufts.edu/hopper/text?doc=Perseus%3Atext%3A1999.03.0070%3Anarrative%3D85> (Accessed: 10 November 2022).
- 6- Cook J.Q. (1959). *The Image of Russia in Western European Thought in the Seventeenth Century / A Thesis Submitted to the Graduate Faculty of the University of Minnesota*. 497 p.
- 7- Hakluyt R. *A preface to the Reader / The Principal Navigations, Voyages, Traffiques, and Discoveries of The English Nation.* Vol. 1. URL: <https://www.fulltextarchive.com/book/The-Principal-Navigations-Voyages-Traffiquesx5228/> (Accessed: 3 December 2022).
- 8- Hall C. *The first Voyage of M. Martine Frobisher, to the Northwest, for the search of the straight or passage to China, written by Christopher Hall, Master in the Gabriel, and made in the yeere of our Lord 1576*. URL: <http://www.perseus.tufts.edu/hopper/text?doc=Perseus%3Atext%3A1999.03.0070%3Anarrative%3D602> (Accessed: 15 December 2022).

- 9- Hasse J. *The coines, weights and measures used in Russia, written by John Hasse, in the yere, 1554.* URL: <https://www.perseus.tufts.edu/hopper/text?doc=Perseus%3Atext%3A1999.03.0070%3Anarrative%3D66>. (Accessed: 22 December 2022).
- 10- Leeming, H. (1968). *Russian Words in Sixteenth-Century English Sources* // The Slavonic and East European Review, vol. 46, no. 106, P. 1-30
- 11- Leeming, H. (1969). *Russian Words in Sixteenth-Century English Sources* // The Slavonic and East European Review, vol. 47, no. 108, P. 11-36.
- 12- Shvarts E. (2004). *Putting Russia on the Globe: the Matter of Muscovy in Early Modern English Travel Writing and Literature* / A Dissertation Submitted to the Department of English and the Committee on Graduate Studies of Stanford University. 309 p.
- 13- Adams K. (1826). *Pervoe puteshestvie anglichan v Rossiju, opisannoe Klimentom Adamom, drugom Chanselera, kapitana sej jekspedicii, i posvjashhennoe Filippu, korolju anglijskomu* // Otechestvennye zapiski. Ch. 28, No. 78. S. 84–103.
- 14- *Anglijskie puteshestvenniki v Moskovskom gosudarstve v XVI veke* (1937). per. Ju.V. Got'e. Moskva : Sojtekiz. 308 s.
- 15- Gamel' I.H. (1865–1869). *Anglichane v Rossii v XVI–XVII vv.*: Ch. 1–2. Sankt-Peterburg. Ch. 1.
- 16- Gorsej D. (1990). *Zapiski o Rossii. XVI – nachalo XVI v.*, M. : Izd-vo MGU, 1990. 288 s.
- 17- Larin B.A. (1959). *Russko-anglijskij slovar'-dnevnik Richarda Dzhemsa (1618–1619)*. L. : Izd- vo Leningr. un- ta.
- 18- Uspenskij B.A. (1997). *Dolomonosovskie grammatiki russkogo jazyka (Itogi i perspektivy)* // Uspenskij B. A. Izbrannye trudy. Tom III: Obshhee i slavjanskoe jazykoznanie. M. : Jazyki russoj kul'tury. S. 437-573.

HOW TO CITE THIS ARTICLE

Shpak Georgy Vladimirovich (2023). LANGUAGE PRACTICES AND SYSTEMATIZATION OF INFORMATION ABOUT THE RUSSIAN KINGDOM IN ENGLAND IN THE SECOND HALF OF THE 16th – BEGINNING OF THE 17th CENTURIES. *Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka I Literaturny, 11(2)*, 165-182.

DOI: 10.52547/iarll.22.9

URL: <https://www.journaliarll.ir/index.php/iarll/article/view/299>

کاربردهای زبانی و نظام‌مندسازی اطلاعات دربارهٔ حکومت تزاری روسیه در انگلستان در نیمه دوم سده شانزدهم و آغاز سده هفدهم

گی‌اورگی ولادیمیروویچ شپاک^{*1}

پژوهشگر ارشد، دانشگاه فدرال ب.ن. یلتسین اورال،
یکاترینبورگ، روسیه.

(تاریخ دریافت: ژانویه ۲۰۲۳؛ تاریخ پذیرش: اوت ۲۰۲۳)

چکیده

آشنایی انگلیسی‌ها با حکومت تزاری روسیه و ایجاد مدل‌های نماینده در نیمه دوم سده شانزدهم، هم‌زمان با نخستین دیدارهای تجاری و دیپلماتیک و چاپ گزارش‌ها و نوشته‌های مسافران شکل گرفت. کلماتی از زبان روسی در گزارش‌های ر. چنسلر، ک. آدامس، د. خاسه و غیره درج شده‌اند. دفترهای د. ترادسکانت و ریچارد جمس را می‌توان نمونه‌هایی از متون ربع اول سده هفدهم دانست که مؤلفان آنها به نظام‌مندسازی و مطالعه المان‌های ویژه روسیه پرداخته‌اند. ر. جمس فرهنگی از واژه‌های روسی با ترجمه آنها به انگلیسی و توضیح و تفسیر اجتماعی-سیاسی و همچنین علوم طبیعی تدوین کرد. فرهنگ تدوین شده جمس ارزش کمتری از حیوانات وحشی کمیابی که ترادسکانت به انگلستان فرستاد، ندارند؛ فرهنگ لغت وی نشان‌دهنده ارتباط بین مطالعه زبان و شناخت جهان در ابتدای سده هفدهم است.

واژگان کلیدی: نظام‌مندسازی داده‌ها، زبان به عنوان ابزار نماینده، د. ترادسکانت، ر. جمس، ر. خاکلیویت، بارو، س. بارو، شرکت روسی.

* نویسنده مسئول E-mail: geo.shpak@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0001-7669-078X>

نوع مقاله: علمی-پژوهشی

* این مقاله با پشتیبانی مالی بنیاد علمی روسیه نگاشته شده است. طرح ۰۰۴۸۸-۱۸-۲۲ «بحران ارزش‌ها و استراتژی‌های غلبه: ایده «خیر عمومی» در گفتمان ذهنی بریتانیا و روسیه (۱۷۵۰-۱۶۵۰)».

ABOUT THE RATIO OF PREDICATIVE AND FULL PARTICIPIAL FORMS OF RUSSIAN VERBS AND THE METHOD OF THEIR TRANSMISSION INTO PERSIAN

Mehrabi Qaysar^{1*}

Assistant professor at the Department of Russian Language, Faculty of Literature,
Alzahra University,
Tehran, Iran.

(date of receiving: December, 2022; date of acceptance: June, 2023)

Abstract

The predicative forms of the verb and participle, when functioning in the text, represent a certain set that the language needs to ensure its communicative task. The article deals with the problem of interchangeability of syntactic constructions with homogeneous verb forms (participial and predicative) in Russian and their equivalents in Persian. The functional dependence of the transformational potential of participial constructions on the contextual conditions of their use is also established, as a result of which a picture of possible Persian equivalents of the real and passive forms of Russian participles with a variety of their uses emerges. The implementation of transformational substitution of participles with predicative forms of verbs in lessons of Russian as a foreign language helps students to better understand the meaning of participles and participial phrases, and thereby it becomes possible for them to better understand the grammatical meaning of the original construction.

Keywords: Russian, Persian, Participial Constructions, Predicative Constructions, Synonymic Relations, Russian as a Foreign Language, Comparative Studies

1. E-mail: qmehrabi@alzahra.ac.ir, <https://orcid.org/0000-0001-9150-0091> * Corresponding author

О СООТНОШЕНИИ ПРЕДИКАТИВНЫХ И ПОЛНЫХ ПРИЧАСТНЫХ ФОРМ РУССКИХ ГЛАГОЛОВ И СПОСОБА ИХ ПЕРЕДАЧИ НА ПЕРСИДСКИЙ ЯЗЫК

Мехраби Кесарь^{1*}

Старший преподаватель, кафедра русского языка, факультет литературы,
Университет Аль-Захра,
Тегеран, Иран.

(дата получения: декабрь 2022 г.; дата принятия: июнь 2023г.)

Аннотация

Предикативные формы глагола и причастия при функционировании в тексте представляют собой некоторое множество, в котором язык нуждается для обеспечения своей коммуникативной задачи. В статье рассматривается проблема взаимозаменяемости синтаксических конструкций с разнородными глагольными формами (причастными и предикативными) в русском языке и их эквивалентами в персидском. Устанавливается также функциональная зависимость трансформационного потенциала причастных конструкций от контекстуальных условий их употребления, в результате чего вырисовывается картина возможных персидских эквивалентов действительных и страдательных форм русских причастий с самыми разными их употреблениями. Осуществление трансформационной замены причастий предикативными формами глаголов на уроках по обучению РКИ помогает студентам лучше понять смысл причастий и причастных оборотов и тем самым им становится возможно лучше понять грамматическое значение исходной конструкции.

Ключевые слова: Русский Язык, Персидский Язык, Причастные Конструкции, Предикативные Конструкции, Синонимические Отношения, РКИ, Компаративистика.

1. E-mail: qmehrabi@alzahra.ac.ir, <https://orcid.org/0000-0001-9150-0091> * Ответственный автор

Введение

В вузах Ирана на уроках русского языка принято переводить «Причастие» как *صفت فعلی* (дословно: глагольное прилагательное), что означает сочетание двух частей речи «глагола + имени прилагательного» в одном слове. Однако такое понимание этой эксклюзивной гибридной части речи нужно рассматривать более тщательно в переведенных текстах русской художественной литературы на фарси (предпочтительно непосредственно переведенных с русского языка – без языка-посредника).

Проблема взаимоотношений атрибутивных и предикативных форм глагола в русском языке вызывает у исследователей много вопросов. Значительная часть дискуссионных вопросов в этом отношении проявляется в «расширении грамматического (а иногда и семантического) содержания причастных групп при функционировании их на уровне текста» (Волынец 1992. 43). В выражении отношений между субъектом, объектом и действием участвуют не только предикативные формы глагола, но и формы причастий. На первый взгляд, кажется, что особых отличий между употреблением глагола и образованной от него причастной формы нет. Однако залоговые характеристики причастий на уровне текста претерпевают существенные изменения, что выявляется при трансформационной замене атрибутивной конструкции предикативной.

Причастия, как и предикативные формы глагола, также обладают двумя залогами – действительным и страдательным. Как в личных и инфинитивных глагольных формах, так и в причастиях формы действительного залога указывают на то, что определяемое лицо или предмет выступают в качестве производителя действия, а формы страдательного залога указывают на то, что определяемое лицо или предмет подвергаются действию, обозначаемому глаголом. Однако между страдательными формами причастий и личными формами существует различие: «страдательные формы причастий

теоретически возможны у всех переходных глаголов, в то время как личные и инфинитивные страдательные формы образуются, как правило, лишь у переходных глаголов несовершенного вида» (Милославский 1981. 226).

Цель нашего исследования – представить посредством трансформации в предикативные формы информационно значимые характеристики причастных форм при их переводе на фарси и показать их эксклюзивное место среди русских частей речи путём перевода.

Материал для исследования мы выбирали методом сплошной выборки, это примеры из художественной литературы – произведений А. Чехова («Драма на охоте»; перевод Олега Хачатурьяна) и М. Булгакова («Четыре портрета» и «Золотые корреспонденции Ферапонта Ферапонтовича Капорцева»; перевод Махназ Садри), переведенных с русского языка на фарси.

Функциональный подход к интерпретации русских причастий и их персидских эквивалентов намечен в исследованиях, однако системное описание текстовой реализации категориальных залоговых значений путём сопоставления практически отсутствует. Этим объясняется актуальность нашего исследования.

Основная часть

Синонимические отношения между синтаксическими конструкциями с разнородными глагольными формами (причастными, с одной стороны, и предикативными – с другой) издавна привлекает внимание исследователей (М.В. Панов, А.А. Камынина, О.Е. Иванова, Н.М. Лисина, Г.Ю. Вострецова, Г.А. Золотова, Т.Н. Волынец и др.). Способность замещения причастных форм предикативными (типа *играющий на рояле мальчик* → *мальчик, который играет на рояле*) создает представление об их абсолютной синонимичности и трансформируемости. Однако на текстовом уровне такое представление разрушается, поскольку причастная форма оказывается связанной с другими

языковыми единицами и под их влиянием нередко теряет свои трансформационные возможности. Трансформационные отношения, устанавливаемые между причастиями и предикативными формами глаголов – это единственный показатель возможностей языковой системы, при помощи которого, анализируя данные отношения, можно понять суть значения грамматических и семантических категорий, функционирующих в составе синтаксических конструкций.

В современном русском языке грамматическая категория залога оформляет устанавливаемые говорящим субъект и предикат суждения. Говорящий приписывает носителю предикативного признака соответствующий предикативный признак в соответствии с залоговыми моделями, предоставляемыми системой языка. И дело даже не в том, что одну и ту же ситуацию можно представить с разных точек зрения (чаще всего представляют актив / пассив), смысл предикативности заключается в выборе говорящим одной типизированной модели, наиболее подходящей для языкового выражения ситуации реального мира. Другой вопрос, который стал поводом для научных дискуссий среди русских лингвистов, знание того, что в образовании залоговых форм как в морфологии, так в синтаксисе, какая форма залогов является исходной? П.А. Лекант считает, что при образовании залоговых форм исходной является форма действительного залога, от которой образуются формы страдательного залога. При этом характер образования формы страдательного залога зависит от вида глагола и типа глагольной словоформы (спрягаемая она или атрибутивная) (Лекант 2001. 324).

В системе полных причастий залоговые формы противопоставляются друг другу более формально и ярко, чем в системе финитных глагольных форм, полные страдательные причастия также способны образовывать пассивную конструкцию и, следовательно, тоже входят, по образному выражению В.В. Виноградова, в «клубок» русских залоговых проблем. Полные причастия не

выступают в предикативной позиции, но «если и выступают в предикативной позиции, то, как правило, в сочетании либо с полужнаменательными глаголами (*казаться / показаться, отказаться / отказываться, стать / становиться, остаться / оставаться*), либо с глаголами, обозначающими существование, движение, восприятие» (Богданов 2007. 526).

Причастие определяется как атрибутивная форма глагола, которая по морфологическим значениям и по образованию противопоставляется предикативным (спрягаемым) формам глагола. «Атрибутивные формы глагола <...> совмещают в себе значения двух частей речи: причастия – значения глагола и прилагательного (то есть значения действия и собственно определительное) <...> Атрибутивные формы глагола вместе с его предикативными формами и инфинитивом образуют глагольную парадигму <...> Причастие – это атрибутивная форма глагола, в которой совмещаются значения двух частей речи: глагола и прилагательного, то есть значения действия и собственно определительное: *горящий (костер), пронизывающий (ветер), потрескавшаяся (земля), опаленное (знаное лицо), запертые (двери)* (Русская Грамматика 1980. 665). В русистике точка зрения, определяющая причастие как форму глагола, является господствующей, что отразилось в различных учебниках и учебных пособиях, как школьных, так и вузовских (разумеется, мы приводим только малую часть примеров определения причастия): «Причастие – это форма глагола, которой присущи признаки глагола и признаки имени прилагательного, поэтому причастия иногда называют отглагольными прилагательными» (Галкина-Федорук 1964. 178). «Причастие следует рассматривать как форму глагола <...> в основе противопоставления причастий личным формам глагола лежит номинативный элемент значения. Личные формы фиксируют действие как предикат, а причастие – не как предикат, но как признак. То, что причастие обладает морфологическими категориями рода и падежа, не мешает считать причастие глагольной

словоформой» (Милославский 1981. 225–226) <...> И причастие, и спрягаемые формы глагола входят в одно слово: глагол. Они позиционно распределены. Причастия непосредственно зависят в своих изменениях от существительного. Спрягаемые формы зависят от местоимений – подлежащих. Таким образом, они позиционно чередуются. Имеют право быть в пределах одного слова (Панов 1999. 118). Причастие – атрибутивная глагольная форма, сочетающая категориальные свойства глагола и прилагательного (Костомаров, Максимов 2003. 475). Несмотря на то, что точка зрения на причастие как на «особую» форму глагола была высказана в большинстве изданий учебной и справочной литературы, имеются и альтернативные точки зрения на грамматическую природу причастия, эта точка зрения высказана и в изданиях учебной литературы В.В. Бабайцевой: «причастие – самостоятельная часть речи, которая обозначает признак предмета по действию, объединяет в себе свойства глагола и прилагательного» (Бабайцева 2003. 173).

Как известно, залоговая коррелятивность глагольных форм выявляется при соблюдении следующих условий: а) в активной и пассивной конструкциях должна отражаться одна и та же коммуникативная ситуация, но с разным коммуникативным статусом её участников; б) в активной конструкции центральную грамматическую позицию подлежащего должен занимать субъект действия, в пассивной же на синтаксическое место субъекта действия перемещается объект (Богданов 2007. 431).

При переводе причастий, ввиду отсутствия такой самостоятельной части речи в персидском языке, переводчики употребляют соответствующий глагол, который, как раз, появляется при трансформации. Однако есть и случаи, когда перевод грамматически полностью отличается от той формы, которую встречаем в исходной или преобразованной конструкции. Причастный оборот или одиночное причастие в большинстве случаев соотносимы по смыслу с глаголом, от которого образовано причастие. Информационно значимыми

характеристиками переведенных на персидский русских причастий при текстовой интерпретации, на наш взгляд, являются следующие: а) наличие / отсутствие трансформационных отношений с предикативными формами глаголов; б) характер качественных изменений, происходящих внутри причастных форм под влиянием строевых компонентов текста.

Модификация категориальных залоговых значений наблюдается в текстах различных стилистических систем и встречается как у действительных, так и у страдательных причастий. На этом основании мы установили, что: а) действительные причастные формы, включённые в текст, могут быть семантическими и грамматическими коррелятами предикативных форм: 1) образующих возвратных и невозвратных глаголов (атрибутивные формы), 2) адъективированных причастий (адъективация), 3) субстантивированных причастий (субстантивация); б) полные страдательные причастные формы, включённые в текст, могут быть семантическими и грамматическими коррелятами предикативных форм: 1) образующих возвратных и невозвратных глаголов (атрибутивные формы), разворачиваемых в направлении одной или двух (обычно противоположных по видовым или залоговым значениям) глагольно-предикативных конструкций, 2) адъективированных причастий (адъективация).

Действительные причастия настоящего и прошедшего времени

1. Причастия действительного залога настоящего и прошедшего времени, за исключением некоторых случаев, в принципе не создают трудностей ни при трансформации в глагольную форму, ни при переводе на персидский язык. При трансформации, главным образом, они приобретают исходную форму создавшего причастие глагола в сочетании с союзным словом *который*, а при переводе они практически соответствуют преобразованный глагол по грамматическому значению:

Причастия действительного залога настоящего и прошедшего времени:

Узкие лбы, не видящие ничего дальше своего носа. → Узкие лбы, которые не видят ничего.

احمق‌هایی که هیچ دورتر از بینی خود نمی‌بینند.

Впившись своими сонными, никогда не моргающими глазами в книгу, он шевелил губами и хмурился. → Впившись в книгу своими сонными глазами, которые никогда не моргают, он шевелил губами и хмурился.

وی درحالی‌که چشم‌های خواب‌آلود خود را که هیچوقت پلک‌های آن روی هم نمی‌آمد به کتاب دوخته بود، لبهای خود را می‌جنباند و روی خود را درهم می‌کشید.

– Будет вам! крикнул Урбенин собачонкам огненного цвета, мешавшим ему своими ласками закурить папиросу. → ... огненного цвета, который мешал ему своими ласками закурить папиросу.

اوربنین به سگ‌های خرمایی رنگ، که نمی‌گذاشتند سیگارش را روشن کند، گفت: بسه دیگر!

В приведенных выше двух примерах переведенное на фарси причастие действительного залога настоящего и прошедшего времени является либо глаголом настоящего времени (нمی‌بینند), либо глаголом прошедшего времени (روی هم نمی‌آمد), а для причастия прошедшего времени – эквиваленты совпадают (нمی‌گذاشتند). Относительно других же случаев нами зафиксировано преобладающее большинство в употреблении глаголов прошедшего времени.

Нами зафиксировано множество примеров с возвратными причастиями действительного залога, которые, как правило, при трансформации преобразуются в возвратные глаголы, а при переводе мы не заметили отклонения от нормы, то есть они выражаются «непереходными» глаголами:

Я купил его вместе со ... всем вообще хозяйством, оставшимся после покойника. → Я купил его вместе со ... всем вообще хозяйством, которое осталось после покойника.

من طوطی را با ... سایر اشیاء مورد لزوم خانه که از بازپرس مرحوم باقی مانده بود، اتباع نمودم.

Видимо, его раздражало присутствие постороннего лица, высокого мужика-бородача, стоявшего перед сундуком и тщетно старавшегося завязать беседу.

به قرار معلوم حضور شخص بیگانه یعنی دهاتی قدبلند ریشویی که در مقابل صندوق ایستاده بود و بیهوده می‌کوشید سر صحبت را باز کند، دلتنگش می‌ساخت.

И борода Карла Маркса, помещавшегося прямо против меня рядом с картой железных дорог на стене, вовсе не так уж огромна, как это принято думать.

و ریش کارل مارکس هم که پرتره‌اش درست روبروی من و در کنار نقشه خطوط راه‌آهن روی دیوار آویزان بود، آنقدرها هم که همه فکر می‌کنند، بلند نیست.

2. В ряде случаев мы заметили нарушения грамматической эквивалентности в переводе либо отсутствие перевода, когда действительное причастие настоящего времени преобразуется в образующий глагол, но у переводчика теряет свою значимость ввиду невозможности перевода смысла:

Надоели все эти таинственные убийства и необыкновенная находчивость допрашивающих следователей. → находчивость следователей, которые допрашивают.

خوانندگان ما از تمام قتل‌های اسرارآمیز و تیزهوشی خارق‌العاده بازپرسان به ستوه آمده‌اند.

Причастие *допрашивающих* не переведено, оно заменено именем существительным *базперсан* (дословно: *следователи*), употребленным в исходном тексте, но в сочетании с глаголом *допрашивать*, который дополняет его смысл, и который, по мнению переводчика, не нуждается в дополнительном объяснении.

3. Случаи адъективации. В лингвистической литературе одни исследователи рассматривают любую адъективированную лексическую единицу как прилагательное, другие относят адъективацию к полисемии, считая, что конечный результат адъективации – образование у слова или его

грамматической формы вторичного, «адъективного» значения. К примерам адъективации при переводе можно отнести следующие:

Не укрепляющим, а расслабляющим образом действует послеобеденный сон в душной, сушащей атмосфере, под жужжание мух и комаров.

خواب بعد از ظهر در فضای خفه و خشکی که پر از صدای وز وز مگس ها و پشه هاست، در جسم انسان تاثیر تقویت کننده ای نمی بخشد، بلکه آنرا تضعیف می نماید.

В вышеуказанном примере существует три адъективированных причастия, однако, из них при переводе только два употребляются в форме имени прилагательного, а одно причастие (*расслабляющим*) переводчиком переведено как глагол (*تضعیف می نماید*). Нами зафиксирован пример адъективации, при котором смежность значения причастия явно проявляется:

К пишущим людям не имею чести принадлежать.

افتخار ندارم جزو نویسندگان باشم.

В данном примере, адъективированное причастие при переводе преобразуется в существительное, то есть как бы смешиваются адъективация и субстантивация причастия.

В иных случаях переводчики прибегают к добавлению слов, дополняющих значение адъективированного причастия и, видимо, без этих дополнительных выражений смысл причастия (либо предложения в целом) не передается полностью:

Что-то умоляющее, детское, безропотно терпящее ...

چیزی است آمیخته با التماس، کودکانه و پر از شکیبایی

В ряде случаев адъективации встречается при употреблении возвратных причастий настоящего времени, которые переведены в виде прилагательных.

Продолжал мой герой извиняющимся голосом.

قهرمان کتاب من با لحنی آمیخته با التماس چنین ادامه داد.

Эти аллеи, защищенные от солнца сводом из зеленых, сплетающихся ветвей старушек-лип, знают меня.

این خیابان‌های مشجر که بامی از شاخه‌های بهم پیچیده درختان زیرفون کهنه مانع از تابش اشعه خورشید به داخل آن می‌شد مرا فراموش نکرده.

4. Редкие случаи субстантивации причастий в русском языке также отмечены в нашей работе. При субстантивации причастия получают предметное значение, а большая часть субстантивированных причастий, как мы заметили в изученных произведениях, обозначает людей по их действию.

Это был управляющий графа, Урбенин.

این شخص اوربنین نام داشت و مباشر ملک گراف بود.

Перед вами стоит желающий попасть в начинающие.

در مقابل شما کسی ایستاده است که می‌خواهد وارد جرگه نویسندگان تازه کار بشود.

Из трех приведенных выше примеров субстантивации только два переводятся как существительное: مباشر и نویسندگان. Слово *желающий* переведено как глагол настоящего времени (می‌خواهد), что, пожалуй, можно отнести к случаям неадекватности понятия причастия у переводчика, так как, по нашему мнению, тут можно было бы использовать существительное *داوطلب* или *طالب* вместо глагола, который, в свою очередь, полностью передает смысл субстантивированного причастия.

Полные страдательные причастия прошедшего времени

Формы страдательных причастий прошедшего времени относятся к основным средствам выражения грамматического значения страдательного залога у глаголов совершенного вида. Образованные ими пассивные конструкции широко используются носителями русского языка при необходимости снижения коммуникативного статуса субъекта действия и фокусировке смысловых акцентов высказывания на объекте, над которым производится действие (Бондарко 1976. 48). Трансформационные отношения между формами страдательных причастий и предикативными формами глаголов в пассивных конструкциях отражают контекстуальное изменение

грамматического содержания причастных форм. Выявив корпус семантических и грамматических коррелятов страдательных причастий прошедшего времени, используемых в структурно - семантическом пространстве рассмотренных в данной работе текстов, мы сможем представить интерпретационные характеристики грамматической семантики причастных форм с точки зрения сохранения или, наоборот, утраты в них залогового значения. Полные страдательные причастные формы, включённые в текст, могут быть семантическими и грамматическими коррелятами предикативных форм:

1. образующих возвратных и невозвратных глаголов:

По нашим наблюдениям, данный тип возникает в тех случаях, когда в пассивной конструкции не указан субъект действия, но центральную позицию грамматического подлежащего занимает объект, над которым производится действие. В результате залоговыми коррелятами полных страдательных причастий являются переходные глаголы, используемые в качестве предикатов взаимнообратимых залоговых конструкций, которые, при переводе на фарси, выражаются самыми разными частями речи, главным образом неопределенно-личными глаголами и объективированными прилагательными (صفت مفعولی) и, реже, путём адъективации или субстантивации значения страдательного причастия. Однако при трансформации страдательных причастий развертывание в предикативные формы происходит в рамках:

А. одновекторных трансформационных моделей, когда причастие преобразуется в одном направлении:

Молодой человек ..., заброшенный волею судьбы в деревенские дебри, был охвачен чувством тоски, одиночества. → Молодой человек ..., которого забросила воля судьбы в деревенские дебри, был охвачен чувством тоски, одиночества.

غم و غصه، مرد جوان ... را که با ارادهٔ سرنوشت به دورافتاده‌ترین نقاط روستایی پرت شده بود، فرا گرفت.

*Он ... громко выкрикивал фразы, **выученные** им у моего предшественника.*

→ *Он ... громко выкрикивал фразы, которые он **выучил** у моего предшественника.*

طوطی ... با صدای بلند جملاتی را که نزد سلف من آموخته و از بر کرده بود، ادا می‌نمود.

*я, ... прочел всю повесть от начала до слова «Конец», **написанного** размашистым почерком. → я, ... прочел всю повесть от начала до слова «Конец», который **написали** размашистым почерком.*

من ... تمام داستان را از اول تا کلمهٔ «پایان» که با خط کشیده‌ای نوشته شود خواندم.

*Одет он со вкусом и по последней моде в новенький, недавно **сшитый** костюм. → Одет он со вкусом и по последней моде в новенький костюм, который недавно **сшили**.*

مطابق مد روز کت و شلوار خوش دوختی بر تن داشت.

Можно заметить, что эквиваленты страдательных причастий прошедшего времени в большинстве случаев в персидском языке составляют глаголы-связки بودن (чаще прошедшего времени) в сочетании с объективированным прилагательным (صفت مفعولی). Иными словами, переводчики придерживаются значения страдательных причастий в выражении пассива: *зброшенний* پرت Besides that, *نوشته شود* *написанный* , *از بر کرده بود* , *شده بود* , *выученный* . Кроме того, встречаются также случаи несовпадающих с нашими наблюдениями переводов (по вкусу переводчика): *сшитый* خوش دوخت (в переводе отражено только значение прилагательного).

Б. двухвекторных трансформационных моделей, когда причастие преобразуется в двух направлениях:

*Повесть Камышева не попала в мою газету по причинам, **изложенным** в конце моей беседы с читателем. → Повесть Камышева не попала в мою газету по причинам, которые **излагал** / → по причинам, которые **излагались** в конце моей беседы с читателем.*

داستان کامیشوف به عللی که در آخرین صحبت خود با خواننده محترم توضیح داده خواهد شد، در صفحات روزنامه ام درج نگردید.

Эти аллеи, защищенные от солнца сводом из зеленых, сплетающихся ветвей старушек-лип, знают меня. → Эти аллеи, которые защищаются от солнца сводом из зеленых, / → Эти аллеи, которые защищает от солнца свод из зеленых,

این خیابان‌های مشجر که بامی از شاخه‌های بهم پیچیده درختان زیزفون کهنه مانع از تابش اشعه خورشید به داخل آن می‌شد مرا فراموش نکرده.

Позвольте, ... сказал я, перелистывая его толстую, исписанную мелким почерком тетрадь. → Позвольте, ... сказал я, перелистывая его толстую, тетрадь, которую исписали / → ... тетрадь, которая исписывалась мелким почерком.

من درحالی‌که دفترچه ضخیمی را که با خط ریزی نوشته شده بود، ورق می‌زدم گفتم: اجازه بدهید ...

В данных выше предложениях развертывание причастных форм идёт в направлении двух (обычно противоположных по видовым или залоговым значениям) глагольно-предикативных конструкций. Однако при переводе упомянутые в начале статьи переводчики не меняют свои принципы и эквивалентами опять являются глаголы-связки بودن (чаще прош. вр.) в сочетании с объективированным прилагательным (صفت مفعولی): *изложенный* نوشته شده بود *и исписанный* و *защищенный* می‌شد *и* *тوضیح داده خواهد شد*.

2. адъективированных причастий: случаи адъективации часто встречаются среди страдательных причастий прошедшего времени и многие из них широко употребляются в русском языке. В нашей работе также зафиксировано немало таких случаев, которые при переводе также являются прилагательными:

Его нежную, чуткую натуру, вероятно, шокировал мой нахмуренный, недовольный вид.

ظاهرا قیافه عبوس و نامطلوب من بر طبع حساس و ظریفش ضربه وارد آورده بود.

Разбитый и облитый потом, я поднялся и пошел к окну.

من خسته و کوفته و خیس عرق از بستر برخاستم و به طرف پنجره رفتم.

Ах, голубчик! — продолжал встревоженный и обрадованный граф.

گراف که هم شاد بود و هم نگران، چنین ادامه داد: او، عزیز دلم!

Как видно, корпус семантических и грамматических коррелятов страдательных причастий прошедшего времени, используемых в структурно-семантическом пространстве художественного текста, весьма разнообразен.

Заклучение

Трансформационное поведение причастных конструкций, их «развернутость» в сторону предикативных конструкций или «замкнутость» на себе, свидетельствует о том, что причастные формы на уровне текста могут функционировать и как «заместители» финитных форм, и как самостоятельные элементы. Характер синонимических отношений между исходной конструкцией и конструкцией - трансформом определяется нами в зависимости от качественных характеристик глагольных предикатов последней. Отношения классической залоговой коррелятивности наблюдаются в том случае, если при преобразовании причастной конструкции вместо причастия вводится предикативная форма образующего глагола с субъектом в позиции первого актанта.

Что же касается перевода, то переводчики, главным образом, придерживаются причастного «характера» (в видовом и залоговом значениях) при их переводе с русского языка на персидский, что, вопреки ожиданиям, свидетельствует о достаточной изученности причастных форм и всестороннего их рассмотрения переводчиками и может обещать нам еще более качественные переводы русской литературы филологами, изучающими в вузах Ирана русский язык как иностранный.

Литература

- 1- Бабайцева В.В. Чеснокова Л.Д. (2003). *Русский язык. Теория (для 5-9 кл.)*. М. : Дрофа.
- 2- Богданов С.И., Воейкова М.Д., Евтюхин В.Б. и др. (2007). *Современный русский язык. Морфология. Препринт (рабочие материалы для учебника)*. СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ.
- 3- Бондарко, А.В. (1976). *Теория морфологических категорий*. Акад. наук СССР, Ин-т языкознания. Л. : Наука.
- 4- Булгакова М. (2011). «*Четыре портрета*» и «*Золотые корреспонденции Феропонта Феропонтовича Капорцева*», перевод: Махназ Садри, Тегеран : Нашре Салес.
- 5- Вольнец, Т.Н. (1992). *О некоторых особенностях функционирования причастных форм на уровне текста*. Весн. Беларус. дзярж. ун-та. Сер. 4, Філасофія. Журналістыка. Педагогіка. Псіхалогія. – № 2.
- 6- Вольнец Т.Н. (2015). *Русский язык и литература в пространстве мировой культуры: материалы XIII Конгресса МАПРЯЛ (г. Гранада, Испания, 13-20 сентября 2015 г.) / Ред. Коллегия: Л.А. Вербицкая, К.А. Рогова, Т.И. Попова [и др.]*. В 15 т. – Т. 4. Санкт-Петербург : МАПРЯЛ.
- 7- Галкина-Федорук Е.М. (1964). *Современный русский язык (морфология, синтаксис)*. М. : МГУ
- 8- Костомаров В.Г. и Максимов В.И. (2003). *Современный русский литературный язык: учебник*, М. : Гардарики.
- 9- Лекант П.А. и др. (2001). *Современный русский язык. Учебное пособие для студентов учреждений среднего профессионального образования педагогического профиля*, М. : Дрофа
- 10- Милославский, И. Г. (1981). *Морфологические категории современного русского языка: учеб. пособие*. М. : Просвещение.
- 11- Панов, М.В. (1999). *Позиционная морфология русского языка*. Москва : Наука.
- 12- *Русская грамматика*. (1980). Под ред. Н. Ю. Шведовой, Т.1. М. : Наука.
- 13- Сазонова И. К. (2008). *Толково-грамматический словарь русских причастий*. 3-е изд. М. : АСТ-Пресс.
- 14- Чехов А. (2018). *Драма на охоте*, перевод: Олег Хачатурьян, Тегеран : Эжбатан.

Bibliography

- 1- Babajceva V.V. Chesnokova L.D. (2003). *Russkij jazyk. Teorija (dlja 5-9 kl.)*. М. : Drofa.

- 2- Bogdanov S.I., Voejkova M.D., Evtjuhin V.B. i dr. (2007). *Sovremennyj russkij jazyk. Morfologija. Preprint (rabochie materialy dlja uchebnika)*. SPb.: Fakul'tet filologii i iskusstv SPbGU.
- 3- Bondarko, A.B. (1976). *Teorija morfologicheskikh kategorij*. Akad. nauk SSSR, In-t jazykoznanija. L. : Nauka.
- 4- Bulgakova M. (2011). «*Chetyre portreta*» i «*Zolotyje korrespondencii Feraponta Ferapontovicha Kaporceva*», perevod: Mahnaz Sadri, Tegeran : Nashre Sales.
- 5- Volyneec, T.N. (1992). *O nekotoryh osobennostjah funkcionirovanija prichastnyh form na urovne teksta*. Vesn. Belarus. dzjarzh. un-ta. Ser. 4, Filasofija. Zhurnalistyka. Pedagogika. Psihologija. – № 2.
- 6- Volyneec T.N. (2015). *Russkij jazyk i literatura v prostranstve mirovoj kul'tury: materialy VIII Kongressa MAPRJaL (g. Granada, Ispanija, 13-20 sentjabrja 2015 g.) / Red. Kollegija: L.A. Verbickaja, K.A. Rogova, T.I. Popova [i dr.]*. V 15 t. – T. 4. Sankt-Peterburg : MAPRJaL.
- 7- Galkina-Fedoruk E.M. (1964). *Sovremennyj russkij jazyk (morfologija, sintaksis)*. M. : MGU
- 8- Kostomarov V.G. i Maksimov V.I. (2003). *Sovremennyj russkij literaturnyj jazyk: uchebnik*, M. : Gardariki.
- 9- Lekant P.A. i dr. (2001). *Sovremennyj russkij jazyk. Uchebnoe posobie dlja studentov uchrezhdenij srednego professional'nogo obrazovanija pedagogicheskogo profilja*, M. : Drofa
- 10- Miloslavskij, I. G. (1981). *Morfologicheskie kategorii sovremennogo russkogo jazyka: ucheb. posobie*. M. : Prosveshhenie.
- 11- Panov, M.V. (1999). *Pozicionnaja morfologija russkogo jazyka*. Moskva : Nauka.
- 12- *Russkaja grammatika*. (1980). Pod red. N. Ju. Shvedovoj, T.I. M. : Nauka.
- 13- Sazonova I. K. (2008). *Tolkovo-grammaticeskij slovar' russkih prichastij*. 3-e izd. M. : AST-Press.
- 14- Chehov A. (2018). *Drama na ohote*, perevod: Oleg Hachatur'jan, Tegeran : Jekbatan.

HOW TO CITE THIS ARTICLE

Mehrabi Qaysar (2023). ABOUT THE RATIO OF PREDICATIVE AND FULL PARTICIPIAL FORMS OF RUSSIAN VERBS AND THE METHOD OF THEIR TRANSMISSION INTO PERSIAN. *Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka I Literatury*, 11(2), 183-202.

DOI: 10.52547/iarll.22.10

URL: <https://www.journaliarll.ir/index.php/iarll/article/view/284>

رابطه صفتهای فعلی کامل و صورت‌های گزاره‌ای افعال متناسب با آنها در زبان روسی و نحوه بیان آنها در فارسی

قیصر مهربانی^{*۱}

استادیار گروه زبان روسی، دانشکده ادبیات، دانشگاه الزهراء(س)،
تهران، ایران.

(تاریخ دریافت: دسامبر ۲۰۲۲؛ تاریخ پذیرش: ژوئن ۲۰۲۳)

چکیده

رابطه صورت‌های گزاره‌ای افعال و صفتهای فعلی در زبان روسی، هنگام به‌کارگیری در متن، شکل‌های متنوعی را نشان می‌دهند؛ این صورت‌ها به برقراری ارتباط بین سطوح زبانی کمک شایانی می‌کند. مقاله حاضر به بررسی جایگزین‌پذیری ساخت‌های صفتی افعال با ساخت‌های گزاره‌ای متناسب با آنها در زبان روسی و معادل آنها در فارسی می‌پردازد. همچنین سعی خواهد شد توضیح کاملی از امکان تبدیل ساخت‌های صفت فعلی به ساخت‌های گزاره‌ای دارای فعل متناسب با آن، با توجه به شرایط درون‌متنی‌شان، بسته به کاربردشان ارائه گردد که در نتیجه این امر، تصویری از معادل‌های احتمالی شکل‌های معلوم و مجهول صفت‌های فعلی کامل روسی در انواع مختلف کاربردهای دستوری‌شان در ترجمه فارسی آنها پدیدار گردد. انجام چنین تبدیلات و بررسی جایگزین‌پذیری ساخت‌های صفتی افعال با ساخت‌های گزاره‌ای متناسب با آنها، در کلاس‌های درس «زبان روسی برای غیر روس‌زبانان» به زبان‌آموزان کمک می‌کند تا به درک بهتری از معنای صفت فعلی و ساخت‌های دارای صفت فعلی برسند؛ به این ترتیب فهم معنای دستوری ساخت‌های اولیه دارای صفت فعلی (قبل از تبدیل) برای آنها آسان‌تر خواهد بود.

واژگان کلیدی: زبان روسی، زبان فارسی، ساخت‌های دارای صفت فعلی، ساخت‌های گزاره‌ای دارای فعل، روابط نحوی هم‌ارز، زبان روسی برای غیر روس‌زبانان، مطالعات تطبیقی.

1. E-mail: qmehrabi@alzahra.ac.ir, <https://orcid.org/0000-0001-9150-0091>

* نویسنده مسئول

نوع مقاله: علمی- پژوهشی

REPRESENTATION OF EPISTEMIC VIRTUES IN MAGAZINE “RASTUSCHIY VINOGRAD” (1785–1787)

Shipitsyna Yulia Sergeevna^{1*}

Laboratory researcher, The Ural Federal University named
after the first President of Russia B. N. Yeltsin,
Yekaterinburg, Russian.

(date of receiving: July, 2023; date of acceptance: August, 2023)

Abstracts

Research of system of values and historical mobility of contents of ideal categories – epistemic virtues in the start period of disciplinary and institutional modification of scientific knowledge can make more profound our understanding of modern science. The constitution of public schools in Russia in 1782–1786 promoted to spread of scientific knowledge among the broad population of pupils, students and teachers of the new institutions. The making of a magazine for youth “Rastuschiy vinograd” by the teachers of the main public school was one of the demonstrations of the interest to science. The chair editors were Professor E.G. Syreischikov and soon followed by him academic V. Zuev. The article deals with the analysis of epistemic virtues made with the publications of one of the first periodical editions for youth the “Rastuschiy vinograd” as positive personality traits and ideal categories, which promote to effective understanding and proficient increment of scientific knowledge, as also become a didactic example for future generations of scientists. The special attention is paid to biography of Vasilij Zuev, naturalist and editor of the magazine.

Keywords: Epistemic Virtues, Scientific Ethos, Happiness, Vasilij Zuev, “Rastuschiy Vinograd”.

1. Email: shipitsyna.phd@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0002-6257-0995> * Corresponding author

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЭПИСТЕМИЧЕСКИХ ДОБРОДЕТЕЛЕЙ В ЖУРНАЛЕ «РАСТУЩИЙ ВИНОГРАД» (1785–1787)

Шипицына Юлия Сергеевна^{1*}

лаборант-исследователь, Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б. Н. Ельцина,
Екатеринбург, Россия.

(дата получения: июль 2023 г.; дата принятия: август 2023 г.)

Аннотация

Исследование комплекса ценностных установок и исторической изменчивости содержания идеальных категорий – эпистемических добродетелей в начальный период дисциплинарного и институционального оформления научного знания, способно углубить понимание науки современности. Учреждение народных училищ в России в 1782–1786 гг. способствовало распространению научных знаний в широкой среде учеников, студентов и преподавателей новых учебных заведений. Одним из проявлений интереса к науке и потребности в ее популяризации стало создание по инициативе сотрудников Главного народного училища журнала для юношества «Растущий виноград». Главными редакторами журнала выступили профессор Е.Г. Сырейщиков и сменивший его вскоре академик В.Ф. Зуев. В статье по материалам публикаций в одном из первых российских периодических изданий для юношества «Растущий виноград» представлен анализ эпистемических добродетелей, т. е. таких позитивно окрашенных качеств личности и идеальных категорий, которые способствуют эффективному познанию и качественному приращению научного знания, а также служат дидактическим примером для будущих поколений ученых. Особое внимание уделено биографии Василия Зуева, натуралиста и редактору журнала.

Ключевые слова: Эпистемические Добродетели, Научный Этнос, Счастье, Василий Зуев, «Растущий Виноград».

1. Email: shipitsyna.phd@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0002-6257-0995> * Ответственный автор

Введение

Изучение преемственности научной культуры XVIII – XIX вв. и науки современности в контексте трансляции ценностных установок призвано не только развеять миф сциентизма, но и подтолкнуть к переосмыслению статуса «научного эксперта» в дискурсивных практиках различных общественных институтов в условиях «постиистинного понимания науки, согласно которому важнее знать условия, в которых притязание на знание может быть истинным или ложным, чем знать, действительно ли оно истинно или ложно», как отмечал Стив Фуллер (Фуллер 2021). Исследование комплекса ценностных установок и исторической изменчивости содержания идеальных категорий – эпистемических добродетелей в начальный период дисциплинарного и институционального оформления научного знания, способно углубить понимание науки современности. О том какое влияние «научная самость» оказывает на характер научных практик, а в конечном итоге, и на результат деятельности ученых – научные знания, специально писали Стивен Шейпин (Sharin 2008), Питер Галисон и Лоррейн Дастон (Дастон, Галисон 2019).

В российской историографии обращение к истории научного знания и этапов его дисциплинарного оформления в XX в. обнаруживает стремление выстроить преемственность между ранним этапом развития академической научной культуры и советскими реалиями функционирования научных институтов. Принцип «продления» науки эпохи Просвещения, поиска в ней истоков «современной» советской науки вступает в противоречие с принципом историзма, подразумевающим строгое хронологическое отделение и смысловую дистанцию между прошедшим и настоящим. Данное противоречие, тем не менее, на протяжении долгого времени остается незамеченным или проигнорированным, но оттого не утрачивает своего влияния на складывание дискурса советской науки в целом. Для того, чтобы ориентироваться в антиномичном пространстве современной российской

историографии, с одной стороны, унаследовавшем, это стремление к выявлению преемственности, а с другой, зачарованного интенцией кардинальной смены методологической оптики – под влиянием упомянутых ранее и других блестящих зарубежных работ, исследователям предстоит определить глубину этого противоречия и степень его воздействия на нарративные стратегии советских историков науки, посредством не только тщательного историографического «расследования», но и изучения биографий историков, их уровня исследовательской рефлексии при обращении к предмету своего изучения. Среди современных исследователей, искусно лавирующих между «старым» и «новым» методологическими полюсами, стоит отметить, прежде всего, Григория Любарского (Любарский 2020) и Александра Писарева (Писарев 2020).

Целью настоящей работы является реконструкция научного этоса ученого-естествоиспытателя в России в конце XVIII в. через выявление комплекса ключевых эпистемических добродетелей по материалам публикаций в студенческом журнале «Растущий виноград», выпуск которого курировали сначала Евгений Борисович Сырейщиков, а затем Василий Федорович Зуев.

Поиск и выявление эпистемических добродетелей как отвлеченных абстрактных категорий, содержащих в себе идею о желательном поведении субъекта, а также как ценностей, следование которым закладывает определенные принципы его профессиональной – научно-исследовательской деятельности, в период, когда наука переживала период своего становления, представляется нам нелегким, но увлекательным предприятием. Обращение к изданию, которое, сегодня мы отнесли бы к жанру научно-популярной периодики, обусловлено его комплексным характером. Опубликованные в нем тексты – зачастую, переложения, компиляции и переводы серьезных научных трудов, изданные с целью приобщения к достижениям интеллектуальной

культуры молодого поколения, и что, особенно, важно – с целью побуждения к занятиям наукой.

Представление о научном этосе, однако, будет неполным без обращения к биографиям реальных ученых – в том числе, обстоятельствам их частной жизни, внутренней мотивации к исследованиям, чертам характера и склонностям, определявшим их подход к работе. В части биографического компонента главного редактора журнала мы опираемся на предложенный Стивеном Шейпином трехступенчатый подход к пониманию личности ученого: через непосредственное знание о природе, «добытое» субъектом; через метод, которым пользовался субъект; через тщательное исследование, к какому типу людей относится ученый и в каких обстоятельствах он работает (Shapin, 2008).

Основная часть

Сырейщиков, профессор российской словесности Московского университета, а затем преподаватель учительской семинарии и член Комиссии народных училищ, издал первые два выпуска за апрель и май 1785 г., а затем был уволен со всех должностей. Остальные 22 выпуска, выходившие вплоть до марта 1787 г. редактировал В. Ф. Зуев, адъюнкт Петербургской академии наук, натуралист и естествоиспытатель, путешественник, переводчик.

Как отметил, пожалуй, единственный биограф Зуева, историк естествознания и доктор педагогических наук, Борис Евгеньевич Райков (1880–1966) в заключении монографии, выпущенной к 200-летию натуралиста: «он не сделал каких-либо выдающихся научных открытий, но он внес серьезный вклад в дело научного познания нашей родины со стороны биологической, естественно-географической и отчасти экономической» (Райков 1955b. 322). Книга Райкова вышла в 1955 г. и остается на сегодняшний день самым полным изложением биографии Зуева. Оценка Райкова, данная

деятельности своего героя в монографии и статьях, отвечает традиционному для советской истории науки стремлению проследить преемственность между наукой Просвещения и советской наукой с акцентом на материализм, «передовизм» и героизм русских естествоиспытателей, критикой имперских академических институтов. Однако именно Райкову мы обязаны сегодня возрождением памяти об этом неординарном исследователе, по данным архивных документов установившем авторство «Начертания...». В. Зуев, действительно, не самая приметная фигура отечественной науки. В связи с ученичеством Зуева у П.С. Палласа о нем писал историк науки, доктор биологических наук Андрей Кириллович Сытин (Сытин 2014. 87–93). В части исследования истории методики преподавания естествознания в России – доктор педагогических наук Елена Николаевна Арбузова (Арбузова 2008).

Сын солдата Семеновского полка, происходившего из семьи крестьян Тверской губернии, Василий Зуев 12 лет отроду был принят в академическую гимназию, основанную при Академии наук еще в 1726 г. Четыре года, с 1764 по 1767 гг. провел Зуев в гимназии, и, окончив с наградой, был приставлен в качестве «академического студента» к академику П.С. Палласу. Участие в Больших физических экспедициях 1768–1774 гг. стало реальной школой для юноши. В сравнении с другими студентами – Никитой Соколовым и Степаном Кашкаровым, Зуев показал не только высокие способности к научению в осуществлении натуралистических разысканий, но также выносливость, упорство и живой энтузиазм, коих не хватило его товарищам. Впоследствии Н. Соколов замечал, что Зуев «утратил в Сибири свою юность и здоровье» (Райков 1955а. 315). Экспедиционная деятельность отнимала у исследователей изрядное количество физических и эмоциональных ресурсов и для многих стала причиной в лучшем случае отказа от продолжения академической карьеры, в худшем – продолжительных болезней и ранней смерти. Зуева так же отличали «более светлое восприятие мира» и «способность, как бы

сливаясь с природой, видеть ее свойства как образы и метафоры» (Сытин 2008. 87).

По возвращении из экспедиции Зуев вместе с Н. Соколовым был командирован Академией для совершенствования своих познаний за границу. С 1774 по 1779 гг. он учился сначала в Лейдене, а затем в Страсбурге. В Лейдене его учителями были проф. Гаубе, проф. Алламан, проф. Альбинус. В Страсбурге – проф. Лобштейн, проф. Шпильман, проф. Шурер, проф. Герман. Зуев обучался на медицинских факультетах – именно там преподавались дисциплины по естественной истории. 12 октября 1779 г. Зуев был утвержден в звании адъюнкта и вновь приставлен к Палласу. Начав было приводить в порядок зоологическую коллекцию Кунсткамеры и описывать виды рыб, он вскоре получил задание организовать самостоятельную экспедицию в Херсон «для обозрения недавно присоединенных к империи земель по рекам Бугу и Днепру и составления их описания» (Райков, 1955а, с.245–246). Эта экспедиция продлилась с мая по сентябрь 1782 г, итогом ее стала публикация «Путешественных записок Василия Зуева от Санкт-Петербурга до Херсона в 1781-1782 гг.», передача Академии Наук коллекции насекомых, минералов и окаменелостей, гербария, 25 чучел птиц и 87 банок с рыбами, а также взаимное неудовольствие, воцарившееся между натуралистом и Академией по причине недостатка денежных средств, выделенных на организацию экспедиции и предпринятой без разрешения на то Академии «отлучкой» в Константинополь. С 1783 г. Зуев занят в новой для себя сфере – педагогике.

В связи с необходимостью организации сети общеобразовательных школ, подготовку учителей и разработку методики преподавания дисциплин поручили приглашенному из Австрии школьному инспектору Федору Ивановичу Янковичу де-Мириево (1741–1814), направившему работу Комиссии об учреждении народных училищ, во главе которой формально

стоял П.В. Завадовский, будущий министр народного просвещения. Янкович де-Мириево организовал первую в России учительскую семинарию при учрежденном Главном народном училище в Петербурге, лично подготовил 35 первых учителей, позаботился об издании 25 школьных руководств и инструкций.

В ходе реформы было открыто 133 школы – народных училищ, которые подразделялись на малые и главные. К концу XVIII в., по данным Журнала Комиссии народных училищ за 1801 г., в России существовало уже 315 училищ, в которых трудились 750 учителей, учились 19915 студентов, как мальчиков, так и девочек (Райков 1955а. 211). В. Зуеву было предложено преподавать в Главном народном училище в Петербурге, читать лекции в Учительской семинарии и написать учебник по естественной истории. С июля 1785 г. он становится еще и главным редактором студенческого журнала «Растущий виноград», основанного в апреле того же года. На посту редактора Зуев оставался до момента его закрытия в 1787 г. (недолгая жизнь периодических изданий в России в это время типична), в должности профессора Учительской семинарии – до 1 марта 1789 г., когда прежний преподавательский состав был распущен и заменен бывшими студентами в целях экономии средств.

Таким образом, семь лет активной исследовательской жизни Зуева было отдано делу преподавания. В 1787 г. он был произведен в академики, но с начала 90-х гг. выступал с докладами и публиковался все меньше, а в 1792 г., едва достигнув 40 лет, скончался.

Итак, Зуев был назначен редактором журнала 15 июля 1785 г. В этой должности ему пришлось столкнуться с проблемой несвоевременной подготовкой тиража в типографии Федора Брейкопфа. Скучно обстояли дела и с подпиской на журнал – она казалась слишком высокой (4 рубля в год за 12 экземпляров), и читателя предпочитали покупать отдельные выпуски (45

копеек за 1 экземпляр) в лавке Книжной комиссии и у частных книгопродавцов. Первоначальный тираж в 500 экземпляров быстро сократили до 250. Однако главные преобразования, которые предстояло осуществить новому редактору, касались содержательной стороны журнала: заслугой Зуева стало существенное приращение материалов по естественным наукам, географии, математике и астрономии, привлечение к работе над текстами студентов и, что интересует нас особенно, публикация текстов, побуждающих к занятию науками. Два из них опубликованы анонимно, и в настоящее время выяснить их авторство не представляется возможным. Авторы двух «речей» и «рассуждения» использовали две основных стратегии аргументации: апелляция к пользе, которую приносят знания, и – счастью, которое обретает знающий, или познающий. Акцент на пользе коррелируется с утилитарной этикой, а вот обращение к «щастливому состоянию» ученого человека выглядит на фоне первой стратегии весьма оригинально.

В «Речи о пользе математики», опубликованной в июньском выпуске 1785 г., сказано: «Науки подали надежное средство усовершенствовать человеческий разум, направлять волю ко благу и умерять человеческия страсти. Рукою наук утверждаются вещи естественные и гражданские законы» (Речь о пользе математики 1785. 17). Мы видим, что автор не ограничивается замечанием об усовершенствовании разума посредством упражнения в науках – но распространяет преобразующее начало познания и на область иррационального: эмоции и чувства. Этот фрагмент недвусмысленно говорит о том, что не только способность к рассуждению и овладение методами научного познания руководит поведением человека, «науки» формируют и этический кодекс – направляя «волю к благу», и законодательный корпус – утверждая «гражданские законы».

Это торжественное утверждение о возможностях наук требует, однако, аргументации, которая в данном случае складывается из двух основных

тезисов. Сначала автор подкрепляет духовную ценность занятия науками отсылкой к наглядной практической пользе. Этот наивный, на первый взгляд, ход на самом деле заключает в себе отождествление духовных ценностей с материальными: «Действием их [наук] разверзлись недра земные, из коих истекают золото, серебро и другие столь полезные металлы» (Там же).

Обратившись к земным недрам, автор по контрасту переключает внимание читателя на небеса и сферу космоса. Достижения науки кроме пользы обустройства земной жизни, еще и приближают человека к Богу: «Но что всего чуднее, науки вознесли человека к непостижным для чувств телам небесным, открыли их бесчисленное множество. Научили измерять и определять точно безмерныя их отдаления, ужасную величину, быстротекущее движение, всегдашнюю перемену их положения и чрез то, с священнейшим благоговением и с убедительнейшим удостоверением признавать, чествовать и любить премудрого и всесильного Творца видимаго сего мира» (Там же. 18). Эпитеты, которыми автор характеризует параметры нового знания: бесчисленное, безмерныя, ужасная, выдают его изумление перед масштабом познаний его ученых современников. Если «открытие» земных недр предстает как закономерный и естественный для автора «эффект» познания, ценность которого он хорошо понимает, то достижения астрономии остаются для него пока непонятными, почти чудесными и другого объяснения им кроме как чествования божественной воли, устроившей окружающий мир столь удивительным образом, он не находит.

В завершении автор вновь подчеркивает комплексный – всеобъемлющий характер благ, которые сулит познание: «Словом, науки, по восстановлении своем, озарив пресветлыми лучами человеческой разум, соделали нерушимое состав гражданских обществ и отверзли членам его врата в прекрасный и великолепный храм благополучия» (Там же). Здесь мы также видим смешение,

переплетение духовного и материального. Что именно понимается под «храмом благополучия»? Создается впечатление, что материальный достаток и стабильный гражданский порядок земной жизни.

Второй любопытный текст – «Разсуждение о том, что упражняться в науках есть дело самое полезное», был опубликован в августе 1785 г. У нас нет убедительных свидетельств в пользу того, что он написан тем же автором, кроме указания на общность темы и некоторое сходство аргументации. Этот текст детализирует соображения о преимуществах, открывающихся перед сведущим в науках человеком и полнее раскрывает этический и эмоциональный портрет ученого.

Во-первых, это человек, осознающий свой долг гражданина и принадлежность обществу: «...всякий гражданин любящий свое отечество тогда приводит душевные свои способности в большее совершенство, когда посвящает себя заблаговременно в цветущих своих летах полезным наукам» (Разсуждение о том, что упражняться... 1785. 49).

Во-вторых, это человек, преодолевающий искушения, сопровождающие его на протяжении всей жизни, но при этом не отшельник и не аскет, отринувший земные блага. Можно сказать, это человек, познавший искусство умеренности, мудрец, балансирующий между бренностью и вечностью, честный и добродетельный: «... не всяк ли скажет, что свет учения разгоняет тьму грубого невежества, и озаряет наши совершенства ясными лучами истинны, истребляет предубеждения и укрощает развратные страсти, наставляет нас к благополучию, мудрости, добродетели, честности и благоразумию? Словом, науки открывают нам путь к совершенному блаженству, как временному, так и вечному; они ограждают безопасность общую, и показывают нам суд и правду; они хранят наше здравие, и доставляют все потребности, способности и выгоды в жизни, просвещая наш разум и делая совершеннейшими (Там же. 50).

В-третьих, это человек, говоря современным языком, осознанный, имеющий понятие о самом себе. «...если бы не было наук, он [человек] не только все вещи оставил бы без надлежащего исследования, и не стал бы испытывать оных причины, бытия, порядка, красоты и употребления; но еще не мог бы, и по малой мере весьма слабое мог бы иметь понятие о самом себе» (Там же. 52). Что именно следует знать о самом себе автор не раскрывает, но это замечание явным образом говорит о ценности самопознания, индивидуальной рефлексии, путь к которой также открывает занятие науками. В заключительном предложении проводится та же мысль – любовь к самому себе стоит на первом месте в списке позитивных эффектов познания: «... подлинно стократно блаженны те люди, которые неусыпно пекутся о напоении себя оными [науками] для сохранения любви к себе, к отечеству и позным потомкам» (Там же. 59).

В третьем тексте, на который мы хотим обратить внимание читателя, прямо говорится о том, что ученый человек – это счастливый человек. «Речь о счастливом состоянии ученого человека» была опубликована в мае 1786 г. и представляет собой своеобразный заключительный аккорд в характеристике достоинств обращения к наукам – яркое, подробное описание счастливого ученого обрамлено негативными характеристиками противоположных типов людей – утопающих в роскоши богачей и властолюбцев. Автор этого текста известен, это студент училища Тимофей Федорович Осиповский (1766–1832), будущий прославленный математик и философ, ректор Императорского Харьковского университета.

«Так подлинно слушатели! Я держусь сего мнения, что человек посвятивший всю свою жизнь наукам, человек довольно просвещенный, и одним словом, разумный человек, неоспоримо есть благополучен и жребием своим по самой справедливости и беспрекословно доволен» - начинает свою речь автор и далее приводит «доказательства, или побудительные причины,

которые принудили меня утвердиться в сем мнении» (Осиповский 1786. 20–21).

Жизнь ученого человека автор называет «щастливой жизнью, которою и мы можем наслаждаться, и которой все без изъятия как величайшаго и верховнаго блага желают и с неусыпным старанием ищут» (Там же. 21). Как он понимает счастье? «...истинное смертных блаженство заключается по большей части в спокойствии духа и удовольствии сердца» – такая трактовка представляется автору общепризнанной и не вызывающей возражений. Различные мнения касаются лишь способов достижения данного «щастливого состояния» (Там же).

Самый популярный путь к счастью, и неверный, по мысли автора, лежит через преумножение достатка. Однако всеобщему мнению, что «деньгам все подвластно» автор противопоставляет замечания о том, что «богатство несносные влечет за собой труды, беспокойства и досады, невзирая при этом на то, что как похищено, так и другими случаями утрачено быть может, и что зависит оно воли слепого щастия» (Там же. 22). Под слепым щастием понимается, вероятно, случай, удача. Но даже не в непостоянстве последнего дело – а в постоянном неудовлетворении – «желание преумножить оное никогда не прекращается», сетует автор, и, следовательно, человек «никогда не может иметь спокойствия» (Там же).

Второй путь к счастью – обретение власти. «Иные напротив горя любочестием надеются достичь прямого щастия тогда только, когда взойдут на высокую степень какого-нибудь достоинства, или получают верховную власть и могущество» (Растущий виноград 1785в. 22-23). Риски, связанные с этой стратегией, кажутся автору очевидными и описаны весьма эмоционально в виде риторических вопрошаний: «Но великий Боже! Что может быть неосновательнее и непостояннее, как благоприятство и любовь народа, или благоволение великих людей и милость верховных начальников?» (Осиповский 1786. 23).

Третий путь к счастью – стремление к роскоши, своеобразный «вещный» путь. «Не кажется ли для вас довольными и по всему благополучными по крайней мере те люди, которые утопают в роскошах, украшают себя золотом и драгоценными камнями, намазывают тело себе разными благовониями и ароматами, и таким образом препровождают всю жизнь свою во сне, забавах, праздности и покое? Ошибаются по истинне и весьма погрешают все те, кто таковых людей щастливыми нарицают: ибо многократно чувствуют они тяжесть от такового жизни, и самая праздность делается им часто несносным бременем» (Осиповский 1786. 23–24).

Далее автор неоднократно повторяет, что только «мудрый человек презирая все напасти и превратности судьбы всегда пребывает спокоен, весел и всем доволен» (Растущий виноград 1785в. 20–21). Аргументация его сводится к двум тезисам: во-первых, искушенный размышлениями ум преодолевает искушения тела и обуздывает эмоции (Осиповский 1786. 25), во-вторых, приоткрывая тайны природы, сведущий в науках не просто приближается к богу, по чьему замыслу эти тайны и устроены, но и уподобляется. Со ссылкой на Аристотеля, Осиповский пишет: «Всякия душевные болезни удобно излечает приятнейшими своими размышлениями о науках; и по сей причине Аристотель людей, посвятивших себя учению, справедливо уподобляет бессмертным богам, по тому что как те вечным и николиже прменяемым наслаждаются покоем и веселием, так равномерно просвещенная и разумная душа неописанная находит приятности и спокойствие занимаясь достохвальными упражнениями в изящных науках» (Там же. 31).

Не лишен портрет ученого и негативных черт, от коих надлежит избавляться. Ревность, гордость и зависть, вызывающие «непримиримые раздоры и разногласия», «обладают сердцами ученых», с горечью замечает

автор (Растущий виноград 1785в. С. 32). Важно отметить, что Осиповский проводит различие между ученым и мудрецом и только второго называет истинно счастливым человеком, познавшим спокойствие и «внутреннюю тишину», удовольствие и радость познания (Осиповский 1786. 34–35).

«Науки никогда не причиняют скуки» и «нет блаженнее жизни, чем жизнь ученого человека», заключает автор (Там же. 39–40).

Заключение

Итак, мы видим, что во всех трех текстах счастье выступает эпистемической добродетелью, неким внутренним условием истинного познания и одновременно очень личным «делом» познающего субъекта. Каким образом науки делают человека счастливым и как его счастье преобразует знание? На эти вопросы авторы отвечают по-разному. Здесь встречаются и рассуждения об усвоении гражданского самосознания посредством приобщения к знанию, и о воспитании воли, способной преодолеть многочисленные искушения. Общей идеей оказывается мысль об обретении мудрости, которая выражается в обретении покоя и радости. Человек, сведущий в науках, предстает в этих текстах трудящимся на благо общей пользы и славящим Господа, смиряющим свои страсти и изошряющим ум постижением тайн, сокрытых в природе, но при этом проливающих свет на устройство общества.

Не вызывает сомнений тот факт, что редактор журнала В. Зуев, опубликовавший все три текста, разделял взгляды авторов исследованных нами текстов. Однако ощущал ли он себя счастливым человеком? Была ли жизнь его наполнена спокойствием и внутренней тишиной? В это поверить сложнее. Неоднократные эпизоды столкновений естествоиспытателя с богатым опытом экспедиционной и преподавательской деятельности с

представителями «кабинетной» академии и бюрократии, а также другие тяготы, сопровождавшие его в течение жизни и описанные нами в статье, свидетельствуют о глубоком непонимании власть имущих реальных потребностей, огромных возможностей и истинной ценности познаний, опыта и в целом жизни ученого и расхождении идеального представления о «щастливом состоянии» ученого и его реального мироощущения.

Литература

- 1- Арбузова Е.Н. (2008). *Генезис и развитие учебных изданий по методике преподавания биологии (конец XVIII – начало XXI века)*. Москва : Издательство ОмГПУ. 214 с.
- 2- Дастон Д., Галисон П. (2019). *Объективность*. Москва : Новое литературное обозрение. 584 с.
- 3- Любарский Г. Я. (2020). *Рождение нового естествознания с точки зрения наук о жизни* // Логос. Т.30. №1. С.131–158.
- 4- Райков Б.Е. (1955). *Академик Василий Зуев (1752–1794)* // Труды Института истории естествознания и техники. Т. 4. М. : Издательство Академии наук СССР. С. 244–289.
- 5- Райков Б.Е. (1955). *Академик Василий Зуев, его жизнь и труды*. Москва, Ленинград : Издательство Академии наук СССР. 350 с.
- 6- *Речь о пользе математики (1785)*. // Растущий виноград. Июнь. С. 16–39.
- 7- *Разсуждение о том, что упражняться в науках есть дело самое полезное (1785)*. // Растущий виноград. Август. 1785. С.48–59.
- 8- Осиповский П. (1786). *Речь о щастливом состоянии ученого человека* // Растущий виноград. Май. С.19–41.
- 9- Писарев А.А. (2020). *Образность таксидермии в музее науки: от систематики видов к систематичности насилия и постгуманистической природе* // ПРАЭНМА. Проблемы визуальной семиотики (ПРАЭНМА. Journal of Visual Semiotics). Вып. 2 (24). С. 91–130.
- 10- Сытин А. К. (2014). *Ботаник Петр Симон Паллас*. Москва, Товарищество научных изданий КМК. 456 с.
- 11- Shapin S. (2008). *The Scientific life: a moral history of a late modern vocation*. Chicago and London : University of Chicago Press. 468 p.

Bibliography

- 1- Arbuzova E.N. (2008). *Genezis i razvitie uchebnyh izdanij po metodike prepodavanija biologii (konec XVIII – nachalo XXI veka)*. Moskva : Izdatel'stvo OmGPU. 214 s.
- 2- Daston D., Galison P. (2019). *Ob#ektivnost'*. Moskva : Novoe literaturnoe obozrenie. 584 s.
- 3- Ljubarskij G. Ja. (2020). *Rozhdenie novogo estestvoznaniya s tochki zrenija nauk o zhizni* // Logos. T.30. №1. S.131–158.
- 4- Rajkov B.E. (1955). *Akademik Vasilij Zuev (1752–1794)* // Trudy Instituta istorii estestvoznaniya i tehniki. T. 4. M. : Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. S. 244–289.
- 5- Rajkov B.E. (1955). *Akademik Vasilij Zuev, ego zhizn' i trudy*. Moskva, Leningrad : Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. 350 c.
- 6- Rech' o pol'ze matematiki (1785). // Rastushhij vinograd. Ijun'. S. 16–39.
- 7- *Razsuzhdenie o tom, chto uprazhnjat'sja v naukah est' delo samoe poleznoe (1785)*. // Rastushhij vinograd. Avgust. 1785. S.48–59.
- 8- Osipovskij P. (1786). *Rech' o shhastlivom sostojanii uchenogo cheloveka* // Rastushhij vinograd. Maj. S.19–41.
- 9- Pisarev A.A. (2020). *Obraznost' taksidermii v muzee nauki: ot sistematiki vidov k sistemachnosti nasilija i postgumanisticheskoy prirode* // ИИПАЭНМА. Проблемы визуальной семиотики (ИИПАЭНМА. Journal of Visual Semiotics). Vyp. 2 (24). S. 91–130.
- 10- Sytin A. K. (2014). *Botanik Petr Simon Pallas*. Moskva : Tovarishhestvo nauchnyh izdanij KMK. 456 s.
- 11- Shapin S. (2008). *The Scientific life: a moral history of a late modern vocation*. Chicago and London : University of Chicago Press. 468 p.

HOW TO CITE THIS ARTICLE

Shipitsyna Yulia Sergeevna (2023). REPRESENTATION OF EPISTEMIC VIRTUES IN MAGAZINE “RASTUSCHIY VINOGRAD” (1785–1787). *Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka I Literatury*, 11(2), 203-220.

DOI: 10.52547/iarll.22.11

URL: <https://www.journaliarll.ir/index.php/iarll/article/view/296>

بازنمایی فضائل معرفتی در نشریه «انگور روینده» (۱۷۸۵-۱۷۸۷)

یولیا سرگئی یونا شپیتسینا^{*۱}

پژوهشگر، دانشگاه فدرال ب.ن. یلتسین اورال،
یکاترینبورگ، روسیه.

(تاریخ دریافت: ژوئیه ۲۰۲۳؛ تاریخ پذیرش: اوت ۲۰۲۳)

چکیده

بررسی مجموعه ارزش‌ها و تغییرپذیری تاریخی محتوای مقوله‌های ایده‌آل - فضائل معرفتی در دوره شکل‌گیری علمی و نهادی دانش علمی می‌تواند به شناخت بیشتر از علوم معاصر کمک کند. تأسیس مدارس ملی در روسیه در سال‌های ۱۷۸۶-۱۷۸۲ به توسعه دانش علمی در بین مجموعه گسترده شاگردان، دانشجویان و استادان مراکز آموزشی کمک می‌کرد. یکی از نمودهای افزایش علاقه به علوم و نیاز به عمومی‌سازی آن، تأسیس نشریه «انگور روینده» با ایده همکاران مدرسه ملی پایه بود. ویراستار اصلی این نشریه پروفیسور ی. گ. سیریشیکوف بود که خیلی زود آکادمیک و.ف. زویف جایگزین وی شد. در این مقاله با بررسی یکی از نخستین آثار چاپ شده در شماره‌های نشریه جوانان «انگور روینده» به تحلیل فضائل معرفتی پرداخته شده است؛ یعنی ویژگی‌های شخصی مثبت و مقوله‌های ایده‌آلی که به شناخت کارآمد و توسعه کیفی دانش علمی کمک می‌کنند و نمونه آموزشی برای نسل‌های آینده دانشمندان هستند. در مقاله توجه ویژه‌ای به زندگینامه واسیلی زویف، طبیعت‌شناس و ویراستار نشریه شده است.

واژگان کلیدی: فضائل معرفتی، شخصیت علمی، خوشبختی، واسیلی زویف، «انگور روینده».

* نویسنده مسئول Email: shipitsyna.phd@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0002-6257-0995>

نوع مقاله: علمی - پژوهشی

* این مقاله با پشتیبانی مالی بنیاد علمی روسیه نگاشته شده است. طرح ۲۲-۱۸-۰۰۴۸۸ «بحران ارزش‌ها و استراتژی‌های غلبه: ایده «خیر عمومی» در گفتمان ذهنی بریتانیا و روسیه (۱۷۵۰-۱۶۵۰)».

CANONIZATION OF THE VISUAL IMAGE OF RUSSIAN WRITERS IN PORTRAITURE OF THE 19TH-20TH CENTURIES

Morozova Praskovya Ilyinichna^{1*}

Student, Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia

(date of receiving: January, 2023; date of acceptance: July, 2023)

Abstract

This article is devoted to the consideration of the artistic images of classical Russian writers in the painting of the XIX - XX centuries. Despite the wide popularity of the portraits, a detailed analysis of the visual images directly embedded in them, apart from their own works, was not fully carried out. Through a comparative analysis of artistic means, we will build the evolution of the images of Russian writers in portraits of both individual artists and in the general context of painting of the 19th-20th centuries. This topic is of considerable relevance, since in many ways the image of writers and poets is formed not only and not so much by emphasizing their own works, but by means of pictorial representation, which to a large extent has a much stronger impact. We will draw direct parallels with the literary works of the writers in order to identify relationships or differences with their visual images in painting.

Keywords: Painting of the 19th Century, Painting of the 20th Century, Russian Writers, Portraits, Poets of the Silver Age, Pictorial Image.

1. E-mail: morozova_praskovya@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6471-4382>

* Corresponding author

КАНОНИЗАЦИЯ ВИЗУАЛЬНОГО ОБРАЗА РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ В ПОРТРЕТНОЙ ЖИВОПИСИ XIX-XX ВВ.

Морозова Прасковья Ильинична^{1*}

Студентка, МГУ им. Ломоносова,

Москва, Россия.

(дата получения: январь 2023 г.; дата принятия: июль 2023 г.)

Аннотация

Статья посвящена рассмотрению художественных образов классических русских писателей в живописи XIX – XX веков. Несмотря на широкую известность представленных портретов, детальный разбор непосредственно заложенных в них визуальных образов вне отрыва от их собственных произведений в полной мере проведен не был. За счет сравнительного анализа художественных средств нами будет выстроена эволюция образов русских писателей в портретах как отдельно взятых художников, так и в общем контексте живописи XIX – XX веков. Данная тема имеет значительную актуальность, так как во многом образ писателей и поэтов складывается не только и не столько за счет акцентирования их собственных произведений, сколько с помощью живописной репрезентации, которая в значительной степени имеет куда более сильное воздействие. Мы проведем прямые параллели с литературными произведениями писателей с целью выявления взаимосвязей или отличий с их визуальными образами в живописи.

Ключевые слова: Живопись XIX Века, Живопись XX Века, Русские Писатели, Портреты, Поэты Серебряного Века, Живописный Образ.

1. E-mail: morozova_praskovya@mail.ru: <https://orcid.org/0000-0002-6471-4382>

* Ответственный автор

Введение

«Обращение русского художника к настоящей правде и жизни,
в том числе и в портрете, началось со времени зарождения
в русском искусстве той самой национальности,
правдивости и оригинальности, которые уже давно
существовали в русской литературе»

В.В. Стасов

Данное исследование посвящено рассмотрению художественных образов классических русских писателей в живописи XIX – XX веков. Заявленная тематика имеет значительную актуальность, так как во многом образ писателей и поэтов складывается не только и не столько за счет акцентирования их собственных произведений, сколько с помощью живописной репрезентации, которая в значительной степени имеет куда более сильное воздействие. С помощью описания и сравнительного анализа нами будет выявлена эволюция портретного жанра и образа поэта в целом в живописи XIX – XX веков. Мы рассмотрим сложение канонов визуальных образов поэтов, причины этих явлений, а также их бытование и репрезентацию в последующих культурных традициях. А также, что немаловажно в данном контексте, мы проведем прямые параллели с литературными произведениями представленных на докладе писателей с целью выявления взаимосвязей или отличий с их визуальными образами в живописи.

Основная часть

Одним из самых выдающихся и известных на весь мир русских писателей XIX века безусловно был и остается Александр Сергеевич Пушкин. Как метко выразился И.С. Тургенев в конце 70-х годов XIX века, «Отличительная черта поэзии Пушкина – изящная и умная простота, и эта именно простота должна

проявляться в самом изображении поэта» (Русское прошлое 1923. 149). В действительности, сам Пушкин никогда не был склонен к тому, чтобы преувеличивать свою красоту, и, как бы то ни было, восхвалять свою внешность. Так, к примеру, в одном из первых стихотворений Пушкина на французском языке, написанном в 1814 году, есть следующие строки: «Настоящий демон в шалостях, настоящая обезьяна по виду, я ветреник большой и даже чересчур» (Ашукин 1934. 24). Несмотря на это, изображения Пушкина занимают важную часть в истории портретирования. Наиболее знаменитые портреты поэта безусловно принадлежат кисти Ореста Кипренского и Василия Тропинина. Оба были выполнены в 1827 году совершенно независимо друг от друга. В портрете Тропинина Пушкин представлен в домашней обстановке сидящим за письменным столом. Поэт одет в домашний халат и небрежно обмотанный вокруг шеи шарф. На правой руке Александра Сергеевича красуется золотой перстень, который представляет собой золотую витую печатку с восьмиугольным сердоликом темно-красного цвета. Это отнюдь не случайная деталь, так как это кольцо – подарок Елизаветы Воронцовой. Известно, что Пушкин относился к нему особенно трепетно, и считается, что знаменитое его стихотворение «Храни меня, мой талисман» воспевает именно этот перстень. Тропинин демонстрирует великого поэта в задумчивом состоянии, как будто складывающим в уме какие-то строчки очередного стихотворения. При этом, что немаловажно, задумчивость Пушкина на этом портрете является легкой и неглубокой, что тем самым дает зрителю потенциальную возможность вступить в диалог с поэтом.

Кипренский же демонстрирует зрителю совершенно иной образ Пушкина. Он располагает поэта по центру холста с повернутой в сторону головой и скрещенными на груди руками. Сама поза уже задает определенную степень отстранения героя от зрителя и тем самым создает дистанцию между поэтом и

нами. Кипренский накидывает клетчатый шотландский шарф на правое плечо Пушкина, что является важной отсылкой к Байрону – кумиру эпохи романтизма. То есть, если Тропинин демонстрирует нам Пушкина реального, открытого к диалогу со зрителем и находящегося здесь и сейчас в данном конкретном пространстве, то Кипренский напротив создает романтизированный и гораздо более отвлеченный образ, который является скорее абстракцией, нежели натуралистичным запечатлением конкретного человека. Кроме того, Кипренский добавляет за спиной поэта статуэтку музы, играющей на арфе, что с одной стороны делает композицию более завершенной и гармоничной, с другой же, что куда более принципиально, подчеркивает род деятельности героя. Либрович отмечает, что знавшие Пушкина считали этот портрет неправдоподобным, однако «работа Кипренского наиболее приближается к тому идеальному изображению, какового <...> ищут обыкновенно поклонники поэта» (Либрович 1890. 28). Большинство исследователей отдельно отмечают правую руку Пушкина. Кипренский (возможно, случайно) удлинняет ногти на правой руке Александра Сергеевича, что делает руку более похожей на птичью лапу, а самому портрету добавляет некоторый звериный агрессивный характер. Таким образом, если с героем Тропинина, хоть он и отстранен от зрителя и пребывает в собственных размышлениях, можно вступить в диалог, то Пушкин Кипренского к диалогу не располагает совершенно.

Однако, существуют и другие – менее известные – портреты Александра Сергеевича Пушкина. Так, к примеру, в частном собрании находится портрет юного поэта кисти Франсуа Ксавье де Местра, датируемый 1801 – 1803 годами. С холста на нас немного испуганными глазами смотрит маленький мальчик в небрежно расстегнутой рубашке. Изображение вписано в овал и выполнено на нейтральном голубоватом фоне. В целом, данный портрет находится в рамках канонов детского парадного портрета конца XVIII –

начала XIX века и не является чем-то новаторским в живописном плане. Однако, в данном контексте гораздо важнее оказывается существование непривычного для нашего глаза изображения великого поэта. Здесь нет ни кучерявых волос – визитной карточки визуального образа Пушкина, ни устремленного вдаль задумчивого взгляда. Франсуа Ксавье де Местр демонстрирует живого мальчика, еще не обладающего каноничными визуальными маркерами, еще не романтизированный образ поэта.

Куда более каноничной является гравюра с изображением Пушкина в возрасте 12 – 14 лет работы Гейтмана. На ней поэт представлен в профиль в рубашке с открытой шеей à la Вугон. Здесь уже можно отметить и характерные визуальные черты – курчавые волосы, взгляд, устремленный вдаль и подпертая рукой голова, подчеркивающая задумчивое состояние поэта. Этот портрет принципиально важен для нас в контексте разговора о сложении каноничного образа писателя, так как именно он был приложен в 1822 году к изданию «Кавказского пленника» со следующим замечанием: «Издатели присовокупляют портретъ автора, въ молодости съ него рисованный. Они думаютъ, что пріятно сохранить юныя черты поэта, котораго первыя произведенія ознаменованы даромъ необыкновеннымъ» (Пушкин 1926. 255). Таким образом, можно констатировать, что именно гравюра Гейтмана стала прообразом для всех последующих портретов Пушкина.

В число наиболее часто портретируемых писателей входит и Лев Николаевич Толстой. Истоки канона визуального образа Толстого, по всей вероятности, берут начало в портрете 1873 года работы Крамского. Еще в 1860-е годы Третьяков замыслил создать портретную галерею деятелей русской культуры, с целью чего и заказал у Крамского портрет Льва Николаевича. На данном портрете писатель представлен на три четверти развернутым к зрителю. Крамской выполняет портрет в сдержанной цветовой гамме без ярких колористических акцентов. Руки писателя сложены на

колених, глаза смотрят немного вверх зрителя. Подчеркнутая простота и гармоничность портрета были положительно встречены и самим Толстым, и критиками, что безусловно стало толчком для последующей истории сложения канонического визуального образа писателя.

В 1884 году Николай Николаевич Ге пишет портрет Толстого за работой. На первый план художник выносит письменный стол, сплошь заваленный бумагой, подчеркивая тем самым литературную значимость героя. Толстой представлен у Ге полностью погруженным в рабочий процесс. Важным художественным приемом здесь оказывается игра с цветом. Как и Крамской, Ге использует сдержанную однотонную колористическую гамму, однако применяет ее более практично. Так, у Ге черная рубашка Толстого, темный фон и письменный стол практически полностью сливаются воедино, оставляя в качестве светлых цветовых акцентов только руки писателя, его лицо и разбросанные хаотично бумаги. Таким образом, Ге создает очень важную переключку между творцом и творениями, делая их практически единым неразрывным целым. Позже схожий в композиционном плане портрет в карандашном наброске сделает Репин.

Репин воспринимал Толстого как некий идеал, мифологизировал его личность и бесконечно гордился тесной дружбой с великим писателем. В письме Стасову от 8 октября 1880 года он пишет про Толстого следующее: «Ах, все бы, что он говорил, я желал бы записать золотыми словами на мраморных скрижалях и читать эти заповеди поутру и перед сном» (Л.Н. Толстой и художники 1978. 70). Первый портрет писателя, однако, Репин напишет лишь через 7 лет после их знакомства. Вероятно, только спустя 7 лет их тесного общения художник понял, что наконец «дорос» до этой великой миссии. В отличие от Крамского и Ге, Репин сажает Толстого чуть дальше, продлевая тем самым дистанцию между зрителем и писателем, и указывая одновременно на статусность последнего. Кроме того, в данном портрете мы

смотрим на писателя немного снизу, что также играет важную роль в формировании визуального образа. Действительно, образ Толстого как гордого величественного бородатого человека был создан именно Репиным.

Войдя во вкус, Репин создает еще огромное множество портретов Льва Николаевича. Пожалуй, самым примечательным из них является портрет Толстого на пашне. На холсте писатель изображен за работой, в простой повседневной атмосфере на фоне полевого пейзажа. Однако, несмотря на все стремления Репина приблизить величественный образ Толстого к реальности, сам писатель портрет не одобрил. В письме Стасову от 26 сентября 1887 года он отзываясь следующим образом: «Картинка вызвала бы внимание ко мне и последствия его — брань. А всё лучше без нее» (Страхов 2003. 81). Репин не хотел останавливаться на достигнутом и тратить время в обществе великого русского писателя зря, что привело к тому, что он оставил целый ряд графических зарисовок Толстого за различными повседневными занятиями: за работой, за шахматами, за роялем, в дедовском кресле. Этот же ряд зарисовок и картин и послужил визуальным прообразом каноничного Льва Толстого. Именно частные сцены из жизни Льва Николаевича зажили своей жизнью и вошли в массовую культуру. Широко известна народная песня:

«Жил-был великий писатель
Граф Лев Николаич Толстой,
Не ел он ни рыбы, ни мяса,
Ходил по деревне босой».

Схожий визуальный образ присущ и Достоевскому. Наибольшую популярность он приобрел за счет портрета 1872 года кисти Василия Григорьевича Перова. Как и Крамскому, портрет писателя был заказан Перову Павлом Третьяковым в целях создания галереи деятелей русской культуры. Достоевский сам определил ценность портрета: он считал, что главное –

передать в портрете не внешнее сходство, но характер и духовный мир портретируемого. Для выполнения этой задачи Перов прежде, чем приступить к написанию портрета, неделю беседовал с писателем на различные темы, чтобы как можно точнее уловить выражение его лица в моменты философских размышлений. Важную роль в создании этого портрета сыграл роман «Преступление и наказание». Перов высоко ценил эту книгу, и потому хотел передать именно тот образ Достоевского, который складывался у читателя по мере прочтения романа. Перов изображает писателя на черном однотонном фоне в три четверти повернутым к зрителю – прием, схожий с тем, который Ге использовал в ранее описанном нами портрете Толстого. Однако здесь нет ни бумаг, ни каких-либо других визуальных маркеров, указывающих на конкретную личность. Перов концентрирует все внимание зрителя на душевном состоянии портретируемого героя. Руки Достоевского сложены на коленях, голова слегка опущена и взгляд направлен в сторону. Таким образом, Перов передает задумчивость и замкнутость писателя в собственных мыслях. Созданный Перовым образ был высоко оценен критиками, а некоторые даже сочли этот портрет лучшим из когда-либо написанных художником.

Позже созданный Перовым образ Достоевского станет настолько каноничным, что последующие художники будут его копировать практически полностью, внося лишь композиционные изменения. Так, к примеру, на портрете Ильи Глазунова «Достоевский. Белая ночь» 1983 года писатель предстает перед нами все тем же задумчивым бородатым мужчиной в пальто немного болезненного изможденного вида. Глазунов помещает Достоевского на фоне Петербурга, где происходят действия романа «Преступление и наказание», тем самым подкрепляя связь литературы с живописью. Если Перову хватило одного взгляда и позы писателя, чтобы передать нужный образ, то Глазунову этого оказалось недостаточно. Однако в данном контексте мы имеем дело не с художественным талантом, а с сложением каноничных

визуальных черт писателей. Так или иначе, важно отметить прямую связь портретов двух разных веков, демонстрирующую наглядно линию преемственности художественного образа.

Для галереи Третьякова Перов также создает и портрет Александра Николаевича Островского. Как и в случае с Достоевским, Островского Перов пишет на темном фоне. Однако здесь перед зрителем предстает совершенно иной по энергетике и психологическому состоянию образ. Островский Перова не утопает в бесконечной темноте, как это было с Достоевским, но, напротив, как будто вырывается из нее ярким светлым пятном. Перов пишет Островского в халате, обитом беличьим мехом, который, однако, не скрывает некоторую грузность фигуры писателя. Перов никому не льстит, ему интересна реальная личность со всеми ее достоинствами и недостатками. Он не скрывает и морщины, и залысину Александра Николаевича. Ярким колористическим акцентом Перов делает рыжую бороду писателя, сквозь которую пробиваются редкие седые пряди. При всех явных недостатках внешности, Островский кажется более добродушным и открытым, чем Достоевский. Такой образ создается за счет светлых глаз, устремленных прямо на зрителя. Перов сажает Островского в открытую позу, наклоняя немного драматурга вперед. Таким образом, человек, смотрящий на нас с портрета оказывается в прямом диалоге с нами. А рыжая борода добавляет портрету некоторое добродушие. Все эти черты имеют непосредственную связь с литературным творчеством писателя, значительную часть которого составляют забавные пьесы о быте русских людей. Таким образом, Перов оказывается очень тонким психологом, способным чутко и точно передать душевное состояние человека с помощью таких простых художественных средств как поза, жест или взгляд.

Анна Андреевна Ахматова – одна из наиболее значимых фигур в русской литературе XX века, также часто фигурирует на портретах

различных художников. Портретировали ее не только русские, но и зарубежные живописцы, что достаточно интересно как в контексте разговора о сложении канона визуального образа, так и в искусствоведческом контексте. Так, один из наиболее ранних по времени и наиболее знаменитых портретов с изображением Анны Ахматовой выполнил Натан Альтман в 1915 году. Впервые Альтман увидел знаменитую поэтессу в Париже, и был сражен как ее красотой, так и ее творчеством. Композицию портрета Альтман строит по принципу сложения различных геометрических фигур – сезаннизмов. Так он добивается важного впечатления одновременной строгости и хрупкости поэтессы. Благодаря сочетаниям острых углов, фигура Ахматовой кажется более похожей на хрусталь. Этот образ усиливает к тому же колористическое решение, построенное на сочетании ярких оттенков синего, зеленого и желтого цветов. Кроме того, важна сама постановка фигуры: Альтман сажает Анну Ахматову в профиль на небольшом возвышении. Так, резкий и экзотичный профиль поэтессы становится визитной карточкой ее визуального образа, а возвышение придает ей необходимую степень отдаленности и отстраненности от зрителя, которая гармонично выражается и в ее поэзии. Как годом ранее точно описал Ахматову Мандельштам: «В пол-оборота, о, печаль! / На равнодушных поглядела. / Спадая с плеч, окаменела / Ложно-классическая шаль» (Мандельштам 1990. 93).

Более 16 портретов Ахматовой принадлежат кисти знаменитого французского художника Парижской школы – Амадео Модильяни. Был ли между ними роман, или же их связывали лишь крепкие дружеские узы – остается загадкой для биографов Анны Андреевны. Однако так или иначе, именно благодаря творчеству бедного парижского художника визуальный образ великой поэтессы закрепился в качестве канона. Наибольший интерес для нас в данном случае представляют небольшие карандашные наброски

Модильяни, в которых вся фигура Ахматовой выполнена буквально одной линией. Модильяни пишет поэтессу непропорционально длинной, что подчеркивает ее нетипичную красоту и утонченность – при чем, речь здесь идет не только о физической внешности, но и о душевном состоянии, поскольку Модильяни был искренне впечатлен стихами Анны Андреевны. В масляных работах Модильяни пишет Ахматову исключительно в темных одеяниях, что подчеркивает также строгость ее натуры и чуткость ума, которой Модильяни восторгался в период общения с поэтессой.

Строгость натуры Анны Андреевны проявлялась и в работах других художников XX века – Анненкова, Петрова-Водкина, Тырса. Все последующие портреты достаточно схожи и по композиции (погрудный портрет в профиль или в три четверти), и по эмоциональному наполнению – вслед за Альтманом и Модильяни все художники стремятся передать строгость Ахматовой и наполненные грустью устремленные вдаль глаза. Искусствовед Эрих Голлербах писал: «В портретах Ахматовой больше правды о ней, чем в книгах десяти критиков» (Голлербах).

Из этого ряда выгодно выделяется портрет работы Зинаиды Серебряковой 1922 года. Анна Ахматова была одной из самых любимых поэтесс Серебряковой – художницу вдохновляли ее внутренний свет и искренняя вера в любовь. Ахматова на портрете Серебряковой мечтательно подпирает голову рукой. Весь портрет сделан в очень минималистичном стиле несколькими уверенными пастельными линиями. Серебрякова сохраняет характерный изгиб носа великой поэтессы, при этом он не бросается в глаза как на предыдущих рассмотренных нами портретах, и не является центральным маркером, вокруг которого строится весь визуальный образ, но остается просто портретной чертой. В данном контексте важно отметить, что Ахматова Серебряковой смотрит прямо на зрителя без какого-либо намека на грусть или отстраненность – она находится в непосредственном контакте со смотрящим.

Безусловно, такой образ является отражением личного впечатления Серебряковой от творчества Анны Андреевны.

Интересны также и портреты Анны Ахматовой работы Сарьяна и Лянглебена. Оба этих портрета являются репрезентацией уже пожилой Ахматовой. При этом, что важно отметить, Лянглебен в своей работе хоть и запечатлевает с натуры некоторые старческие черты, все же оставляет каноничный поворот головы в профиль, чтобы подчеркнуть характерный изломанный нос Анны Андреевны. Юзеф Чапский писал про Ахматову 60-х годов XX века так: «Анна Андреевна в большом кресле, внушительная, спокойная, полная, чуть глуховатая. Невольно вспоминаются идеализированные портреты русских цариц XVIII века». Вероятно, именно этот образ спокойствия и наполненности жизненным опытом и стремился передать в своей работе Лянглебен. Сарьян же пишет свой портрет Ахматовой несколькими годами ранее, когда вышло постановление ЦК о журналах «Звезда» и «Ленинград», и Ахматова стала опальной поэтессой. При этом, на самом портрете в лице Анны Андреевны нет ни тени грусти или сожаления. Ахматова выглядит самодостаточной пожилой дамой. Ее руки скрещены на груди, она не смотрит на зрителя, и на лице ее даже присутствует полуулыбка. Интересно, что Сарьян, как и Лянглебен, сохраняет характерный изгиб носа, и даже старается отделить Ахматову от зрителя путем более высокой постановки модели и отведенного в сторону взгляда. Однако эти каноничные черты визуального образа поэтессы уже радикально отличаются от той утонченной и строгой молодой женщины, которая смотрела на зрителя с ранних портретов.

Следует констатировать, что, несмотря на идею Эриха Голлербаха о том, что «образ поэта, единый и цельный в своей внутренней сущности, дробится в восприятии читателей на множество разнородных отражений» (Голлербах), мы четко прослеживаем существование определенных визуальных канонов, вполне конкретных для каждого отдельного писателя.

Заключение

Нами были подробно рассмотрены различные портреты таких великих русских писателей как Александра Сергеевича Пушкина, Федора Михайловича Достоевского, Льва Николаевича Толстого, Александра Николаевича Островского и Анны Андреевны Ахматовой. Конечно, несмотря на всю тщательность проведенного нами анализа, данная статья не может ни в коей мере претендовать на звание полноценного обзора всех портретов русских писателей. Однако, нами были наглядно продемонстрированы основные принципы канонов художественных образов перечисленных выше деятелей культуры, а также проанализированы пути сложения этих канонов, из чего можно заключить, что в хронологическом плане в большинстве случаев визуальные маркеры портретируемого героя проявляются и закрепляются в период наивысшего расцвета творчества писателя. В художественном же плане эти маркеры преимущественно являются характерными физиогномическими чертами. Кроме того, важно отметить, что все рассмотренные нами в данной статье художники стремились так или иначе добиться не только наиболее натуралистичного запечатления персонажа, но и передачи конкретных черт характера или конкретных собственных впечатлений от творчества того или иного писателя. Так, к примеру, задумчивость и отстраненность являются характерными художественными чертами Анны Андреевны Ахматовой и Александра Сергеевича Пушкина. При этом, если в случае с Пушкиным эта отстраненность романтизируется живописцами, то в случае с Анной Андреевной она призвана отразить ее строгий и стойкий нрав. Для Александра Николаевича Островского в силу специфики его литературного творчества характерны открытость и доброжелательность. Для Льва Николаевича Толстого Репин создал мифологизированный идеализированный образ несмотря на все стремления запечатлеть его в бытовых сценах. Визуальный образ Федора Михайловича

Достоевского же благодаря Перову вошел в историю как замкнутый в себе и даже несколько болезненный. Так или иначе, следует заключить, что литературное творчество, а также личный характер каждого писателя безусловно играют значительную роль в формировании их канонического визуального образа.

Литература

- 1- Ашукин Н. (1934). *Живой Пушкин*. М. : Московское Товарищество Писателей. 244 с.
- 2- Голлербах Э. *Образ Ахматовой*. URL: <http://ahmatova.niv.ru/ahmatova/kritika/gollerbah-erih-obraz-ahmatovoj.htm> (Дата обращения: 17.12.22).
- 3- *Л.Н. Толстой и художники. Толстой об искусстве: Письма, дневники, воспоминания* (1978). М. : Искусство. 375 с.
- 4- Либрович С.Ф. (1890). *Пушкин в портретах*. СПб. : Типография М.М. Стасюлевича. 254 с.
- 5- Мандельштам О.Э. (1990). *Собрание сочинений в 2 т.* М. : Художественная литература, Том 1.
- 6- Пушкин А.С. (1926). *Письма*. Т. 1. Москва, Л. : Гос. изд-во. 594 с.
- 7- *Русское прошлое. Исторические сборники* (1923). Л. : Издательство «Петроград».
- 8- Страхов Н.Н. (2003). *Л. Н. Толстой и Н. Н. Страхов: Полное собрание переписки*. Том II Группа славянских исследований при Оттавском университете и Государственный музей Л.Н. Толстого, М. : 668 с., 2003.

Bibliography

- 1- Ashukin N. (1934). *Zhivoj Pushkin*. M. : Moskovskoe Tovarishhestvo Pisatelej. 244 s.
- 2- Gollerbah Je. *Obraz Ahmatovoj*. URL: <http://ahmatova.niv.ru/ahmatova/kritika/gollerbah-erih-obraz-ahmatovoj.htm> (Data obrashhenija: 17.12.22).
- 3- *L.N. Tolstoj i hudozhniki. Tolstoj ob iskusstve: Pis'ma, dnevniki, vospominanija* (1978). M. : Iskusstvo. 375 s.
- 4- Librovich S.F. (1890). *Pushkin v portretah*. SPb. : Tipografija M.M. Stasjulevicha. 254 s.

- 5- Mandel'shtam O.Je. (1990). *Sobranie sochinenij v 2 t.* M. : Hudozhestvennaja literatura, Tom 1.
- 6- Pushkin A.S. (1926). *Pis'ma. T. I.* Moskva, L. : Gos. izd-vo. 594 s.
- 7- Russkoe proshloe. Istoricheskie sborniki (1923). L. : Izdatel'stvo «Petrograd».
- 8- Strahov N.N. (2003). *L. N. Tolstoj i H. H. Strahov: Polnoe sobranie perepiski.* Tom II Gruppy slavjanskih issledovanij pri Ottavskom universitete i Gosudarstvennyj muzej L.N. Tolstogo, M. : 668 s., 2003.

HOW TO CITE THIS ARTICLE

Morozova Praskovya Ilyinichna (2023). CANONIZATION OF THE VISUAL IMAGE OF RUSSIAN WRITERS IN PORTRAITURE OF THE 19TH-20TH CENTURIES. *Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka I Literatury*, 11(2), 221-237.

DOI: 10.52547/iarll.22.12

URL: <https://www.journaliarll.ir/index.php/iarll/article/view/286>

متعارف‌سازی تصویر بصری نویسندگان روس

در نقاشی پرتره سده‌های نوزدهم و بیستم

پراسکوویا ایلی نیچنا ماروزوا^{*۱}

دانشجو، دانشگاه دولتی لمانوسف مسکو،
مسکو، روسیه.

(تاریخ دریافت: ژانویه ۲۰۲۳؛ تاریخ پذیرش: ژوئیه ۲۰۲۳)

چکیده

این مقاله به بررسی نمادهای هنری نویسندگان روس در نقاشی سده‌های نوزدهم و بیستم می‌پردازد. با وجود شهرت فراوان پرتره‌های ارائه شده، تاکنون تحلیل جزء به جزء نمادهای بصری که به صورت مستقیم در آنها گنجانده شده‌اند، به صورت عمومی و در قالب یک اثر خاص انجام نگرفته‌است. با انجام تحلیل مقایسه‌ای ابزار هنری، تصویر کاملی از تکامل نمادهای نویسندگان روس، هم در پرتره‌های هنرمندان مشخص و هم در بافت کلی آثار نقاشی سده‌های نوزدهم و بیستم ایجاد شده‌است. این موضوع از اهمیت بسیار برخوردار است، زیرا نمادهای نویسندگان و شاعران را نباید فقط و به طور کامل در آثار خود آنها جستجو کرد، بلکه باید به تاثیرگذاری شاید قابل توجه‌تر آنها در دیگر آثار هنری نیز توجه نمود. در این مقاله به بررسی تاثیرگذاری‌های موازی آنها در آثار ادبی با هدف بررسی تقابلی‌ها و تفاوت‌های آنها با نموده‌های بصری آنها در نقاشی پرداخته شده‌است.

واژگان کلیدی: نقاشی سده نوزدهم، نقاشی سده بیستم، نویسندگان روس، پرتره‌ها، شاعران قرن نقره‌ای، نمود نقاشی.

* نویسنده مسئول 1. E-mail: morozova_praskovya@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6471-4382>

نوع مقاله: علمی- پژوهشی

برگ درخواست اشتراک

حق اشتراک سالانه: ۴۰۰۰۰ تومان

لطفا وجه مورد نظر را به شماره کارت ۵۸۵۹۸۳۷۰۰۰۱۱۶۲۵۷ یا حساب جاری فراگیر: ۰۲۱۲۱۱۵۵۲۵ بانک تجارت، شعبه کوی دانشگاه ۲۱۲۰، مؤسسه انجمن علمی ایرانی زبان و ادبیات روسی واریز و اسکن اصل فیش را به آدرس پست الکترونیک سردبیر مجله ارسال فرمایید:
myahya@ut.ac.ir

✂-----

	<h3>برگ درخواست اشتراک</h3>	
نام و نام خانوادگی / مؤسسه:		
شغل / نوع فعالیت:	میزان تحصیلات:	
نشانی:		
تلفن:		
کد پستی:	صندوق پستی:	
شماره‌های درخواستی از شماره	تا شماره	تعداد
درخواستی از هر شماره:	تاریخ:	
امضاء		

بر اساس نامه شماره ۱۳۹۲/۶/۱۶ مورخ ۳/۱۸/۸۷۵۶۴ /مورخ ۱۳۹۲/۶/۱۶ مدیرکل محترم دفتر سیاست‌گذاری و برنامه‌ریزی امور پژوهشی وزارت علوم، تحقیقات و فناوری در جلسه مورخ ۱۳۹۲/۵/۳۰ کمیسیون بررسی نشریات علمی کشور به «پژوهشنامه زبان و ادبیات روسی» نشریه انجمن ایرانی زبان و ادبیات روسی از شماره یک اعتبار علمی - پژوهشی اعطا شده است.

«پژوهشنامه زبان و ادبیات روسی» در پایگاه‌های ISC (پایگاه استنادی علوم جهان اسلام)، SID (پایگاه اطلاعات علمی جهاد دانشگاهی)، پرتال جامع علوم انسانی، سیویلیکا و ResearchBib نمایه می‌شود و مقالات آن قابل دسترسی است.

«پژوهشنامه زبان و ادبیات روسی» از تاریخ ۲۶ ژانویه ۲۰۱۶ در پایگاه استنادی علوم روسیه (رینتس؛ elibrary.ru) با شماره ۱۶/۲۰۱۶ - ۱۸ نمایه شده است و در آدرس زیر قابل مشاهده است.

http://elibrary.ru/title_about.asp?id=56226

پژوهشنامه زبان و ادبیات روسی

پژوهشنامه زبان و ادبیات روسی با هدف انتشار پژوهش‌های اصیل با موضوعات مرتبط با زبان و ادبیات روسی در ایران منتشر می‌گردد و با توجه به عنوان نشریه در حوزه‌های مربوط به زبان روسی، ادبیات روسی، ادبیات تطبیقی، زبانشناسی همگانی، زبانشناسی تطبیقی، آموزش زبان روسی، جامعه‌شناسی و روانشناسی زبان روسی، ترجمه و..... مقاله می‌پذیرد.

راهنمای نگارش و شرایط پذیرش مقاله

- مقالات ارسالی به مجله باید حاصل تحقیق و پژوهش نویسنده یا نویسندگان مقاله باشد.
- زبان مجله روسی است.
- مقاله در مجله دیگری چاپ نشده باشد و همزمان برای مجلات داخلی و خارجی ارسال نشده باشد. مجله از پذیرش مقالات رد شده در مجلات دیگر معذور است.
- ساختار مقاله شامل عنوان؛ چکیده «۱۲۰ تا ۱۴۰ کلمه» و واژگان کلیدی «۵ تا ۷ کلمه» (عنوان، چکیده و واژگان کلیدی به زبان‌های روسی، فارسی، انگلیسی)؛ مقدمه؛ متن اصلی؛ نتیجه‌گیری و فهرست منابع (به زبان‌های روسی و انگلیسی) ارجاع داده شده در متن مقاله، باشد. متن اصلی نباید کمتر از ۳۰۰۰ و بیش از ۴۰۰۰ واژه باشد.
- صفحه عنوان مقاله دارای عنوان کامل مقاله، نام و نام خانوادگی، دانشگاه و مرتبه علمی، تلفن و نشانی پست الکترونیکی (دانشگاهی) نویسنده (یا نویسندگان) باشد.
- ارجاعات در متن مقاله در میان دو کمان (،)، شامل نام خانوادگی نویسنده، سال انتشار منبع و شماره صفحه باشد (ایوانوف ۲۰۱۳، ۹۲).
- منابع مورد استفاده در متن به ترتیب الفبایی نام خانوادگی پدیدآورندگان، به شکل زیر تنظیم شود:
- کتاب: نام خانوادگی، نام؛ تاریخ انتشار (داخل پرانتز)؛ عنوان اثر اصلی و فرعی با خط کج (ایتالیک)؛ محل نشر؛ ناشر.
- مقاله: نام خانوادگی، نام و تاریخ انتشار داخل پرانتز؛ عنوان مقاله؛ نام مجله یا مجموعه مقالات ایتالیک؛ دوره یا سال و شماره برای مجله، محل نشر و ناشر برای مجموعه مقالات صفحه شروع و پایان مقاله.
- منابع اینترنتی: نام خانوادگی، نام؛ عنوان اثر؛ نشانی کامل پایگاه اینترنتی، تاریخ مراجعه به سایت.
- مجله حق رد، چاپ و ویرایش مقالات را برای خود محفوظ دانسته و از برگرداندن مقالات دریافتی معذور است.
- مقاله ارسالی با برنامه "Word 1997-2003" و قلم Times New Roman، اندازه حروف ۱۴ با فاصله ۱/۵ بین سطور، فاصله بالا و پایین صفحه ۲/۵ سانت، فاصله چپ ۳ سانت، فاصله راست ۱/۵ سانت و فاصله برای شروع پاراگراف ۱/۲۵ سانت باشد.
- مقاله به صورت فایل ضمیمه (Word 1997-2003) همزمان به پایگاه نشریه و به آدرس سردبیر myahya@ut.ac.ir ارسال شود.
- برای اطلاعات بیشتر به صفحه نشریه به آدرس <http://www.journaliarll.ir> مراجعه فرمایید.

اعضای مشورتی هیأت تحریریه (بین‌المللی):

استیفان آلوا، استاد زبان و ادبیات روسی دانشگاه ورونا (ورونا، ایتالیا)

ماری آن برودا، استاد زبان و ادبیات روسی دانشگاه لودز (لودز، لهستان)

کادزهیکو ساوادا، استاد زبان و ادبیات روسی دانشگاه دولتی سایتاما (سایتاما، ژاپن)

تاتیانا آلکساندرنا کاشمچوک، استاد زبان و ادبیات روسی دانشگاه کشاورزی سن پترزبورگ
(سن پترزبورگ، روسیه)

والری ولادیمیریچ لپاخین، استاد زبان و ادبیات روسی دانشگاه سگد (سگد، مجارستان)

یوردان دیمیتروف لوتسکانف، دانشیار زبان و ادبیات روسی انستیتو ادبیات آکادمی علوم
بلغارستان (صوفیه، بلغارستان)

آلکساندر واسیلیویچ ماتورین، استاد زبان و ادبیات روسی دانشگاه دولتی یارسلاو مودری
نیژنی نوگروود (نیژنی نوگروود، روسیه)

ایرین یگورونو مادابادزه، استاد پژوهشی زبان و ادبیات روسی انستیتو ادبیات گرجی شوتا
روستاوولی (تفلیس، گرجستان)

فیروزه عبدالله یونا ملویل، استاد زبان و ادبیات فارسی، مدیر بخش پژوهش‌های ایران‌شناسی
دانشگاه کمبریج (کمبریج، انگلستان)

آنجلیکا مولنار، دانشیار زبان و ادبیات روسی دانشگاه مجارستان غربی (سمباتهی، مجارستان)

مهرالنساء نغریبیکووا، استاد زبان و ادبیات روسی دانشگاه ملی تاجیکستان (دوشنبه،
تاجیکستان)

میشل نیک یو، استاد زبان و ادبیات روسی دانشگاه کان، نورماندی (کان، فرانسه)

ناتالیا پترونا ویدماروویچ، استاد زبان و ادبیات روسی دانشگاه زاگرب (زاگرب، کرواسی)

پژوهشنامه زبان و ادبیات روسی نشریه انجمن ایرانی زبان و ادبیات روسی (دو فصلنامه علمی)

اعضای هیأت تحریریه

روسلان احمدشین، دانشیار زبان و ادبیات روسی دانشگاه دولتی مسکو (ام.گ.او)، روسیه
میرلا احمدی، دانشیار زبان و ادبیات روسی دانشگاه تربیت مدرس، ایران
یلنا زاویالووا، استاد زبان و ادبیات روسی دانشگاه دولتی آستراخان، روسیه
سوتلانا شوستووا، استاد زبان و ادبیات روسی دانشگاه دولتی تحقیقات ملی پرم، روسیه
حسین غلامی، استاد زبان و ادبیات روسی دانشگاه تهران، ایران
المیرا قاضی‌یوا، استاد زبان و ادبیات روسی دانشگاه دولتی پیتی‌گورسک، روسیه
ولادیمیر کاتلنیکوف، استاد زبان و ادبیات روسی انستیتو ادبیات روسی «خانه پوشکین»
آکادمی علوم روسیه، بخش ادبیات نوین روسی. سن پترزبورگ، روسیه.
جان‌اله کریمی مطهر، استاد زبان و ادبیات روسی دانشگاه تهران، ایران
والینتین گالوین، استاد زبان و ادبیات روسی انستیتو ادبیات روسی «خانه پوشکین»
آکادمی علوم روسیه، سن پترزبورگ، روسیه.
محمد رضا محمدی، دانشیار زبان و ادبیات روسی دانشگاه تربیت مدرس، ایران
مرضیه یحیی‌پور، استاد زبان و ادبیات روسی دانشگاه تهران، ایران
تامارا یروفی‌یوا، استاد زبان و ادبیات روسی دانشگاه دولتی تحقیقات ملی پرم، روسیه

مدیر مسئول: جان‌اله کریمی مطهر

سردبیر: مرضیه یحیی‌پور

مدیر داخلی: مهدی محمدبیگی

مدیر اجرایی: پروین عزیززاده

ویراستار علمی روسی: سوتلانا شوستووا

ویراستار فارسی: مهیود فاضلی

صاحب امتیاز: انجمن ایرانی زبان و ادبیات روسی

چاپ و صحافی: انتشارات دانشگاه تهران

آدرس: دانشگاه تهران، دانشکده زبانها و ادبیات خارجی، اتاق ۲۳۵

تلفن: ۰۲۱-۶۱۱۱۹۱۲۰؛ فاکس: ۰۲۱-۲۲۱۴۳۸۵۹

شاپا چاپی: ۲۴۹۸-۲۳۴۵

شاپا الکترونیکی: ۳۵۰۰-۲۴۷۶

بها: ۲۰۰۰۰ تومان

تهران - ایران

وبسایت: <http://www.journaliarll.ir>

فهرست

- هوش مصنوعی و ویکتور پلوین ۱۱
لویوف دمیتری یونا بوگایوا
- سه‌گانه (تریلوژی) دانیل دفو دربارهٔ رابینسون کروزو: تجربهٔ ترجمه و تطابق با زبان روسی ۲۹
ورانیکا ویتالیونا وسوکووا
- فلسفه فرهنگی م. یو. لرمانتف: شرق و غرب در اشعار تمثیلی شاعر تاتیانا الکساندراونا کاشیمچوک ۴۷
یاکوف پالونسکی. «بعد از جشن»، ۱۸۴۹: متن و فرامتن ۶۷
ایرین یگورونا مادابادزه
- رویکرد توسعه اشکال پادژی و پادژی-حرف اضافه‌ای در تاریخ زبان روسی ۸۷
لودمیلا ولادیمیرونا تاباچنکا
- گنجینه‌های معنایی کلمات روسی ۱۰۷
زیناییدا آندره‌یونا خاریتانچیک
- کاربرد ارتباطی بازخوانی سناریوی فرایندی در نامه‌نگاری اداری زبان روسی ۱۲۷
ناتالیا یوری یونا گوریوا
- تاریخ بهره‌ای از این نامه‌ها نمی‌برد: ترجمه‌های «نامه‌های بانو روندو» (۱۷۳۹-۱۷۲۸) در روسیه ۱۴۷
سدهٔ نوزدهم کسنیا آندره‌یونا سوزینوا
- کاربردهای زبانی و نظام‌مندسازی اطلاعات دربارهٔ حکومت تزاری روسیه در انگلستان در نیمه دوم ۱۶۵
سدهٔ شانزدهم و آغاز سدهٔ هفدهم گی اورگی ولادیمیروویچ شپاک
- رابطهٔ صفت‌های فعلی کامل و صورت‌های گزاره‌ای افعال متناسب با آنها در زبان روسی و نحوهٔ ۱۸۳
بیان آنها در فارسی قیصر مهربابی
- بازنمایی فضائل معرفتی در نشریهٔ «انگور روینده» (۱۷۸۷-۱۷۸۵) ۲۰۳
یولیا سرگئی یونا شیبیتسینا
- متعارف‌سازی تصویر بصری نویسندگان روس در نقاشی پرتره سده‌های نوزدهم و بیستم ۲۲۱
پراسکوویا ایلی نیچنا ماروزوا